

Крысобой

Направленность: Слэш

Автор: Адино (<https://ficbook.net/authors/680136>)

Беты (редакторы): ilana (<https://ficbook.net/authors/25127>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: ОМП/ОМП

Рейтинг: NC-17

Жанры: Романтика, Драма, Фантастика

Предупреждения: **Насилие**, **Нецензурная лексика**

Размер: Макси, 108 страниц

Кол-во частей: 6

Статус: закончен

Описание:

Сорок тыщ слов геноцида, резни, нецензурной лексики, каннибализма и махрового флаффа ;)

...Человечество убило себя ап стену. Немногие выжившие перебираются в общины-убежища посреди огромной пустыни. Общины ведут жестокую борьбу за власть и ресурсы. Сайлар, молодой командир отряда рейнджеров, оказывается в самом сердце опасных интриг и большой заварушки. Ведь ему не повезло навлечь на себя гнев самого Варлока – мутанта, каннибала, убийцы и вообще занятого парня...

Посвящение:

Моей любимой командочке Фандомных Битв, а именно Ксенофилии: благодаря тому, что эти наглые монстроморды стояли надо мной всю зиму с помпонами и паяльником, этот текст вообще состоялся ;)

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Как нас учит Википедия, крысобой, или же крысиный волк – существо из городской легенды, гласящей: если десяток крыс запереть в клетке без еды, они начнут убивать и пожирать друг друга, пока не останется одна, самая сильная и злая, особь. Это и будет крысобой – каннибал, даже после выхода на свободу продолжающий питаться исключительно своими сородичами.

TOC

TOC	2
Scars and Souvenirs	3
Dreams and Memories	25
Spades and Diamonds	49
Wolfs and Hounds	70
Lost and Found	100
Эпилог	113

Scars and Souvenirs

Remember how we were, we really were,
Before this disaster came and tore us apart.
It was the two of us, it was enough –
The two of us, so in love.
...Till the wind blew high,
Wind of cries, and lightning strikes,
And now we're standing in the eye of the storm,
And everything is gone, nothing remains,
blowing away.

Theory of a Deadman, "Hurricane".

Кори появился на Совете раньше всех, занял лакомое место под кондером и теперь, потягивая дармовой "лимонад", мысленно пересчитывал других глав Общин. Из Большой Девятки, кроме него самого, к назначенному часу явились только трое: весь затянутый в кожу и металлические клепки Чак из Черной Стены (как он только тепловой удар в этом не ловит, непонятно); Шигеру Наги по прозвищу Блендер (только в лицо ему это не скажите) – старший азиатского оазиса, вечно злой из-за резвящихся на его территории мутантов из канализации; а также Ролан, префект Первой Цитадели – сегодня он, как приглашающий, считался номинальным главой Совета. Еще через полчаса, нога за ногу, в зал вкатился веселый Спайк Ли – глава Пятой Стяжки. Его община была самой маленькой из Девятки, но самой продвинутой в смысле сельского хозяйства – Спайк уже месяц хвастал на каждом углу, что в этом году они получают первый на Равнине урожай хлопка.

Каждый глава общины, кроме самого Кори, притащил с собой по паре телохранителей, а кто-то еще секретарей, так что зал потихоньку заполнился народом – несмотря на отсутствие половины Совета. На опоздания здесь, впрочем, не пеняли. Общины Большой Девятки вместе контролировали две трети Равнины, их центры были раскиданы в сотнях километров друг от друга, и главам, чтобы добраться до Первой Цитадели, нужно было преодолеть огромное расстояние под палящим солнцем, в дыму, пыли, среди огрызков цивилизации, превратившихся в радиоактивные свалки. Чудо, что они вообще согласились приехать: Совет Девятки не собирался полным составом еще ни разу с момента своего возникновения. Ролану пришлось приложить немало усилий, чтобы организовать сегодняшнюю встречу; однако дело стоило того – слишком многое стояло на кону.

– Как думаешь, в этот раз все приедут? – спросил у Кори подсевший к нему Спайк. Даже жизнерадостный агроном сегодня немного хмурился, что подчеркивало важность мероприятия.

Ответ Кори знал наверняка – его "глазастики" не зря свой хлеб ели. Но не признаваться же вот так в открытую, что у тебя есть шпион в каждой Общине и от каждого пришел

доклад, что главы едут на сбор?.. Поэтому он только пожал плечами.

– Хорошо бы... о, вот и Слон! – агроном кивнул на вошедшего в зал главу Хайвея. Грузовики с эмблемой его Общины – слоновьей головой – знала вся Равнина: Ангус-Слон был главным поставщиком рабов для плантаций в этих краях.

"Это люди Слона, – не к месту вспомнил Кори, –помогли тогда найти мародеров, утащивших тело Шейна. Сколько ж лет назад это было..."

Слон между тем поприветствовал всех кивком и прошествовал к свободному месту. За ним ломанулись телохранители – аж пять человек.

– А где твое сокровище? – проследив за пришедшими, любопытствовал Спайк. Кори нахмурился.

– Это "сокровище" не более мое, чем долбаное небо над нашими головами, – и добавил, чуть погодя: – В рейде он. Еще не вернулся.

– Давно его что-то не видно, – безмятежно продолжил Спайк, явно не понимая, какую взрывоопасную тему поднял. В зал между тем просочились несколько Вольных фермеров и глав малых общин, не входивших в Большую Девятку. До них никому дела не было – ничего они здесь не решали. Однако бледный, напряженный вид фермеров несколько озадачил Кори, как и прокатившийся по залу шепоток. Что-то заметил даже Спайк, мигом прервавший распросы и прислушавшийся. Слух у агронома был хороший – он первый выцепил из шепота слово, повторенное несколько раз с легким ужасом, и, нахмурившись, повернулся к Кори:

– Там Варлок. Приехал все-таки...

Кори, впрочем, уже и сам услышал, что за слово тараторил бледный фермер.

"Людоед".

Сегодняшний совет обещал быть крайне интересным.

...Они вошли в залу все разом – шаг в шаг, головы вскинута, глаза сверкают. Людей из Общины Содрагаски легко было узнать по выправке и по наглости – эти ничего не боялись, и на всех остальных смотрели как на мусор. Повод у них был: в регулярных отрядах Граски состояло около четырех тысяч человек – настоящая армия по меркам Равнины, – и это без учета полевых работников, которых тоже можно поставить под ружье. Никакая другая Община не обладала такой силой, даже Первая Цитадель с ее прекрасными укреплениями и рабочей артиллерией.

Однако при упоминании Общины Граски люди Равнины вздрагивали вовсе не поэтому – а потому, что бессменным лидером и основателем Содрагаски был Варлок.

Он появился плечом к плечу со своими лейтенантами и вертлявой девчонкой – видимо, одной из гарема. Содраграсские вояки были ребята рослые и широкоплечие – один светленький, один темненький (Алан и Драки, – вспомнил Кори, – оба ходили с Варлоком в знаменитую вылазку против командира Саранчи). Но даже на их фоне глава Общины выделялся ростом – высоченный, костлявый, явно очень сильный, с эдакой хищной неторопливостью движений. Почти два метра костей, мышц и охотничьих инстинктов. Члены почтенного собрания бочком-бочком потекли от него в разные стороны. Не дрогнул только Слон, рядом с которым на сидении разместились содраграсцы. Работоторговцу, впрочем, деваться было некуда – встать и пересесть значило разозлить Варлока, ну а кто в здравом уме станет злить ебнутого на всю голову мутанта-убийцу?.. Так что Ангус сдержанно кивнул в знак приветствия и отвернулся к своим. Его пять телохранителей заметно нервничали.

В отличие от прочих, Кори смотрел на главу Содраграски скорее с любопытством, чем со страхом. Встретить живого мутанта в Общинах уже было событием нетривиальным: большинство из них передохли в первые годы после Бегства из Городов. Какие бы сказки ни рассказывали о мутантах, они по сути своей были отбраковкой – слабыми больными уродцами, а не грозными чудовищами, таящимися во мраке. Пока в Городах все было более или менее нормально, мутанты тихо сидели по подземельям, поедая отходы со свалок. Но когда Бегство выплонуло их вместе с остальными людьми во внешний, жестокий мир, большинство не смогло приспособиться к изменившимся условиям. Выжили единицы – самые здоровые, злые и сильные; те, кому повезло с мутацией больше других, кто смог жрать непривычную пищу, дышать странным воздухом Равнины, драться, бегать и убивать.

Глава Общины Содраграски был крысиным волком среди них. Единственным на всю Равнину мутантом, который смог не только выжить, но и подняться вверх по лестнице человеческого социума, сожрав соперников – ох черт, в буквальном смысле сожрав. Замотанный в серые и коричневые тряпки с головы до пят, облаченный в плотный кожаный нагрудник и наплечники с шипами, он торчал посреди зала Совета как эдакая мрачная горгулья. Ни клочка обнаженного тела – все скрыто тканью, укутано, упрятано; на голове – капюшон, под ним – тканевая обмотка, глаза прячутся под гогглами; руки в автомобильных перчатках, видны только последние фаланги пальцев (поблескивающие чешуйки) с острыми длинными когтями. Видимо, в знак особого расположения к Совету Варлок не нацепил сегодня ни одну из своих безделушек из человеческих костей – таскать такое на себе он был большой любитель.

Лейтенанты сели по правую и левую руку от него, девка устроилась в ногах. Рабыня в легкомысленном платьице принесла новоприбывшим графин ледяного напитка, на который ребята тотчас набросились, а Варлок полностью проигнорировал. Вздурораженное появлением содрагасцев собрание потихоньку успокаивалось.

Часы над входом мигнули красным и показали "12:00:00" – минул уже час с того момента, как Совет должен был начаться. Кори валялся на подушках, изображая праздную расслабленность, но сам потихоньку начинал волноваться. Отсутствовало двое глав Общин Девятки: дружище Рэтти Янг из Железного Леса и Каору Эссинг из Доктрины. И если отсутствие докта было понятно – Эссингу от своего поселения надо было пилить через пол-Равнины, – то куда делся Рэтти?! Янг не был особо популярным лидером

Общины, что делало его хорошим союзником: он нуждался в поддержке со стороны, чтобы сохранять контроль над своими "подданными". Но это же было и проблемой: смена власти, сопровождавшаяся физическим устранением предыдущей власти, была в Общинах делом обычным. Рэтти до Совета мог просто не доехать. Не то чтобы его было так уж жалко – но, блядь, именно сегодня его голос был нужен! А там пусть хоть сам убие...

– Вау! Я не последний!

Легко на помине. Целый и невредимый, все такой же рыжий и встрепанный, Рэтти Янг переступил порог залы и пошел по кругу, приветствуя других глав Девятки (и игнорируя всех прочих – будет он на всяких тут размениваться):

– Привет, Ролан, сделал бы, что ли, рожу попроще; Слон, здарсьте, ты что, пятый подбородок отрастил?.. О, Людоедская морда, здоров! И тебе привет, Наги, все еще бредишь своими черепаками? Чак, черная кожа вышла из моды еще до первого Апокалипсиса. Спайк, мистер мы-вырастим-первый-урожай-хлопка, хаюшки! ...И кстати, Чак, – ты в этом прикиде похож не на крутого перца, а на гея-стриптизера. Сам козел. Ииии – привет, Шлюший король!

Последнее относилось к Кори.

"Господи, как этот дебил и свои-то два года в главах Общины продержался?!" – подумал Кори, поднимаясь и пожимая руку рыжего. На "шлюшьего короля" он, впрочем, не обиделся – это был его почти что официальный титул. Так уж вышло, что маленькая община Оазис славилась на всю Равнину своими борделями, и именно Кори приложил руку к тому, чтобы так стало. Расскажи он кому шесть лет назад, что собирается заработать состояние на Равнине при помощи шлюх – да его б засмеяли. Этот мир едва-едва пережил уже второй за полстолетия конец света, и каждый третий человечиска здесь был готов давать не то что за деньги – за еду! Но Кори точно знал, что делал. Тяжелый труд, жара, сменявшаяся ураганами и пылевыми бурями, радиоактивные свалки и постоянная угроза нападения двуногого зверья – вот чем жили люди Равнины. И всем им хотелось, до одури хотелось... праздника. Не будничного секса с собственными чумазыми женушками, еле живыми после дневной пахоты; не вонючих шлюх, отдающихся за полглотка самогона и принимающих по десятку человек за ночь. Нет, блядь, – всем этим замученным фермерам и издерганным бессонницей воякам хотелось чего-то такого... Мягких перин, гладких простыней, холодной выпивки, запаха какой-нибудь ароматической дури, и при всем этом – томной красотки в невесомых прозрачных шмотках. И чтоб звала "мой сладкий". И сама была вся – как конфетка...

К слову так – конфет на Равнине до сих пор никто производить не научился, так что вкус сладостей местные помнили только с детских или юношеских лет, из жизни до Бегства из Городов. Вкус мечты и утраченного покоя... Это Кори тоже учел и в свое время сорвал нехилый куш, первым притащив на продажу партию контрабандного шоколада. А вы говорите "шлюший король" – да я же чертов финансовый гений!

– Ты где пропадал? – спросил он усевшегося рядом Рэтти, изображая заботливость.

– Да не поверишь, машина заглохла, – отозвался рыжий, цапая стакан лимонада. – Что, спиртное Ролан зажиллил, да?..

– О деле будем говорить, какое тут спиртное? ...Это ж как так твой механик налажал? Когда у главы "Общины механиков" машина глохнет – это удар по репутации.

– Сам знаю, – пригорюнился Рэт. – Черт-те что творится. Когда мотор заглох и мы посреди пустыни встали, я здорово струхнул. Сам знаешь – у нас, когда машина глохнет, потом обычно из-под камней вылезают не улыбочивые ребята с автоматами, а потом в общину приходит грустная весть – туда-сюда, нашего дорогого главу, эээ, загрызли злобные мутанты. Давайте его оплачем и срочно назначим меня новым главным! Но в этот раз, как ни странно, все обошлось. Кстати, знаешь, кого я встретил? Сайлара с командой.

На душе у Кори стало чуть теплее – *жив, вернулся, в порядке*. И он, стараясь сдержать улыбку, спросил:

– Где?

– Да там же, на дороге. Они нам и помогли починиться. Вылазка у них хорошо прошла – все целы, только Кана слегка поранило. Лар собирался его забросить к семье на ферму и двигать сюда.

– Вот и хорошо. Рэт, смотри, Эссинг приполз! Ну все, начинается...

– У нас есть проблема, и все вы знаете, какая, – Ролан Эйдж обвел мрачным взглядом зал Совета. – Города.

Ответом ему был гул голосов.

"Ох и выгнать бы отсюда половину всех, – устало думал префект Первой Цитадели. – Оставить только непосредственно управителей Большой Девятки и пару представителей Вольных Ферм из самых адекватных. Но нельзя. Главы Общин шага не ступят без своих телохранителей, а просьбу выгнать "секретарей" и любовниц воспримут как оскорбление. Этот сброд будет грызться и строить из себя незнамо что даже перед лицом катастрофы. Из всей Девятки только Кори, Спайку и Эссингу можно хоть как-то доверять..."

– Поток беженцев оттуда все растет и растет, – перекрыл шум голос Ангуса. Слон усмехался: большинство ищущих лучшей жизни беглецов попадало прямоком в его товаровозки, а оттуда на плантации или в бордели Оазиса. Немногие одиночки, сумевшие избежать лап работорговцев и добравшиеся до Общин, считались прошедшими жизненный "экзамен" и принимались в полноправные граждане Равнины. Иногда.

– Города задыхаются в своем дерьме, – мрачно бросил Чак. – Пусть и дальше задыхаются, нам-то что?

– У них есть бомбы, танки и авиация, – негромко, но уверенно произнес Каору Эссинг. Бывший военный (еще более редкая птица на Равнине, чем живой мутант), он лучше других понимал суть вопроса. – И если с танками все более-менее решаемо: сквозь Красный Пояс их попросту не проведут, то первое и третье – это проблема.

– Мы больше не горка отщепенцев, какими были в первые годы после Бегства, – вновь взял слово Ролан. – Мы теперь – новая формация, другой путь жизни человечества. Вероятно, более перспективный, чем Города; в любом случае – независимый. Мы угроза.

– По всем нашим каналам идет информация о том, что в Городах последние два года идет целенаправленная кампания против Общин, – развил мысль Эссинг. Пока все шло как задумано: кто, что и как будет говорить на Совете, Ролан и его союзники обсудили заранее. – На нас повесили чуть ли не организацию катаклизма, предшествовавшего Бегству. Кроме того, в СМИ создается образ Общин как сборища отбросов и мутантов, варварской клоаки. Некоторые, – добавил Каору, посмотрев на Варлока, – нашим городским друзьям в этом очень помогают.

Оба содраграсских лейтенанта тотчас уставились на докта с выражением "Дай нам повод вломить тебе, пожалуйста". Варлок хранил молчание.

– Не надо ссор сейчас, – поморщился Ролан. – Я собрал здесь всех, с кого начиналась жизнь на Равнине. Общины никогда не были мирным местом, и вас, господа Совет, сложно назвать друзьями, и драки за ресурсы и территории у нас каждую вторую неделю идут как по расписанию, но... Мы начинали. Мы привели сюда людей, мы строили первые поселения, бурили первые скважины для воды, разгребали старые свалки и снимали урожаи грибниц. Я хочу, чтобы вы поняли – мы сейчас в одной лодке. Та тварь, от которой мы бежали, теперь пришла за нами сюда. Или вот-вот придет...

– Это все красивые слова, Эйдж, – разнесся над залой хрипловатый голос Шигеру с его неповторимым азиатским акцентом. – Но что ты предлагаешь? Города придут сюда – сначала со сладкими речами, потом с бомбами и самолетами. Они скажут, чтобы мы открыли им границы, чтобы приняли их законы и стали платить дань – налоги, как они это называют. Они захотят построить тут свои стены и поставить свои машины. Мы скажем "нет"... Что будет дальше? Война?

– Войны не будет, – сквозь поднявшийся в очередной раз гул вставил Слон. – Эссинг – параноик, а ты, Ролан – известный любитель всех строить рядами. Городам нет до нас дела. После Бегства они едва справляются с тем, чтобы как-то жить...

– Именно поэтому они и полезут в Общины, – молчавший доселе Кори неожиданно легко привлек общее внимание. – Именно потому, Слон, что они – в дерьме, а мы, пославшие их в зад, нет.

Светловолосый и голубоглазый глава Оазиса, даром что Шлюший король, обладал каким-то особым влиянием на людей – обернулись его послушать все. Даже мрачная статуя, в

которую обратился Варлок, повернула голову.

– Города в кризисе – и экономическом, и социальном, – опять подхватил нить Эссинг. – В первые годы после Бегства там все силы ушли на то, чтобы восстановить какое-то подобие власти и цивилизации, и им было не до Общин. Они строили эти свои машины и упирали на то, что все ушедшие в пустыни быстро передохнут. Но годы идут, в Городах все та же разруха, население сокращается, средняя продолжительность жизни так и не выровнялась после Катаклизма. Мы пока не знаем, что будет у нас, но одно заметно уже сейчас: в Общинах дети рождаются, и много. В Городах – нет.

– Кому какое дело до детей? – встрял Чак.

– Мне есть дело, – крайне двусмысленно хмыкнул Слон.

– И мне.

Ролан чуть не вздрогнул от звуков этого странного, какого-то совсем нечеловеческого голоса. Никто никогда не видел Варлока с открытым лицом, и поговаривали, что у Содраграсского Людоеда там вообще не лицо, а морда – потому и выговор такой странный.

– И мне, – задумчиво повторил Варлок. – За стенами Граски сейчас бегают орава мелюзги, и говорят, то ли трое, то ли вообще семеро из них – мои. Хер знает, правда ли это, но их матери безопасное будущее для своих крошек, кхх, заслужили. Я, – Варлок перешел на что-то среднее между рычанием и шипением, – любому желающему наложить лапы на мою мелюзгу, моих женщин и мою территорию готов доходчиво объяснить, что делать этого не стоит. Горожанам тоже.

– Нахер ты тогда уши их посланнику отрезал? – брякнул Чак. – Помяни мое слово: если они придут сюда, то начнут с тебя, людоед.

– Людоедство, - посмаковал слово мутант, - я слышал, это штука, которой то и дело занимаются все политики, разве нет? Ухо, кстати, я отрезал только одно. А его обладателя вышвырнул в черную зону Красного пояса без защитного костюма, так что вряд ли уши ему вообще еще хоть когда-то понадобятся.

Ролан хотел было прервать этот обмен любезностями – но его опередили.

– Молодец, людоед, очень умный поступок! – грянуло от порога. – Будь ты хотя бы человеком, я б спросил, где были твои мозги; но мозги пресмыкающимся вроде не положены?

"Ох бляяядь", – только и успел подумать Ролан, видя как подхватывается Рэтти, взвизгивается Блендер, бледнеет Кори и медленно поворачивается ко входу Содраграсский Людоед.

В дверях стоял Сайлар. События принимали какой-то уж совсем скверный оборот.

Бывали дни – редко, но бывали, – когда Кори начинал себя чувствовать, ну, знаете, состоявшимся человеком. Во-первых, он выжил. Выжил на улицах, выжил во время Бегства из Городов, когда вокруг погибло четыре миллиона человек, выжил на Равнине, в дни закладки первых Общин, и потом, во время набега мародеров... Во-вторых, он был богат и влиятелен. Пусть это "богат и влиятелен" на Равнине звучало очень относительно – очень жалкое богат и влиятелен в сравнении с большими шишками других мест и других времен. И все же приятно было иногда думать... приятно, но... Но потом из очередного рейда возвращался Сайлар. Как песчаная буря из пустыни. Как паводок по реке – ведь были же в этом мире когда-то реки?! И Кори понимал, что в его жизни все по-прежнему вверх дном, как было в городских трущобах, как было во время Бегства – как будет, наверное, всегда. Он был одновременно самым счастливым и самым больным влюбленным придурком во Вселенной.

Лар... Было время – когда-то, годы назад, – когда многие говорили о нем не иначе, чем как о самом красивом парне в этой части света. Никто, включая самого Сайлара, не знал, кем были его родители, – но от кого-то из них ему досталась сильная примесь индейской крови. Она подарила ему эти невозможные скулы, темно-зеленые глаза с необычным разрезом и гладкую чуть смуглую кожу, от запаха которой Кори просто улетал.

Но то время давно прошло. *Умерло вместе с Шейном*. Если сейчас люди и говорили о Сайларе, то как о "том ублюдочном психе". Он сам сделал все, чтобы заслужить такую репутацию. И делал все, чтобы если и не убить, то исковеркать свою внешность. Старательно брился наголо, не оставляя ни прядки чудесных шелковых волос; любую свободную минуту проводил за физическими упражнениями, что делало его тело каким-то неестественно накачанным для небольшого роста. Лару как будто нравилось подставлять лицо убийственным солнцу и ветру Равнины, из-за чего кожа обычно загорала дочерна и обветривалась. А еще ему нравилась грубая, на вид жесткая и неудобная одежда. И оружие. Все, что добавляло образу агрессии. Тем стройным юношей со сверкающими глазами его, похоже, теперь помнил только Кори.

...Едва услышав знакомый до боли голос от дверей зала Совета, "шлюший король" Равнины понял, что грядет беда. Черт возьми, он должен был об этом подумать.

Потому что Рэтти сказал, что Сайлар собирался забросить раненого и приехать сюда.

Потому что Сайлар как глава рейнджеров имел право допуска на Совет.

Потому что Сайлар и существо вроде Варлока в пределах видимости друг друга – это почти наверняка труп либо одного, либо второго.

– ...Будь ты хотя бы человеком, я б спросил, где были твои мозги; но мозги пресмыкающимся вроде не положены?.. – закончил Лар, глядя уже в глаза повернувшегося к нему содрагасца. Вернее, в мутные стекла гогглов, за которыми тот прятал глаза. Это было чуть ли не единственное слабое место Варлока; то ли из-за какой-то травмы, то ли будучи по природе существом ночным, тот яркого света не переносил и никогда не вылезал из бункера без очков или защитной маски. Все это пронеслось в голове Кори, пока он мучительно соображал, *что, черт возьми, делать*.

Выходка Лара мало отличалась от тычка палкой в осиное гнездо, только вместо ос тут был большой, злой мутант, один из лучших убийц на Равнине, плюс два... ёпт, три! три!! его бойца.

Последнее замечание относилось к варлоковой девице. Содраграссцы без слов поняли, что назревает драка, и сместились так, чтобы прикрыть вожака. При этом лейтенанты явно поделили зал, чтобы каждому – включая девчонку – досталось равное количество потенциальных целей; а значит, баба, которую Кори принял за гаремную штучку, на самом деле – еще один боец.

Секунды тянулись мучительно долго, как в замедленной съемке. Варлок не двигался, просто сидел и внимательно смотрел на Сайлара. Кори не мог видеть, но каким-то шестым чувством ощущал этот взгляд: цепкий, ощупывающий, он прошелся по всему телу парня, сжал его, как кольца удава. Зал сковало чудовищное напряжение, люди замерли, ожидая готовой вот-вот разразиться грозы.

Кори потянулся к припрятанному ножу. Будь что будет, но Лара он твари не отдаст. Потом уши лично надерет за взбрык, но не отдаст. На кого из этого сброда хоть можно положиться?! Кто поддержит, кто рискнет вступить... Ролан, да сделай же что-нибудь, ты тут хозяин, тут должны быть твои люди, этой гадине одного взмаха когтями по горлу хватит, чтобы...

– Кххх, – неожиданно прозвучал в тишине смешок Варлока. – Какая маленькая собака. Но какая *шумная!* – и, якобы потеряв всякий интерес к рейнджеру, мутант отвернулся.

Кто-то шумно выдохнул, кто-то нервно рассмеялся – люди поняли, что кровопролития не будет. Глава Содраграсски дал понять, что не станет реагировать на такие мелкие подначки – по крайней мере, сейчас. Всех это устраивало.

Кроме Лара. Его глаза загорелись темным огнем – "маленькая собака?!", и он шагнул вперед. Но тут на нем буквально повис Рэтти.

– Лар, какая встреча! – рыжий глава Железного Леса стиснул рейнджера в объятьях и навязчиво подтолкнул к сидению. – Я думал, ты не ходишь на Совет! Сядь рядом со мной, а то одному мне страшно – кругом хрень какая-то: людоеды, педофилы...

Сайлару, может, и удалось бы отцепить Рэтти от себя, но тому на помощь уже подошли объединенные силы общин Доктрины и Оазиса. То есть Эссинг и сам Кори, быстро оттершие рейнджера от содраграссцев и чуть ли не силком усадившие на сидение. Кори, проклиная все на свете, одной рукой как бы игриво приобнял Лара за талию, второй сильно стиснул запястье – ну не рыпайся же ты, ну пожалуйста, не сейчас. Рэтти продолжал нести вздор и придерживал парня с другой стороны. Кори чувствовал, как Сайлар напряжен и взвинчен – тронь и вспыхнет. Однако на открытый конфликт со своими он не пошел – остался сидеть, молча буравя Варлока взглядом.

– Продолжим, – выдержав паузу, произнес Ролан. Его взгляд, брошенный на Кори, не обещал ничего хорошего. Похоже, после Совета придется выслушать нотацию. А вот хрен тебе, сам бы мог об этом подумать... Префект Цитадели опять заговорил про Города –

объяснял более подробно, что именно докладывали их информаторы оттуда. Но слушали его уже не так внимательно – выходка Сайлара что-то сломала в продуманном, отрепетированном ходе совещания. Дело шло к кульминации. Сейчас Ролан даст еще немного побузить сомневающимся, потом один из вольных фермеров как бы невзначай произнесет...

– Мы можем спорить тут хоть до нового армагеддона, – резко оборвал сцепившихся Слона и Чака Шигеру. – Я еще раз спрашиваю, Ролан – что ты предлагаешь?

"Рано, – уныло подумал Кори. – Слишком рано. Нужно было чтобы они хорошо себя накрутили, высказали все свои сомнения, страхи, догадки. Успели сами себя в чем-то убедить. Если Ролан заговорит сейчас – ничего не выйдет".

– Вам не понравится то, что я скажу, – мрачно начал Эйдж. – В таком виде, как сейчас, Общины обречены. У нас есть только один шанс противостоять Городам. Для этого нужно две вещи: объединиться и частично принять их правила...

– Чтооо?!

Заставить зал заткнуться и говорить хотя бы по очереди удалось далеко не сразу.

– Ты рехнулся, Ролан! Единой власти у Общин быть не может. Сам небось хочешь стать главой над главами?! – это Чак.

– Чтобы Города приняли нас, нужно соблюдать их законы. И что – рабов освободим и зарплату им за пахоту на фермах платить начнем?! – Слон.

– Города – это обязательные чипы для всех, и машины, которые следят за тобой днем и ночью. Мы на такое не пойдём. Или все забыли Бегство?! – вольный фермер.

– Они нас прожуют и выплюнут – хоть объединенными, хоть нет, – снова Чак. И так по кругу.

Где-то на пятом витке возбужденного перетирания одного и того же Кори смог вставить слово.

– Ролан говорит не о полном принятии образа жизни Городов. Мы прощупывали почву, смотрели, как они действуют в других местах. На тех же рабов там закроют глаза, если мы сделаем хорошую мину и обзовем их "персоналом на длительном контракте". Что ты в том контракте пишешь – твое личное дело, а как заставить людей подписать что угодно, вы все и так прекрасно знаете.

– Что, Кори, у тебя и шлюхи станут "персоналом на контракте"? – грохнул Слон.

– У меня шлюхи станут "сотрудниками рекреационных центров", – ухмыльнулся глава Оазиса. – Я по такому случаю даже книгу жалоб и предложений заведу. Можете оставлять автографы.

– Вас не просят полностью слагать полномочия, – негромко произнес Ролан. – Главы Общин останутся главами, но нам потребуется общее руководство, общий суд, полиция и а...

– Ах полиция, говорите... – пробормотал, и довольно громко, Сайлар. И эта реплика вдруг вызвала неожиданную реакцию:

– Кори! – поморщился Слон, которому явно хотелось сорвать на ком-то злость. – Ты б и впрямь, что ли, попрдержал свою сучку, а?

Повисла тишина.

– Сайлар, – медленно и очень отчетливо произнес глава Оазиса. – Не "моя сучка". И не твоя, Слон.

– Оно и видно, – ощерился работорговец. – Пупсику нужен намордник и крепкий член в заднице раз-другой за день. А то ведь, если я правильно понимаю, с тех пор как братишки Варлока спустили его парня на шашлык, нашу лапушку никто толком не трахал?

Остановить метнувшегося через зал Сайлара не успели даже ангусовы телохранители. Хоть Слон и весил раза в два больше, рейнджер успел рывком стянуть его со скамейки и приложить о нее же лицом. Истошно заверещал чей-то секретарек, взвились бодигарды, выкручивая руки Сайлару, на бодигардов накатились Кори и Рэтти и неожиданно пришедший на подмогу Спайк с двумя своими людьми. Содраграсские лейтенанты чуть ли не подпрыгивали на месте, жалея, что им не досталось ни кусочка от пирога драки, – но без приказа вожака лезть не решались. Каору, Блендер и их общинники пытались разнять сцепившихся. Ролан требовал тишины и звал своих людей. Большой Совет Равнины превращался в банальную свалку. И посреди всего этого, недвижимый, непроницаемый, замер Варлок.

Через полчаса все было кончено. Слон и его люди, изрыгая проклятья, покинули собрание. С ними ушел Чак – кому-то из людей Черной стены нечаянно прилетело в драке, ему нужна была помощь. Остальные попробовали о чем-то еще говорить, но дело не клеилось. Рэтти украдкой вытянул из внутреннего кармана флягу и потихоньку надирался. Блендер шипел на Эссинга. Спайк стоял в дверях и махал всем рукой, прощаясь, – его ждала дорога домой, любимая жена и посева. Содраграсцы же просто исчезли – снялись с места в один момент, и никто не помнил, когда именно.

Это была, конечно, не катастрофа, но, без сомнения, провал. Они знали, на что шли, знали, что главы Девятки на предложение Ролана не согласятся. Но планировали совершенно иное окончание Совета, сорванное этой вспышкой.

Кори украдкой посмотрел на Сайлара. Мрачный, нахмуренный, со свежими синяками на лице, тот сидел на полу в стороне от всех и грыз грибной сухарь. Красивый. Даже сейчас красивый. Хотелось подойти и обнять его. Нет – сначала врезать. Но потом обнять. Чертовщина...

"Шейн, – подумал Кори. – Шейн, Шайни, Солнечный ты наш лучик, с-сууука. Ты и при жизни был одной сплошной проблемой – и что самое странное, сейчас, через шесть лет

после смерти, ею же и остаешься!"

Его звали Шэнон Рэй, представлялся он обычно как Шейн, но в Стае Кори (так себя гордо звала их компашка) это имя быстро превратилось в "Шайни". Самому Шейну прозвище не нравилось, но деваться было некуда – раз прилипнув, оно уже не исчезло.

"*Мальчик из хорошей семьи*", – думал Кори едко. Нет, конечно, слабаком или мямлей Шейн и близко не был. Он умел драться не хуже любого другого в Стае, хорошо ладил с огнестрелом, а в технике вообще шарил как бог. Он не был слабее их – просто был другим. Кори, Сайлара и остальных стоять за себя учила улица, а Шейна... Они не знали, кто именно, но в нем это чувствовалось: забота и любовь. Все, что он мог и умел, он мог и умел потому, что кто-то вложил это в него – кто-то, кто готов был часами возиться с парнем, показывать, объяснять, помогать, трепать по волосам, когда у него получалось, или находить пару мудрых слов, когда не выходило ничего. Наверное, это был отец. Такой сильный, суровый, но неизменно любящий отец, какого хотели бы иметь все они, уличная шпана. И, наверное, где-то там была и мать – мать, которая с улыбкой наблюдала, как сын под руководством папы попадает точно в центр мишени или собирает очередного бота, и говорила ему: "Молодец, Солнечный лучик!".

Конечно, все это Кори просто придумал. Но не на пустом месте. Шайни был другим, чужим, непохожим на них. Более открытым. Не таким циничным. Не боящимся своих чувств, умеющим их проявлять.

Он смотрел на жизнь спокойным прямым взглядом – наверное, это и зацепило Сайлара. А может, и не это. Черт возьми, Кори так никогда и не смог найти ответа на мучительный вопрос – что ты в нем нашел, Лар, что ты в нем нашел?

Что толку было спрашивать теперь? Только ему одному, кажется, и было дело до всего этого. Поиски ответов. Не заданные вовремя вопросы. Все они были детьми Апокалипсиса, жителями мира, подвешенного над пропастью на одну старую пластиковую бельевую прищепку. Все, что рождалось здесь, часто заканчивалась, не успев начаться... как жизнь Шейна. Как их с Сайларом любовь.

"Вот так, Шайни, – мрачно подумал Кори. – Все, на что тебя хватило, – появиться в нашей жизни, забрать у меня Лара и сгинуть бессмысленно и бесследно в жарком пламени Бегства из Городов".

...Они все – Стая – выжили тогда благодаря чутью Кори и его шельмовскому везению. У него был готовый план отхода из Города и сныканное посреди пустыни убежище в стороне от больших дорог с запасом всего необходимого. Оно, в общем-то, затевалось, чтоб прятаться от копов, – но, как выяснилось, целям спасения от конца света тоже соответствовало. В страшные первые дни Бегства, когда позади, впереди и везде вокруг люди гибли тысячами, Кори благополучно вывел своих ребят из западни, в которую превратился Город, и устроил в безопасном месте. У них была еда, вода, бензин, машина и оружие – целое состояние по тем временам.

На двадцать шестой день после формального завершения Бегства они встали стоянкой в заброшенном еще до Первого Падения ранчо. Хорошее было место – с высокой, не сильно разрушившейся стеной по периметру, и почти не фонившее. Пять человек с ружьями могли оборонять его от целого отряда, пока не кончатся патроны – а патронов у них было в избытке.

Это вот опасное чувство уверенности, подаренное стенами, и привело к беде. И еще машина. Ее угораздило заглохнуть в двухстах метрах от ворот ранчо. Завести ее быстро не удалось, солнце припекало, и они всем кагалом, матерясь и ворча, разобрали вещи и дотопали до укреплений пешком. Час ушел на отдых и первичное устройство лагеря; на его исходе Роб и Зак решили вернуться к машине и кликнули с собой Шейна, как самого секущего в механике.

Был день, черт возьми. Ясный день. И машина была всего в двухстах метрах. И они ушли туда втроем, все трое с оружием. И Кори стоял на стене с биноклем, рядом сидела Линта с ружьем – что такого могло случиться?

Память услужливо воскрешала в памяти этот час шесть лет назад. Бело-желтую пустошь, тут и там усеянную фундаментами старинных построек, черточку холмов вдалеке, скелет дороги и машину на нем. Кори всматривался в холмы, пытаясь разглядеть там следы человеческого присутствия. Минут через двадцать к нему поднялся Лар, бегавший куда-то – кажется, смотреть, что творится в подвалах ранчо.

- Уф, хоть ветер подул, – выпалил он, убирая за уши липнущие ко лбу каштановые пряди.
– А то варимся тут... А где Шайни?

- Да вон он, – Кори, испытав привычный уже приступ раздражения, махнул рукой в сторону машины и опять уткнулся в бинокль. Не удержался и посмотрел на троицу у грузовика. Шейн открыл капот и что-то внимательно там рассматривал, Зак и Роб откровенно пинали балду, сидя на корточках с теневой стороны. Вот засранцы, могли бы пока...

- Я к ним пойду, – Лар, не дожидаясь какого-либо разрешения от старшего товарища и жоака, повернулся к лестнице.

В этот момент Шейн, склонившийся над капотом, вдруг резко выпрямился и начал странно валиться на бок.

Линта закричала. Там, у машины, закричали. Побледневший Лар рванулся обратно на стену. А Кори, не веря глазам, смотрел, как вырастают у грузовика одна за другой мрачные двуногие фигуры.

Никто так и не узнал, откуда они взялись – то ли успели подкрасться, пока Стая обустроивала лагерь, то ли, что вернее, прятались где-то неподалеку среди старых фундаментов. Их было восемь – восемь изнуренных людей в потрепанной одежде, с явной печатью голода в пустых глазах. На двадцать шестой день после начала Бегства из Городов смерть все еще продолжала собирать жатву, в изобилии встречая тех, кто не мог добыть себе еды и воды. Но эти восемь человек не хотели умирать.

Их не испугали выстрелы, грянувшие со стены. Не испугало даже, когда Зак, выдернув из-под носа атаковавших окровавленного Роба, смог достать пистолет и, вжавшись спиной в бок машины, начать палить по ним почти вплотную. Одного ублюдка убило на месте, еще одного они нашли потом – он издох в камнях метрах в ста от машины.

Кори сам не помнил, откуда у него в руках взялось ружье и сколько раз он успел выстрелить, прежде чем увидел бегущую от стены к машине темную фигурку. Лар несся так, как будто за ним демоны гнались. И Кори, чертыхаясь, спустился вниз и побежал следом. А за ним остальные – кроме Линты, продолжавшей палить сверху.

Двести метров. Двести. Это же блажь, а не расстояние. Только вот напавшая на них банда решила обратиться в бегство еще раньше. Когда Кори подлетел к грузовику, то увидел только Зака с ошалевшими глазами, внезапно невредимого, и Роба с окровавленной головой – попали камнем.

А потом из-за кузова выскочил Сайлар, оббегавший машину по кругу, и беспомощно спросил:

- Где Шейн??

...

Они нашли только дохлого мародера. И второго – в ста метрах от машины. Шайни не было нигде – по всему выходило, что шайка, отступая, увела его с собой. Или унесла.

Кори пришлось принимать решение прямо там, под начавшим крениться к закату солнцем Равнины, у скелета дороги и останков старого ранчо. И, глядя в отчаянные, безумные глаза Сайлара – его прекрасные, удивительные темно-зеленые глаза, – он сказал:

- Линта остается с Робом. Остальные – со мной, бегом. Догоним ублюдков!

И они рванули вперед.

Равнина обманула их тогда. Она казалось такой плоской и пустынной из кабины грузовика и со стены ранчо – а на деле оказалась мешаниной камней, рытвин, небольших всхолмий и вездесущих остатков прежних человеческих поселений. К тому же дул ветер. Ветер, которому так радовался Сайлар, поднимал в воздух облака местной бело-желтой пыли и вел их не туда. То, что они приняли с самого начала за след удирающих мародеров, на деле оказалось просто пыльным бурунчиком. Точно такие же виднелись впереди слева, и справа, и справа-чуть-сзади... везде. Куда идти? Потом высоченному Заку показалось, что он разглядел уходящие вглубь Равнины фигуры далеко впереди, и они пошли в том направлении, через какое-то время действительно обнаружив на камнях следы крови (чьей??). Вперед!

Эта вылазка была безумием с самого начала – они могли попасть в засаду, или заблудиться и не найти дороги назад к ранчо, или... всю опасность мероприятия Кори в полной мере осознал, когда в уже успевшей упасть на плечи вечерней полутьме они

набрили на других людей.

Это была не напавшая на них шайка, но некто значительно более опасный. Два больших грузовика стояли бок о бок, в них спало явно немалое количество людей, а еще шесть или восемь часовых с ружьями охраняло их сон. Окажись незнакомцы враждебными, это могло бы кончиться для Стаи очень плохо.

Но они не оказались. После дежурного "обмена любезностями" в духе "Стой, кто идет?!", Кори положил свое ружье на землю и едва ли не взмолился, чтоб его подпустили ближе и выслушали. Он не знал тогда, но в тот вечер дело ему пришлось иметь с Эриком Фростом, правой рукой Ангуса Элефанта, будущего главы Общины Хайвея. Для человека, столкнувшегося посреди пустыни с отрядом вооруженных озлобленных парней, Эрик повел себя просто на удивление человечно. Выслушал, покивал мрачно и дал направление.

- Видели мы этих, за которыми вы гонитесь. Сброд. Увидели нас и резво так свернули в сторону. Оно и понятно – оружия у них вроде не было. И да, был там один большой дядька, он на плече тащил что-то большое. Может, просто мешок, а может, и...

Даже в темноте было видно, как бледны пальцы Сайлара, судорожно сжатые на прикладе.

Они двинулись по указанному пути.

И довольно скоро увидели на низко ползущих тучах отсветы костра. Мародеры устроили себе стоянку в каком-то кратере, неплохо защищавшем от ветра. Отряд Кори подползал к нему в зловещей мерзлой тишине. А дальше все было быстро, очень быстро и просто. У тварей ведь даже не было оружия, кроме ножей и камней. К тому же все пять обнаружившихся в укрытии мародеров оказались мертвецки пьяны.

Дьявол, да что же это такое. У них не было жратвы, но зато они таскали с собой бухло. И ужрались без задних ног, не оставив даже одного часового – то ли отмечая удачную вылазку, то ли поминая усопших братьев... да в общем, просто так.

Глупо, как же глупо...

С момента нападения на машину до момента, как Зак пристрелил последнего мародера, прошло всего часов пять. Может, даже и меньше. Им чертовски повезло – они нашли своих врагов, победили и выжили.

Вот только Кори понял, что произошло, еще на подходе к лагерю – когда почувствовал запах.

Дальше было какое-то безумие. Он стоял на краю кратера, за пределами круга света, отбрасываемого костром, и держал рвущегося из рук Сайлара. А тот плакал, брыкался и звал по имени Шейна – снова и снова.

Глупо, как же глупо...

Зака мучительно тошнило за камнями. Остальные, стараясь не глядеть друг на друга, молча ходили по лагерю и собирали в мешок останки.

Они нашли там все вещи Шейна, и джинсы, и ботинки, и куртку, и даже белье. Его зажигалку и сигареты, пистолет, которым он не успел воспользоваться, пару ножей и комм. Мародеры растащили снаряжение на сувениры – как, впрочем, и его самого.

Идиотская мысль. Бля, нельзя думать об этом. Но он только думал, что уже, наверное, никогда не сможет есть жаркое. Особенно, блядь, ребрышки. Зачем он только посмотрел тогда на землю у самого костра и увидел эти ребра – их крепко держала лапа мертвого мародера, сильно, видать, оголодал бедняга, даже после смерти не хотел расставаться.. Не думать об этом, нет.

Главное, что Сайлар не видел. Кори уже и не помнил, в какой момент тот перестал вырываться и кричать – но ему казалось, что он полночи простоял, прижимая к себе неподвижного и какого-то совсем ледяного Лара. Потом вернулись ребята, устроившие что-то вроде похорон здесь же, за камнями. Трупы мародеров они бросили гнить как есть, потушили костер и тронулись в обратный путь.

Никто из них уже никогда не вернулся к этому кратеру в пустыне. Кори даже не был уверен, что найдет его, если вдруг захочет. Память услужливо засыпала подробности той ночи бело-желтой пылью, и они бледнели, отступали, становясь просто жуткой картинкой из прошлого.

"Он умер на месте", – сказал Зак на следующее утро, когда все они сидели под тентом в развалинах ранчо, тесно прижавшись друг к другу и укрывшись одеялами. Спать не мог никто. Все случившееся больно ударило по Стае – многие любили Шайни, других ужасала нелепость, удушающая бессмысленность произошедшего. Они пережили апокалипсис, но теперь стало ясно: самое страшное еще впереди.

– Он умер на месте, – глухо сказал Зак. – Ему попали камнем из пращи в висок, и он сразу упал. Я видел.

Кори так не хотелось врать тогда, но что он мог сказать? "Он был жив, Лар, – я стоял с биноклем на стене, и в отличие от Зака видел его лицо. Он был оглушен, но жив и в сознании – когда они его забрали. И потом, наверное, тоже – когда его тащили по пустыне и он ждал, что друзья придут и помогут ему. И когда понял, что его ждет... Он все время был жив, а нам нужно было быть просто чуточку расторопнее, и тогда Шейна удалось бы спасти".

Сглотнув, он согласно кивнул:

– Я тоже видел.

Воспоминания отступали, им на смену приходило мрачное давящее чувство – послевкусие неудачи и злости на себя.

Поздравляю, Кори, ты – идиот, и правильно Ролан на тебя смотрит волком. Надо было подумать. Надо было пре-ду-смо-треть...

Ебанный Слон, не мог промолчать, тупорылая туша?? И Варлок... блядь, Варлок...

В мире не существовало никого и ничего, что Сайлар ненавидел бы так же искренне и неистово, как каннибалов и все с ними связанное. Какой черный юмор — если знать, в честь кого Лар взял себе имя... Впрочем, неважно.

С этим делом все было ой как не просто — потому что давайте посмотрим правде в глаза, в первые годы на Равнине многие, очень многие голодали, а это нередко приводит к размыванию рамок того, что можно и что нельзя считать едой. Кори очень сильно подозревал, что если не каждый третий, то каждый десятый житель Общин хоть раз, да пробовал человечину. Другое дело, что об этом предпочитали молчать и не вспоминать даже наедине с собой – такой огромный страшный скелет в шкафу у целого поколения. Да и ситуации бывали разные – большинство, скорее всего, подъедало готовых мертвецов. Трупоеды, да, – но не убийцы.

Кроме одного-единственного, на всю Равнину известного веселого парня Варлока. Который не просто периодически закусывал человечинкой, но еще и делал это открыто и едва ли не напоказ.

- Хотел бы я знать, что у них у всех на уме, – как-то раз со странной горячностью в голосе сказал ему Лар.

- У кого?

- У людей Содраграски. Про них любят рассказывать, что они там все через одного маньяки и упыри, как Саранча. Но я-то знаю, что нет! Общался со многими: часть – придурки, часть – просто ребята без особых заморочек, с детьми, семьями... Обычные люди. Так какого же они эту тварь терпят?!

Кори тогда промолчал, хотя мог бы рассказать, какого же. Но ему казалось, что эту тему при Ларе лучше вообще не поднимать – уж очень явно горело в глазах старшего рейнджера желание избавить Равнину от Содраграсского Людоеда раз и навсегда.

...Идиот ты, Кори. Все, все мог предвидеть – а раз не сделал этого, сам и расхлебывай.

Вздыхнув, он пересек комнату и осторожно сел на пол рядом с Ларом.

- Как ты?

- Я?... – Сайлар, похоже, очень удивился вопросу. – Жалею, что не прикончил эту сволочь на месте.

Кори очень хотел уточнить, какую из двух сволочей – Слона или Варлока – тот имеет в виду, но сдержался.

- Лар, я останусь ночевать тут, у Ролана, мне нужно... многое обсудить с ним. Останешься тоже до завтра?..

Взгляд зеленых глаз – каких-то усталых и потухших – обратился к Кори.

- Я б подождал тебя, но, если честно, терпеть не могу Цитадель. Думаю, мы с моими парнями выдвинемся сейчас и заночуем в пустыне.

Кори эта идея не понравилась. Он вспомнил свои ощущения сегодня на Совете – ощущения от взгляда Варлока, буквально пожиравшего Сайлара глазами. Что на уме у этой рептилии? Не будет ли слишком опасным отпускать сейчас Лара, пусть и в компании его рейнджеров?

- А может, все-таки?.. Нам все равно по пути, тебе – на базу, мне – в Оазис. Я по тебе соскучился, – чуть помедлив, добавил он.

Сайлар пожал плечами:

- Ладно.

И у Кори отлегло от сердца. Но ненадолго. Ощущение приближающейся беды так и липло к нему, и больше не желало уходить.

...Зарево пожара, отражавшееся от низко идущих рваных облаков, ярко сверкало в ночной темноте. За низкой грядой холмов лежал почти абсолютно плоский участок Равнины, поэтому огонь было видно издалека.

Джилин снова прижала к глазам бинокль и проследила, как еще одна группа людей Черной Стены нырнула в распахнутые ворота разоренной Общины. Пятой Стяжки больше не существовало. Пожар съедал здания и тела защитников; выживших общинников пинками выгоняли за ворота, обирали, связывали, строили шеренгами.

Внезапно ужасная тень выросла прямо перед девушкой, четко обозначившись на фоне алого зарева. Это Варлок, невидимкой скрывавшийся ранее среди камней, вернулся к ним и вышел на свет.

- Они сидели на Совете, обсуждали план единения и общее будущее, а сами втайне собирались устроить резню. Узнаю Равнину! Все в лучших традициях нашего милого дома, – проскрежетал в ночи голос мутанта.

От Джилин не укрылось, что при появлении Варлока оба ее спутника – Ал и Драки – непроизвольно вздрогнули. Но не она сама. Она была младше их обоих, когда пришла в общину, и в ее мире жутковатый рослый силуэт главы Содраграски означал скорее мощь и защиту, чем угрозу.

Свою роль, конечно, играло и то, что Варлок был ее первым мужчиной.

- Смотрите, босс! – неожиданно подорвался с места Ал.

Они втроем опять прильнули к биноклям, а мутант просто обернулся и замер, глядя на горящие здания вдалеке, будто мог их разглядеть и так. К воротам бывшей Пятой Стяжки, бывшей общины веселого агронома Спайка Ли, приближалась по дороге колонна грузовиков с ярко горящими фарами. Джилин различила на их боках эмблемы – слоновьи головы.

- На разбор пожаловали, – проворчал Алан, наблюдая, как люди Слона вываливаются на дорогу, спорят о чем-то с вояками Черной Стены и прохаживаются вдоль шеренг пленников, придирчиво их осматривая. – Ангус-то, выходит, знал о готовящемся нападении на Стяжку.

Джилин нашла взглядом стройный силуэт Эрика Фроста, бессменного заместителя Слона. Тот стоял у первого грузовика и о чем-то говорил с черностенцем, одетым в кожу и клепки – в стиле их главы Чака. Похоже, представители двух общин завершили торги. Пленников начали загонять в слоновьи грузовики. В отдельную машину грузили детей.

- Как занятно, – опять заговорил Варлок, в его нечеловеческом голосе звучала задумчивость. – Я за свою бытность главой Содраграски съел всего-то человек пять или шесть, и слышу на всю Равнину чудовищем. А эти, – когтистая лапа указала на вояк Чака, тащивших в грузовик Слона двух мальчишек лет пяти, – добропорядочные граждане и уважаемые люди...

- Подать вам Слона в виде нарезки, босс? – спросил мрачный Драки, пряча бинокль и убирая за ухо темную прядь. Его расквашенный (лично Джилин сутки назад расквашенный) нос несколько выделялся помятостью на чистом гладко выбритом лице. Хорошая работа.

- Я не откажу себе в удовольствии сделать из него нарезку лично, – проскрежетал Варлок, касаясь рукоятки закрепленного за плечом тесака. – Но жрать эту тушу даже я побрезгую.

- Жаль, – заметил Ал. – Столько органики пропадет!

- Можно делать нарезку постепенно и скормливать самому нарезаемому, – хмыкнул Варлок из-под скрывающей лицо повязки. – Когда мы начнем, Слон в любом случае будет первым, кто отправится на компост.

Джил не удивили его слова – хотя вожак и не говорил об этом открыто, но все понимали, что Содраграска копит силы не просто так. Община наращивала железные мускулы из солдат, оружия и техники; рано или поздно все это должно было пойти в дело.

- Скорее бы. Мы собираемся забрать только Хайвей, или всю Равнину? – рискнул спросить Алан.

- На кой черт нам Равнина, – темные стекла защитных очков Варлока нависли над светловолосым лейтенантом. – Мне нужны от нее только пара кусков – те, что имеют стратегическое значение. Нет, щенятки. Мы не будем тратить силы на все Общины, разве что они сами к нам полезут. Мы заберем себе Город.

- Ого!

Вот теперь она была изумлена. Все трое были изумлены.

- Наш собственный Город?! – они окружили Варлока.

Мутант, казалось, наслаждался произведенным эффектом.

- Именно. Ролан и его дружки – идиоты, раз думают, что могут уладить конфликт с таким противником, повивляв хвостом и подписав какие-то бумажки. Бомбы и самолеты... – он обернулся и снова посмотрел на горящие здания Пятой Стяжки. – Все, детишки! Представление мы посмотрели. Едем домой.

Четверка содраграсцев поднялась и, умело лавируя между высокими камнями, двинулась обратно к ждавшей их с выключенными фарами машине. Однако трое молодых людей были слишком возбуждены новой информацией, чтобы молчать. Джил, пользуясь правом любимицы, догнала широко шагавшего Варлока и взяла его за когтистую лапу (спиной чувствуя хмурый взгляд Драки):

- Если мы нападём на Город, другие Города нападут на нас. Не просто на нас – они решат зачистить всю Равнину.

Мутант остановился и обернулся к догонявшим их Алану и Драки:

- И почему это в моей Общине единственный мужик с мозгами – это Джил? – он сделал паузу. – Разумеется. Поэтому мы возьмем свое так, чтобы на нас никому больше не захотелось нападать. Подумайте над этим... И вот еще. Ал?

- Да, босс?

- Рабские аукционы Слона. Проследи за ними и постарайся найти хоть кого-то из агрономов Спайка, если они выжили. Пригодятся.

Варлок давал понять, что предыдущая тема закрыта.

- Ага, – кивнул Алан. – Еще распоряжения будут?

Мутант помолчал, потом каким-то совсем другим голосом обронил:

- Да. Человек, который сегодня на меня наскочил на Совете...

- Сайлар, глава рейнджеров, – вставил Драки.

- Этого тоже на шашлык, босс? – криво усмехнулся Ал. – Как минимум язык укоротить шавке стоит.

- У нас до сих пор ни одного своего человека в его отряде, – никак не комментируя слова Ала, заметил Варлок.

- Рейнджеры слишком закрытая группа, – негромко заметила Джил. – Кого-то из них перевербовать будет сложно.

- Значит, вербуйте их любовниц, собутыльников, матерей, – отозвался Варлок. – Мне нужно знать о них и их предводителях все. Как он живет, с кем спит, когда и где бывает, что планирует делать в ближайшее время. Особенно – что планирует делать. Рейнджеры отвечают на вызовы общин и ферм, ездят по всей Равнине. Кроме нас. Так вот – это надо исправить. Мне нужно, чтобы Сайлар оказался в Содраграске – и чем раньше, тем лучше.

- Босс, – неожиданно вставил Драки. Он явно нервничал. – Босс, а может, не надо?.. Я... Сайлар хороший парень вообще-то. Без головы, но хороший. Просто у него шесть лет назад, еще в самом начале Равнины, парня сожрали какие-то оголодавшие мародеры. Вот он и бесится. Нарывается только так, конечно, но не убивать же за это...

Драки выдохся и замолк. Ал и Джиллин изумленно переглянулись. Никто и никогда не смел возражать Варлоку. Даже ближний круг вроде них троих. Реакция могла быть абсолютно непредсказуемой...

Но мутант только склонил голову на бок и спросил:

- Почему ты за него заступаешься?

Драки перевел дыхание, собрался с силами и ответил:

- Он хороший парень, как я и говорил. Например... три года назад я встречался с одной девушкой с Вольной фермы Кхана. Ее сестренку однажды двое бандитов выкрали и уволокли в дебри Свалки. Никто из мужиков с фермы не рискнул туда за ней лезть. Сайлар случайно оказался рядом, один, без своих ребят. И он пошел туда один, выследил ублюдков и отбил девчонку, хотя сам был ранен.

- Драки, – Джил вообще-то с ним не разговаривала с той размолвки сутки назад, приведшей к разбитому носу, но тут не смогла сдержаться. – Что ты скажешь на это? – она махнула рукой на все еще пляшущее в небе зарево. – Все женщины в общине Спайка были чьими-то сестренками, или дочерьми, или женами. Ни один храбрый рейнджер не пришел их спасать.

- Более того – половина в итоге осядет в борделях сайларова приятеля, Шлюшьего короля, – заметил Алан.

Драки упрямо нагнул голову.

- Никто из нас не ангел, и Сайлар тоже не в ответе за все зло на свете. Но он такой... не

может стоять в стороне. Особенно когда речь идет о ком-то одиноким, беспомощном и похищенном.

Джил заметила, как Варлок, доселе стоявший неподвижно, вдруг выпрямился и чуть сменил позу. В новой чувствовалась решимость или определенность, а еще хищное напряжение. Как будто он что-то учуял, или просто принял какое-то решение.

- Я тебя услышал, Драки. Теперь слушаешь ты. Мне нужна информация об этом рейнджере. Вся. И нужен он сам... возможно, стоит организовать "кого-то одинокого и похищенного", за кем он примчится в Граску и без приглашения? В конце концов, – Варлок изобразил легкомысленную интонацию, что с его голосом звучало еще более зловеще, чем его же зловещая интонация, – ну не съем же я его...

Он собирался еще что-то сказать, но в этот момент в небе появилось новое зарево. Пыхнуло где-то справа, в стороне от зданий погибшей Общины.

- Поля... – мрачно произнес Варлок. – Жалкие скотята, они подожгли поля. Поздравляю всех с первым урожаем хлопка на Равнине! – и он хрипло расхохотался.

Dreams and Memories

They said, "If you don't let it out,
You're gonna let it eat you away."
I'd rather be a cannibal, baby,
Animals like me don't talk anyway.

Put another "X" on the calendar,
Summer's on it's deathbed.
There is simply nothing worse than knowing how it ends.
And I meant everything I said that night;
I will come back to life.
But only for you,
Only for you.

Panic! at the Disco, "The Calendar".

Ночь, особенно пыльная и глухая, опустилась на Равнину, заставив большинство ее обитателей забиться по домам и норам. Было душно, как перед грозой, сухой воздух с трудом пробирался в легкие, низкие тучи затянули все небо сплошным непроглядным пологом. Это было тревожное время, мрачное время – время снов и воспоминаний.

В самом сердце Общины Оазис ее глава валялся в темной комнате на кровати в компании двух сладко сопящих девиц. Вы не подумайте – это он так собеседование проводил, оценивал профессиональные качества потенциальных "сотрудниц рекреационного центра". Бабы были ничего так. Единственное "ничего так" из всего, случившегося за последнее время.

Начиная с этого долбаного Совета все пошло наперекосяк. Новость об уничтожении Пятой Стяжки чуть не доконала Кори. Он, в чьих борделях бывали все главы Общин, все их правые и левые руки и прочие помощники; он, знавший все, о чем все они говорят в постели с его конфетками; он, имевший по паре отличных шпионов в каждой, сука, Общине, ничего не знал о готовящемся нападении. Впору было расписываться в проф. непригодности и уходить с поста главы Оазиса.

Кори теперь предстояло много, много, много работать чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Неплохо бы для этого надыбать где-то порцию-другую душевного спокойствия – а этот товар на Равнине был, пожалуй, самым дефицитным...

И не надо лгать себе – в таком раздрае он находился отнюдь не только из-за своих политических промахов.

"Никогда нельзя долго ждать, – думал Кори, как по длинной темной лестнице спускаясь в прошлое по ступенькам своих воспоминаний. – Я всегда слишком долго жду – и

проигрываю..."

Там, в темноте, у подножия лестницы, таилась память о детстве – хорошая, если вдуматься, память. Еще не случилось Бегство из Городов, еще мерцали над серым бетонным лабиринтом огромных зданий и улиц голубые защитные Купола, из-за которых ночью никогда не было по-настоящему темно, а днем – достаточно светло... Еще никто не был убит, никто – отравлен памятью прошлого, и жизнь казалась удивительной и полной возможностей и чудес.

Из всех из них, уличной шпаны, Кори дольше всех успел пожить в приемной семье, да еще и относительно нормальной. Ему досталось немного сытости, уюта, образования. Он школу даже почти закончил, по меркам Стаи – ученый же человек.

Но Сайлара он встретил еще до того, как серьезная тетенька из опеки за руку отвела его в комнату, где дожидались мистер и миссис Бьюканен – приемные "ма" и "па". То есть как – встретил... Младенца притащили в их занюханную фавелу на самой окраине Города две нищенки. То ли они его украли, то ли нашли, брошенного, где-то на свалке – неизвестно. С младенцем подают больше, это все знали. Потому те замарашки принесли ребенка, днем ходили с ним на промысел, в остальное время прятали как могли от чиновников-проверяющих и волонтеров, изредка привозивших в трущобы "гуманитарную помощь".

Он бы неминуемо сдох там у них, так как названные "матери" были слишком тупы и перманентно обдолбаны, чтобы хоть как-то заботиться о своем орудии давления на жалось состоятельных Горожан. Но тут вмешалась Кинта – ушлая баба, бывшая у отребья из фавелы кем-то вроде бригадира. Ей каким-то образом удалось оформить полугодовалого мальчика как собственного новорожденного сына, прочиповать его, получить пособие и еженедельный паек. Пособие она, понятное дело, пропивала, а вот паек оставался, и им маленького Сайлара кормили – ну, когда не забывали.

Шестилетний Кори обитал в то время в детском доме неподалеку, но фавела была его родиной и вотчиной, так что при каждом удобном случае он сбегал и заявлялся проведать старых знакомых. Такой маленький, белобрысенький, голубоглазенький – мечта педофила, бля. По счастью, шельмовская удача и тогда хранила его, да еще память родителей, бывших, так сказать, коренными жителями фавелы – к ма и па и после смерти местные относились с уважением. В этом смысле в родных трущобах было куда безопаснее, чем в так называемом детском доме; Кори это нутром чуял, потому и предпочитал проводить там как можно меньше времени, несмотря на теплую постельку и ежедневную кормежку.

Как-то раз, ночуя в гостях у семьи Зака, чей папаня был когда-то лучшим другом и собутыльником Кориного скопытившегося папани, будущий Шлюший Король проснулся от громкого ора. Ор доносился из-за стены, где обитала старуха Кинта; Кори, недолго думая, потопал туда наводить порядок.

В абсолютно пустой крохотной квартирке – Кинта, видать, ушла блядовать – он обнаружил козювса, голодного и обделавшегося, извещавшего о своей беде весь мир отчаянным воем. Ахереть романтичная первая встреча с любовью всей жизни, надо сказать. По счастью, Кори был в достаточно благодушном настроении, так что он

вытряхнул козявса из мокрых пеленок, завернул в первую найденную тряпку (ей оказалось Кинтино лучше платье, мвахаха). Потом беспардонно пошарил по шкафам, нашел банку дешевого детского питания из пайка и покормил страдальца, впрочем не обидев и себя (пюрешка была вполне съедобная). С этого дня серьезный взрослый шестилетний мужчина Кори взял негласное шефство над неразумным мальцом. Он навещал его, иногда кормил и турсучил, пока Кинта, вполне довольная появлением добровольной няньки, шлялась где-то или тут же надиралась с очередным мужиком. Скорее всего, живая игрушка бы ему постепенно надоела, но проверить на практике этот тезис Кори не довелось. За него взялась опека, подыскавшая для несчастной сиротки подходящих родителей. И Кори уехал в дом мистера и миссис Бьюканен, а Сайлар остался в трущобах – расти, как сорная трава, без присмотра, без полива, но верно и неудержимо.

В нем было достаточно жизни, чтобы выдержать это уродское детство в роли "рабочего" ребенка бригады нищенков. Когда Кори снова увидел его спустя пять лет (а он, конечно, никогда не оставлял попыток найти дорогу из уютной квартирки приемных ма и па в родную трущобину у самого Купола), Лар превратился в маленького боевого дикаренка с копной каштановых волос и мрачными зелеными глазами на насупленном лице. Детвора трущоб драться начинала раньше, чем ходить. Лар, худенький и мелкий – не вырастешь особо на таких харчах, – брал в этих драках напором и отчаянностью. От него иногда прилетало и "мамам", так что нищенки все реже брали парня на промысел. Кинта потихоньку спивалась, ручейки "гуманитарной помощи" как-то незаметно иссякали – будущее жителей трущоб, да и всего Города, становилось все мрачнее, хотя пока никто этого не понимал.

Кори, регулярно теперь "отлучавшемся" из дома Бьюканенов, пришлось заново знакомиться и сдруживаться с мелким. Он же тогда поспособствовал появлению у пацана имени. Кинта, когда оформляла документы и ставила "сыну" чип, обозвала его каким-то дебилоидным допотопным именем – вроде "Майкла" или "Джошуа". Мелкий отвергал имечко так же энергично, как использование себя в роли падаайте-на-пропитание-ребенка. Ну то есть вообще отказывался на такое отзываться. Правильно делал, конечно, но вопрос, а как к нему тогда обращаться, стоял остро, поэтому Кори как-то раз на правах старшего товарища цапнул козявса за руку и требовательно произнес:

- Слуш, выбрал бы ты себе имя сам, нам же нужно тебя как-то звать, малой!
- Самому выбрать?! – кажется, такая мысль козявсу не приходила в голову.
- Ну да. Выбери что-нибудь, что тебе нравится. Мы так и станем тебя называть.

Глаза мальчика округлились от открывавшихся перед ним перспектив. С минуту он так и стоял – распахнув глаза и смешно шевеля губами. Наверняка его мозг в тот миг отчаянно работал, перебирая разные крутые имена – ну вы знаете, типа СТАЛЬНАЯ АКУЛА или НЕПОБЕДИМЫЙ, или что там может показаться крутым шестилетке. Но выбрал он кое-что другое. И спросил, чуть не задыхаясь от волнения:

- А можно меня будут звать "Сайлар"?!

Кори смутно помнил, что Сайлар — это вроде персонаж из какого-то там доисторического сериала, который он накачал для ребят из сетки, но сам так и не посмотрел. Он кивнул:

- Заметано!

...Надо было, наверное, все-таки посмотреть тот сериал вовремя. И вообще, блядь, смотреть, что подсовываешь ребенку. Авось не зыркай Лар такое в детстве — вырос бы не таким бешеным...

Годы шли своим чередом для них двоих, пока однажды миссис Бьюканен не скончалась скоропостижно после дорожной аварии. Бедная приемная ма. Кори действительно переживал из-за ее смерти, правда все больше потому, что впервые потерял какого-то человека, находившегося рядом достаточно долго, — своих-то родаков он едва помнил.

Зато мистер Бьюканен переживал совсем не так сильно — у него были планы на молодую мисс Вильсон. У мисс Вильсон же были планы на жилплощадь и бабло мистера Бьюканена. Ни в те, ни в другие планы почти взрослый приемный ну никак не вписывался. Потому, едва дождавшись восемнадцатилетия Кори, приемный па вручил ему весьма скромную сумму "на поднятие" и тонко намекнул, что пора начинать взрослую жизнь. И Кори, собрав в рюкзак все самое ценное и необходимое (и даже не спиздив ни черта из "отчего" дома, хотя желание имелось), вышвырнул подальше пропуск от почти законченной школы и отправился в трущобы. К обветшалым фавелам почти у самого Купола, где ночью небо светилось голубым так, что трудно было спать. К своей Стае. Домой.

Все эти годы он, конечно, не только умилял подруг миссис Бьюканен честными голубыми глазами и получал образование, но и развивал великое множество видов вполне преступной деятельности. Доставка цивильным деткам из школы ядерного трущобного самогона была самым невинным из них. В общем, криминальная карьера у Кори и собранной им Стаи складывалась вполне успешно, и пошла еще лучше, когда он, вернувшись, смог заняться делами плотно и основательно.

Когда-то тогда — он не вспомнил бы год и месяц — его, кажется, и осенило насчет Сайлара. Тот как раз начал быстро расти и взрослеть. В его чертах уже явно проглядывал юноша, каким Лар должен был стать года через два-три. Стройный, темноволосый, с этой изумительной гладкой чуть смуглой кожей, и...

"Ох черт... да ведь я бы с удовольствием... но рано же еще, наверное?!"

Как-то очень уж часто эти мысли стали возникать в голове. И чем старше становился Лар — тем назойливее они были. Но тогда еще Кори легко было от них отвлечься. Вокруг было полно других привлекательных тушек, общения с которыми жаждал его член, к тому же он был уверен — никуда Лар от него не денется.

Твоя проблема, Кори. Ты все время чего-то ждешь, вместо того, чтобы действовать.

Сайлар вырос быстро, так же быстро обзавелся стайкой поклонников и любовников. Нрав по части секса у него оказался практически такой же, как по части драк. Буйный нрав, в общем. Он находил себе новых дружков всегда и всюду, трахался до изнеможения, потом срался вхлам и уходил на поиски новых приключений. Кори пришлось просто съесть это. Как и то, что ему самому от Лара может перепасть в лучшем случае редкий дружеский секс.

Как и то, что этого ему мало, мало, мало. Ничего, кроме тоски и опустошения. Ничего, за что можно было бы зацепиться. Всего три слова – "останься со мной" – которые нельзя сказать и нельзя не сказать. Я ничего никогда так сильно не хотел. Я даже не знал, что могу так сильно хотеть. Пожалуйста, останься, я...

Как-то раз он все-таки собрался, пораскинул мозгами и попробовал решить проблему конструктивно. Момент был удачный – Стая провела через тоннель заброшенного метро машину с контрабандой и отмечала этот крупный успех в любимом баре "Другая Когова". Далеко за полночь они вывалились на улицу, освещенную только тусклыми неоновыми огнями и голубым мерцанием купола. Кори подошел к Лару, приобнял и спросил как можно небрежнее:

- Малыш, ты никогда не думал о постоянном партнерстве?

- Чегоо? – Лар, веселый, слегка поддатый, ослепительно красивый в свои восемнадцать, обернулся и закинул руки ему на плечи. – Да ты чего, Кори? Портить другу жизнь такой хуйней, как *отношения*?! Пошли просто так потрахаемся.

- Ну пошли.

Больше он ни разу об этом с Ларом не разговаривал.

Прошло еще два года. Они оба стали старше – Сайлар чуть спокойнее, но едче и злее; Кори просто спокойнее, и может быть – ну, он хотел так думать – мудрее.

Лар... Я знаю тебя с детства; ты вырос на моих глазах; и я не стану лгать себе: ты никогда меня не любил так, как мне того хотелось. Но я научил себя не обращать внимание на это... ведь ты никого не любил.

Пока не встретил Шейна.

...Тот день. Тот вечер. Он снова и снова возникал перед мысленным взором Кори – вечер, когда Стая в который уже раз собиралась в "Когове", выпивка плескалась в объятьях пластика и мутного стекла, в колонках надрывались старые рок-группы, а Шейн сидел на бильярдном столе, по одной опуская в стакан с водкой крупные старые монеты.

Долбанный вечер. Долбанный стол. Долбанный Шайни...

Нового парня привел в компанию, кажется, Роб, и на него тут же развязали охоту сразу два члена Стаи. Особенно старалась Линта, недавно пославшая (кубарем, с лестницы) очередного бойфренда и находившаяся в усиленном поиске. Новенький ей сразу

понравился. Он, впрочем, всем понравился – высокий, чертовски хорошо сложенный, с ясными светлыми глазами – голубыми, как казалось тогда; голубовато-зелеными, как выяснилось после Бегства из Городов, когда им довелось увидеть парня при свете солнца без обычного фильтра Купола. Его звали Шэнон Рэй, представлялся он как Шейн... дальше вы знаете.

У Линты обрисовывался соперник, и оказался им не кто иной, как Заки Зак. К тому времени давний дружбан Кори успел вымахать в верзилу ростом метр девяносто и внешностью такого чувака в рогатом шлеме из исторических сериалов. Сто процентов телочек в окрестностях мечтали запустить руку в роскошную рыжеватую шевелюру Зака, а также его ширинку. Но увы – более конченого пидора на этой планете не существовало. Баб Зак не воспринимал вообще никак, и женственных мальчиков тоже. Зато Шайни – спортивный, высокий, почти Закова роста, только стройнее – был его ходячей эротической мечтой.

Именно Зак предложил новичку спор – такой фокус, когда надо закинуть в полный до краев стакан десять монет, не пролив ни капли. Это был коронный номер Зака, которым он любил восхищать несведущую публику. Но Шайни вызов принял. Десять минут спустя он сидел на корточках на бильярдном столе перед граненой посудиною, водка в которой уже стояла над краем выпуклым куполом. Восемь монет были внутри, две – в руке Шайни. Настроен он был решительно.

На этих столах, наверное, никто и никогда не играл в игру, для которой они предназначались. Бильярд, блядь. Чем только думал старина Барни, заказывая эту рухлядь для своего бара?.. Обычно столы просто превращались в еще одну барную стойку, обильно поливаемую пивом и присыпаемую окурками. Покрытие, как ни странно, от этого было ни холодно ни жарко – адская синтетика, не иначе; впрочем, откуда в наших местах взяться ткани из натуральных волокон? Ткань ничуть не потускнела с первого дня их с Кори знакомства, и гибкая фигура Шейна ярко выделялась на фоне зеленого полотна. Он мягко двигался, слегка опускаясь то на одно, то на другое колено – осматривал стакан и лежащую на дне горку монет с разных ракурсов, пытаясь понять, как опустить еще две, не выплеснув жидкость.

Линта стояла рядышком, облокотившись на стол так, чтобы вид на декольте открылся особо впечатляющий, и что-то нежно ворковала. Шайни изредка отвечал ей короткой фразой или легкой благодарной улыбкой. Заки Зак стоял чуть сзади, подпирая колонну, и явно в мыслях раскладывал новенького на этом самом столе. Кори наблюдал за сценкой, развалившись в ближайшем кресле, и строил прогнозы. Его неординарный аналитический ум подсказывал, что Линта сегодня ничего не получит, а вот Заки получит по морде. Если Кори часто слишком долго ждал, то Зак всегда слишком нагло лез, что в данном случае почти наверняка означало огребание по щекам.

Шейн, наконец решившись, осторожно поднес зажатую в пальцах монетку к краю стакана. И тут жизнерадостный голос "Эй, здорово, недоумки!!" оповестил компанию о приближении припозднившегося Сайлара. А миг спустя сам непоседа вlepился в стол, изрядно тряханув его и едва не положив конец трудам Шайни.

- Чем это вы тут занимаетесь?

...И пока Кори расплывался в улыбке, неизменной реакции на появление этого чудища, пока к столу спешили другие члены Стаи, чтобы поздороваться с новоприбывшим собратом, – Лар глянул на так и замершего с монетой в руках Шайни, встретил ответный – поначалу весьма сердитый – взгляд, и...

И это был конец всему, хотя Кори еще, конечно, не знал об этом.

Почему он до сих пор помнил?.. Помнил запах этого бара, неоновые блики в стаканах пойла, старинную музыку, песню про боль, которая позволяет жить, ощущение легкости в голове. Помнил, как Лар подтащил стул к его креслу и плюхнулся рядом, шутливо перекинув колено через вытянутую ногу будущего Шлюшьего короля. Как спустя минуту Шейн встал во весь рост на столе, держа стакан – все десять монет лежали на дне, ни капли не вытекло наружу. Шайни обернулся – не к Заку и не к Линте, а сразу к Сайлару. Его взгляд скользнул по колену Лара, перекинутому через ногу жожака Стаи, отдернулся, будто в смущении. Вернулся к глазам парня – голубое к зеленому; а потом Шейн вскинул голову и опрокинул водку в себя.

Раздались крики и аплодисменты. Полбара хлопало – за пари наблюдала не только их компания. Зак дергал Шейна за штанину серых джинсов, прося "не вылакать деньги" и предлагая угостить "еще стаканчиком". Тот помотал головой – "нет" сразу и предложению угостить, и всем прочим желаниям и чаяниям Зака – и спрыгнул со стола. Сайлар смотрел на новичка, почти не отрываясь.

До начала Бегства из Городов оставалось меньше двух месяцев.

Кори потер переносицу и зло зыркнул на своих девок, раздумывая, не выгнать ли их к чертям из кровати. Хотелось побыть одному. Вернее, хотелось как раз побыть *не одному*. К сожалению, случайные постельные партнеры для этого не подходили.

Надо срочно отвлекаться от мыслей о собственной не сложившейся личной жизни. Почему бы не подумать о деле? Там все не менее дерьмово.

Чак, маленькая дрянь. У него ведь даже не было особых причин нападать на Стяжку – ну, не считая того, что пограбить и оттяпать чужую территорию считалось на Равнине за главный национальный вид спорта. Когда по всем частотам пошла передача, что земли бывшей "Общины агрономов" переходят под руку Черной Стены, такая буря поднялась... Ролана чуть не хватил удар. Эссинг всерьез предлагал собрать силы Первой Цитадели, Оазиса и Доктрины и устроить карательный рейд – закатать Чака в бетон, короче. Они долго спорили, но в итоге, скрепя сердце, отказались от этой идеи. За Черную стену могли вступить азиаты или Слон. И это вылилось бы в полноценную войну Общин.

Имея Города с одной стороны и Содраграску с другой, не стоит начинать междоусобицу на Равнине.

Земли Пятой стяжки захватили, поля сожгли, людей угнали в рабство. Спайка

застрелили. Его жену изнасиловали и тоже застрелили прямо в их доме. И никакого возмездия всем, кто сделал это.

Обычное дело в наших краях, если вдуматься...

В сотнях километров от Оазиса, где предавался невеселым мыслям Кори, пыльно-песочные волны подкатывали к высоким, обшитым проржавевшими металлическими листами стенам Общины Содраграски. Перемигивались красным датчики; ежились под ветром автоматчики на вышках; над наглухо закрытыми воротами белели прибитые к стене четыре человеческих костяка. Скелеты расположились так, будто держатся за руки, а двое крайних вскидывают по конечности в приветствии подъезжающим путникам. Чувство юмора Варлока всегда отличалось своеобразностью.

Улочки общины пустовали, даже на главной площади, где обычно горели огни в железных бочках и собирался на гулянку народ, не видно было ни души.

От площади уступами поднималось вверх здание штаба – административный центр Общины, под которым располагался личный жилой бункер Варлока. Как всякий уважающий себя упырь, спал Содраграский Людоед исключительно под землей.

...Венчала штаб вышка, чья смотровая площадка являлась самой высокой точкой поселения. В хорошую погоду оттуда отлично просматривались не только все улочки Граски, но и окрестности.

Именно там, сдвинув прикрывавшие площадку щиты так, чтоб они защищали от ветра, сидел сейчас Варлок, завернувшись в свою лохматую накидку, накинув на голову капюшон. Мрачная черная тень на фоне темного неба. Тоскливая горгулья, без конца вглядывающаяся в ночь из-под стекол неизменных защитных очков.

Он любил сидеть тут и наблюдать за жизнью Общины или за Равниной вокруг – когда показываясь людям, а когда – скрываясь в тени щитов. Сейчас, впрочем, Варлок просто дремал. Это он тоже любил проделывать – урывать кусочки сна, притворяясь при этом бодрствующим и бдящим. Все равно из-за очков или маски никто не мог узнать, открыты его глаза или закрыты; а засыпать в любой неудобной позе было для мутанта привычным делом. Эта привычка породила один из многих ходивших о нем по всей Равнине слухов – якобы он никогда не спит или спит заметно меньше, чем положено обычному человеку. Эх, люди... как же легко вас запугать и обмануть.

Мутанту снился сон. Волны сновидения уносили его все дальше и дальше в прошлое – в дни, когда он был юн и полон надежд (сложно поверить, но даже у твари вроде него в жизни была юность и надежды... которые, впрочем, быстро закончились).

Во сне Варлок вновь переживал дни, когда это "закончились" случилось. Словно наяву, ощущал он жесткость койки, и тугие ремни, стягивающие неумолимо и безжалостно. Он

долго бился, пытаюсь из них выпутаться, но лишь довел себя до полного изнеможения. Беспомощность убивала. Ему не оставалось ничего, кроме как ждать своей судьбы.

И судьба пришла – в виде человека, который всегда хотел, чтоб его называли "Хозяин". Человек смотрел на него ласково и печально. За его спиной на столе блестели хирургические инструменты.

- Я собираюсь кое-что сделать, мой хороший, – говорил человек, наклоняясь. – Сейчас я поцелую тебя. И я хочу, чтобы ты это запомнил очень, очень хорошо. Потому что это будет твой последний поцелуй в жизни.

Жесткая ладонь легла на лоб, прижимая к койке, не давая вывернуться. Второй рукой мужчина крепко сжал его нижнюю челюсть. Рот пленника накрыли чужие властные губы. Дрянь какая! Он не мог вырваться из захвата, не мог избавиться от ремней, не мог вообще ничего. Человек, желавший, чтобы его называли "Хозяином", в полной мере наслаждался его беспомощностью. Затем оторвался, распрямился, посмотрел чуть печально и ласково.

- Вот так, мой хороший.

А затем начал резать.

Жуткая боль – вернее, память о боли – заставила Варлока вздрогнуть и проснуться. Вполголоса шипя проклятья, он отполз вглубь площадки, в тень щитов, и, помедлив, клацнул зажигалкой, затеплив огоньком кончик сигареты. И только после, держа сигарету одной рукой, второй стянул защитную маску и отмотал повязку, прятавшую нижнюю часть лица. Меры предосторожности. Ему не хотелось, чтоб кто-то снизу смог разглядеть его очаровательную физиономию в свете огня зажигалки.

Закурив, Варлок в который уже раз подивился своей несчастливой судьбе. "*Последний в жизни поцелуй, мой хороший...*" Да тупое ж ты дерьмо, плевать на поцелуй! Ты б попробовал есть, говорить и курить с теми ошметками губ, что мне оставил. Каким же жалким неудачником надо родиться, чтоб не просто попасться в лапы ублюдочному маньяку – но еще и маньяку *сентиментальному?*.. Пиздец.

Варлок стал вспоминать. Как выполз когда-то из руин дома того человека, который его искалечил. Как пытался стереть кровь со своих рук и порезался своими же когтями. До крови порезался. Его тогда взбесила мысль, что он будто бы побратался так с тем, кто хотел, чтоб его называли Хозяин. И он стал слизывать кровь – свою и чужую – с ладоней и пальцев.

Дрррянъ...

А потом он пошел, пополз, поковылял, прочь оттуда, к своей цели. Глупой, недостижимой, губительной – специально такую придумал, чтобы просто сдвинуть себя с места. Он, конечно, не дошел до нее. Люди задержали. И память. И... и... то, что теперь, спустя столько лет, черт возьми, грозило вернуться в его жизнь вопреки всему.

Он посмотрел вверх, на низкий душный полог туч. Время идет, но привыкнуть к небу все так же сложно. Все нынешнее поколение людей родилось в Городах, их небом были Купола. Дети Равнины будут другими. Если будут. Если им дадут быть.

Когда-нибудь ему надоест это все – охота, борьба, власть и воспоминания. Он плюнет на всех и уйдет в пустыню один – дальше на север, где лежит Черный Пояс, смертоносный и непроходимый. Может, ему повезет и он отыщет дорогу дальше. А может, просто сдохнет. И это будет хорошая одинокая смерть для старой тварешки.

Варлок смотрел в небо. Тучи шли над Равниной. Миновала полночь.

Красное небо дышало серыми облаками, пятнавшими теними белесую землю. Пустынность пейзажа нарушали только груды покореженного металла – здесь лежал язык Железного Леса, огромной свалки автомобилей, образовавшейся после Первого падения.

Остов одной такой машины (допотопного вездехода, Кита Манилы, судя по всему) приятно грел косточки Сайлара, изрядно замерзшего за ночь. Хмурясь, он смотрел на свои карты, пытаясь придумать что-нибудь эдакое. Но мысли упорно перетекали с ходов и комбинаций на стройное сильное тело партнера по игре, так удачно обтянутое джинсами и футболкой. Машина была небольшая, и сидели они на капоте, очень близко друг к другу, и вот как сосредоточиться в таких условиях?!

– Кто-то, кажется, спит средь бела дня, – слышался негромкий веселый голос.

– Кто-то, кажется, ночью не дал мне выспаться, – отозвался Сайлар, не поднимая глаз от карт.

– Это был хитрый спланированный маневр. Впрочем, ты все равно проиграл бы.

– Это почему это?!

– Потому что ты очень глупый. Во всех случаях, когда дело касается меня.

Лар все-таки поднял глаза.

– Шейн...

Смотреть на него было больно. И не только потому, что красноватый свет неправильного неба резал глаза.

– Может, ну ее, эту игру?

– Почему?

– Ты слишком редко снишься мне теперь, чтобы тратить на нее время.

Лар бросил карты на ржавый капот, но пересесть поближе – желательно на колени к Шайни – так и не решился. Слишком зыбким было все вокруг, ускользающим, призрачным – любое неосторожное движение грозило разрушить иллюзию, а он этого не хотел.

Шейн, пожав плечами, тоже расстался с картами. Шесть пластинок из тонкого пластика легли на капот поверх брошенных Сайларом. Тот только вздохнул – Шайни, оказывается, успел собрать "Цетаганду" – самую сильную и редкую комбинацию, дававшую почти гарантированный выигрыш. И сидел не кололся, понимаешь...

– Ты как-то подозрительно хорошо играешь все время.

– Ерунда. Мне просто везет.

– Знаешь, парень, из твоих уст "мне везет" звучит жутковато.

– Мне нечего проигрывать, – задумчиво отозвался Шейн. – Так лучше думается, но уходит что-то другое. Интерес.

– Зачем тогда продолжаешь?

Светлые глаза встретились с зелеными.

– Потому что я тоже иногда очень глупый, Сай. Во всем, что касается тебя.

Это было уже как-то слишком. Возвращало... к реальности. "Глупый... во всем, что касается..." было одной из любимых фраз Шейна. И он сказал ее – с той же интонацией, той же упорно рвущейся сквозь маску серьезности мальчишеской улыбкой – когда они валялись в обнимку в грузовике душной ночью. За день до того, как все случилось.

– Шейн, зачем все это? Зачем быть таким, как ты, – умным, хорошим, *классным* – чтобы просто взять и умереть в двадцать лет так ужасно, и глупо, и без смысла?!

– Так устроена жизнь, – пожал плечами Шайни.

– Нифига. Нифига! – все больше распаляясь, выдохнул Сайлар. – Разве жизнь – это когда все время больно?!

Шейн ничего не сказал, но его глаза – мудрые, спокойные глаза мертвеца – уже дали ответ.

...Сайлар знал, что проиграет. Не только эту дурацкую игру – свой сон, и самого Шайни. Ни то, ни другое он не мог удержать. Реальность упорно лезла в зыбкий мир красного неба, и капот машины между ними казался бесконечным, как самая длинная дорога, и сам Лар менялся – из хрупкого паренька с копной каштановых волос превращаясь в потрепанного стычками и ветром Равнины хмурого рейнджера с бритой головой.

Собственный вид казался ему таким грубым, тоскливым, неуместным в этом мире воспоминаний. Небо мое, странно думать, что он теперь настолько старше Шейна, и с каждым годом... Когда-нибудь на этом ржавом капоте будут сидеть Сайлар – злобный скучный старикашка, и Шайни, все такой же юный и спокойный как смерть. Может, хоть тогда я тебя обыграю, солнце...

– Такой, как сейчас, я бы тебе не понравился, – грустно сказал Лар, глядя на свои натруженные загорелые ладони.

– Такой, как сейчас, я б тебе тоже.

– А какой ты сейчас? Горсть костей в земле и кучки окаменевшего помета каннибалов?

Шейн усмехнулся.

– Вот теперь вижу, что ты в порядке. Саэ, не грусти. Солнце встанет все равно, какой бы долгой ни была ночь.

– Намекаешь, что мне пора просыпаться и валить отсюда?

– Нет. Да. Черт, как ты сказал? Кучка окаменевшего помета? Иди, Сай. Я буду скучать по тебе, хоть ты и зараза.

Красное небо смешивалось с серыми облаками, бледнело, и голос Шейна становился все тише...

"Я не хочу просыпаться, – с отчаяньем подумал Лар. – Ни сейчас, ни когда-либо еще."

Вместо того, чтобы просыпаться, он стал вспоминать.

...Никто и никогда в жизни не бесил его так сильно, как чертов Шайни. "Мальчик из хорошей семьи!" – зло бросил Сайлар в разговоре с Кори вечером того дня, когда они познакомились с Шейном Рэем в "Другой Korove". Кто-то должен был ответить за это все. За угрюмое детство Сайлара, за безвкусную синтетическую еду, которой он питался большую часть жизни, за то паленое пойло, которым отравилась воспитавшая его женщина, которую он все равно не любил, но оплакивал и не мог забыть. За все.

Новый знакомый, конечно, не был виноват ни в чем из этого. Черт возьми, он был примерно одного возраста с Ларом и едва ли мог сыграть хоть какую-то роль в том, что их Город превратился в такое переваривающее людей дерьмо. Но было в нем что-то такое, что просто кричало о счастливой и благополучной жизни. И это бесило.

По крайней мере, Сайлар очень хотел верить, что до бешенства его доводило именно это.

– Эй. Извини. Я не хотел тебя обидеть. Просто я привык прямо говорить, когда мне кто-то нравится.

– "Нравится", бля. Ты хочешь меня выебать, так и скажи.

Короткая пауза.

– Хочу. Но для начала – поцеловать. И вообще пригласить тебя куда-нибудь. И еще мне до одури хочется просто произнести твое имя. Сайлар...

– Заткнись! И пошел к черту.

Это было тем же вечером. После короткой попойки, после забрасывания монеток в стакан на бильярдном столе. Ух, как же сильно Сайлар тогда хотел никогда больше с этим наглым мажором не встречаться! Так же сильно, как хотел увидеть его снова.

Но все решилось без его участия. В тот момент Кори искал людей для одного дела. Ему удалось добыть просто "золотой" заказ – доставить покупателю ящик реагента, украденного на Станции Генерации Купола. Сайлар, как и большинство членов Стаи, в душе не ведал, кому и зачем нужна опасная химия из создающего Купол агрегата, но платили за нее очешуительно много. Найти разом и покупателя, и нечистого на руку работника Станции, готового посодействовать краже, было большой удачей. Или, скорее, результатом долгой кропотливой работы – небо знает, чего это стоило Кори.

Операция предстояла сложная. В том числе и потому, что Кори не сильно доверял клиенту и видел возможность подставы со стороны копов. Что ж, в этом случае их вожак предпочитал следовать старому доброму трущобному правилу: на чужую подставу отвечай своей, более хитрожопой. Поэтому параллельно с настоящей группой, которая должна была вынести со станции и передать клиенту ящик, Кори формировал еще одну, подставную. Эта, вторая группа, должна была в случае чего отвлечь на себя внимание охраны Станции, копов и/или людей клиента – пока Стая не убедится, что все чисто.

Разумеется, членов второй группы играли втемную: никто из них не знал ни своей истинной роли, ни об операции, проходящей параллельно. Для ребят из второй все было всерьез, и Кори объявил это задание вступительным экзаменом: если справитесь, будете приняты в Стаю.

– Хочу предложить этому – как ты там сказал? – "мальчику из хорошей семьи" – местечко в нашей страховочной группе, – между делом сказал Кори Лару через пару дней после того вечера в баре.

– Дерьмовая идея, – мрачно отозвался тот.

– Почему?

– Нах тебе эта фифа в группе? Они должны внимание от нас отвлекать, это да, но не быть же совсем клоунами. Стайкой барышень на прогулке!

– Я нарыл все что мог про этого Шейна. Он не хлюпик. И Роб его хвалит, имел дело. Подвести не должен. Ну а если моя паранойя в этот раз не зря сигналиит и их там всех накроют – не жалко.

– Ай, Вожак, делай как знаешь!

"Мне совсем нет дела, – сказал себе Сайлар. – Мне нет до него дела".

Паранойя Кори сигналила зря. Подставы не оказалось. Они не просто удачно провернули историю с ящиком, но и получили новый заказ – повторить то же самое с другой Станцией. Ну а двое парней из "страховочной группы" показали себя в деле настолько хорошо, что довольный сорванным кушем Кори действительно позволил им примкнуть к Стае.

Одним из тех двоих был Шейн.

Сайлар был близок к тому, чтоб возненавидеть этот мир.

Чертов Шайни был его наваждением.

Я привык прямо говорить, когда мне кто-то нравится.

Взаимным наваждением, видимо, потому что новенький хоть и не делал больше попыток сближения, но и дистанцию не держал.

Хочу тебя поцеловать.

Он не пытался скрыть интерес.

Хочу пригласить тебя куда-нибудь.

И все, о чем он сказал еще в первый вечер знакомства, просто полыхало в его глазах.

Хочу до одури просто произнести твоё имя. Сайлар...

Мажорская сволочь. Уходи из моей головы.

Это уже становилось слегка нездоровым. В присутствии Шейна на Лара находило помутнение – он то отчаянно нарывался, то творил что-нибудь идиотское, краем глаза поглядывая на новичка: ну что, герой, как тебе это? Апофегеем стало попадание ногой в клубок колючей проволоки на одной стайной прогулке по району фавел. Он не то чтобы специально это сделал, просто, уже заметив, куда прыгает с высокого бордюра, не попытался отклониться. Ну вот просто хотелось сделать какую-то хрень, и сделал.

Поступок конченного идиота.

Нет, нога не сильно пострадала – царапины. Зато выпутывал его из проволоки Шайни. Стоя на коленях и вдумчиво перерезая металлические путы оказавшимися в наборе его перочинного ножа кусачками.

Шайни. На коленях. Перед ним. С этим его спокойным взглядом – ни капли злорадства или там кокетства, или стеба тупого (убил бы!). А воображение у Сайлара всегда было богатое. В общем, стояк он себе обеспечил. И на сам момент вызволения, и на вечер того же дня – достаточно было вспомнить, как это было.

Шейн, конечно, заметил. И не прокомментировал. Жаль – Сайлару так хотелось уже наконец с ним подраться и хоть немного разрядить обстановочку.

Подраться. Разрядить. Да перестань же ты наконец на меня так пялиться!

...Вот ведь в чем дело, Шейн. Не в том, кто ты и откуда, а в том, как ты смотришь. Почему я, черт возьми, читаю в твоих глазах не понятную похоть и не наглость, которые там просто обязаны быть? Ну ты мажорская сволочь или где?! Покажи наконец свое гнилое нутрецо. Но вместо этого – прямой, спокойный взгляд. А в нем, как огромными неоновыми буквами, выведено: "Ты – чудесный".

И это бесит в три раза больше твоего благополучного происхождения.

О да. Сайлар все про себя знал, и это в особенности. Он не был "чудесным", замечательным или еще каким. Он был обычным.

Сложновато жить иллюзиями о себе самом, когда ты – член Стаи Кори. Здесь не было случайных людей, и каждый, действительно, был в чем-то удивительным и чудесным. Например, Роб – головастый техник, помимо всего прочего еще умеющий замечательно играть на гитаре и петь (так, что даже у ни разу не сентиментального Сайлара на глазах выступали слезы). Или Линта – сталкер, уже к четырнадцати годам облазившая старое метро вдоль и поперек – а соваться в некоторые его районы не рисковали и матерые бойцы с комплекцией Зака. Линта была единственной девушкой – полноправным членом Стаи, не чьей-то подружкой или сестренкой, и заслужила свое место по праву. Кроме того, она была волшебницей. Серьезно – как бы дерьмово тебе в жизни ни было, достаточно полчаса пообщаться с Лин, и как обруч с горла слетает, и дышать становится свободней и легче.

А ведь еще был сам Кори. Что тут говорить? Кори они были обязаны всем. Его чутье, выдержка и нереальные мозги сделали из Стаи Стаю. Подняли их со дна до уровня одной из самых уважаемых группировок в трущобах и даже за их пределами. Сайлар не говорил об этом никому, но своим старшим товарищем он восхищался совершенно пощеньячи с самого детства. Его заветным желанием тогда было "вырасти таким, как Кори, или как Сайлар из кино!". То есть он ставил будущего Вожака на одну ступень с кумиром, в честь которого взял имя, а со временем киношный герой заметно отступил в тень в сравнении с настоящим.

К сожалению, "таким, как Кори" Сайлар не вырос. Всей сообразительности, отпущенной природой Лару, хватало только на то, чтоб понять, что на самом деле он чертовски несообразителен. Слишком часто он замечал, что тупит и не знает что делать там, где другие легко и быстро находят решения. Он не умел командовать людьми, да в общем и не пытался – не воспримут всерьез. Учёба чему угодно давалась из рук вон плохо. Конечно, отчасти было виновато беспутное детство, но, к примеру, Роб тоже был родом из фавел, это не помешало ему стать охуенным хакером и софтоточцем. Упорства Сайлару было не занимать, но он тратил часы упражнений и уйму усилий на то, что другие схватывали на лету. Иногда это приводило его в отчаяние. Особенно когда дело касалось чего-то, что ему очень хотелось уметь делать круто – например, водить тачку. В конце концов он научился, но это и близко не было "круто". То ли дело Заки Зак. Он, наверное, и в пузе у мамки крутил баранку.

Единственное, в чем Сайлар обладал способностями хоть немного выше среднего, были драки. Реакция у него была хорошая, а дурная голова и злость добавляли очков. Однако — какой сюрприз! – тут дело портила банальная биология. Невысокому, тонкокостному

Сайлару тупо не хватало ни прочности, ни массы, чтобы стать серьезным бойцом. В детстве это было еще не критично, но уже в подростковом возрасте дало о себе знать. Если б не заступничество Кори, Лара бы давно зашибли в одной из ежедневных драк, случавшихся в трущобах.

Хотел бы он о себе сказать: "ну ладно, я ничего толком не умею, но зато я отличный парень!" – так это ж тоже была неправда. Ребята большей частью знали его с детства, и любили, как любят младшего брата, даже если он полный засранец. А вот собственных друзей Сайлар так и не завел. В редкие моменты просветления он задумывался об этом и пытался себя как-то изменить. Ну там, срать меньше, быть паинькой, пытаться поддерживать других, как Линта. Не особо получалось, кажется. Он не умел нравиться людям сам по себе. Как-то... ну, не очаровывал их и не вызывал симпатию.

Да, у него, конечно, оставалась внешность, тут уж грех жаловаться. Родись он страшненьким, впору было бы вообще вешаться, а так хоть с сексом проблем не было. Похоже, великим жизненным предназначением Лара было стать красивой безмозглой игрушкой какого-нибудь похотливого богатея. И мозгов, и морды с задницей как раз столько, сколько нужно для этого. Не родись он в трущобах и не встретить Кори...

Вот и вся правда о Сайларе из Стаи. Все, что он имел в жизни, досталось ему благодаря старшему товарищу и Вожаку. Не то чтобы это знание отравляло жизнь. Сайлар, наверное, смирился со своей обычностью. Ну разве что по-прежнему иногда бросался во все тяжкие, пытаясь освоить какое-нибудь новое умение или прокачать старое.

И тут на него свалился Шайни. Этот невозможный, охренительный парень, который круто умел делать все, чего не умел Лар – нравиться людям, учиться сложным вещам, бить морды и водить тачку. Который вел себя так, будто Сайлар действительно был каким-то особенным человеком. Который слушал его слова, будто ему действительно было интересно, и важно, и весело. Который смотрел так... прямо в душу смотрел. Хотелось врезать ему за это. *Или затащить в первую попавшуюся подсобку и трахнуть. А потом врезать. Или сначала все-таки врезать?.. Черт, черт, черт.*

Шейн, в конце концов, видимо, начал что-то подозревать относительно тайных желаний Сайлара. Или просто решил повторить попытку, после той неудачи в баре. В один прекрасный день, скатываясь по раздолбанной лестнице из конуры, в которой они жили с Заком и еще парой ребят из Стаи, Лар увидел ждущего его Шайни.

Он стоял на дороге, не двигаясь с места, и Сайлару, конечно, тоже не хотелось уступать, сбавляя шаг или меняя курс.

– И что ты тут делаешь?

– Мог бы соврать, что совсем случайно мимо шел, но не стану. Я хотел тебя увидеть.

Сайлар остановился, только почти врезавшись в Шейна, и не спеша закинул руки ему на плечи, заглянул в глаза снизу вверх.

– А еще чего ты хотел?

Вообще-то он собирался слегка подразнить парня, а потом послать куда подальше, как и в прошлый раз. И сделай Шейн хоть что-то, что Сайлар расценил бы как самоуверенность или наглость... ох, хочется верить, что ему хватило бы решимости разорвать контакт.

Но Шейн молчал, глядя на него чуть расширившимися глазами. Он облизнул губы, будто собираясь что-то произнести, но так и не выдал ни звука. С чем бы он ни явился сюда и что бы ни собирался сказать изначально – все оказалось сметено и забыто. Парень просто охренел от их прикосновения и не находил слов.

И что самое идиотское во всей ситуации – то же состояние охватило и Сайлара. Сайлара, который если и знал когда-то, что такое смущение, то забыл годы назад на пятом или десятом случайном любовнике. Он почти висел на Шейне, смотрел ему в глаза и вяло пытался сказать или сделать хоть что-нибудь.

Очень медленно, словно боясь спугнуть, Шайни обнял Лара за талию, а вторую руку осторожно запустил в волосы. Его глаза расширились еще больше.

– Охренеть, – только и сказал он, снова и снова пропуская сквозь пальцы шелковые пряди. – Охренеть.

И что-то внутри Сайлара – какая-то сущность, отвечающая за внутренние запреты, – отчаянно забила и выбросила белый флаг.

Он пришел в себя минуту спустя посреди самого крышесносного поцелуя, когда-либо случавшегося в его жизни. Каким-то образом он умудрился дотащить Шейна до ступеней и усадить на них, едва ли не впечатав в лестницу. Сам нависал сверху. Ну да, не на цыпочки же вставать, чтоб дотянуться до этого дылды? Та часть мозга, которая еще могла работать, лихорадочно соображала, что теперь делать. Вернее, не "что", а где, где блин это сделать наконец?! Тащить Шейна вверх не было никакого смысла – в их халупе толклось сейчас слишком много народу, включая не вполне трезвого Зака, который своих намерений относительно Шайни не изменил, и уж точно парочку в покое бы не оставил.

В эту секунду рука парня, сначала беспорядочно шарившая по спине Сайлара, добралась наконец до его задницы, чуть стискивая и с силой притягивая тело к телу. И Лар подумал, что согласен уже на все, включая секс в этом обшарпанном подъезде – лишь бы только он случился скорее.

– Шейн... – отрываться от него, даже для того, чтоб сказать пару слов, было сущей мукой.
– Шейн, детка, давай сделаем это?! Здесь.

Не сразу поняв, о чем речь, – глаза у него были совершенно шальные, – Шайни наконец ответил:

– Здесь?! Вот так... без всего?

– У меня резинка есть, – быстро заговорил Лар. – Здесь мало кто живет и редко ходя...

– Не надо, – Шейн взял его за плечи, глядя снизу вверх. – У меня машина тут недалеко, пойдём туда?

– О! – Лар подскочил и протянул руку, помогая подняться. Бля. Почему-то даже соприкосновение пальцев шарахнуло в мозг так же, как недавний поцелуй.

До машины они добирались урывками, так как в каких-то двадцати шагах от подъезда Шайни не выдержал, толкнул Сайлара к стене, прижал и поцеловал опять. Лар проделал тот же трюк спустя еще сколько-то шагов, у какого-то фонарного столба, фонарь на котором ни разу не видел горящим за все двадцать лет своей жизни. Ему казалось, что ровное полотно Купола над головой идет волнами. Ему казалось – впервые в жизни казалось, – что мир действительно кружится вокруг него. Вокруг них двоих.

Машина Шейна его поначалу разочаровала – такая неприглядная, темная, без всяких наворотов, которые так любили немногие счастливые автовладельцы в трущобах Города. Но Шейн прикоснулся рукой к корпусу, и тот весь как-то мигнул. Вау! Тачка, похоже, умела проецировать любую "шкурку" на корпус и узнавать владельца по прикосновению. Сайлар еще успел подумать, что он, видать, конченный извращенец – в такую минуту успеть что-то там заметить про машину! И тут его обхватили сильные руки:

– Не туда, балбес. Давай на заднее сидение.

И спустя какую-то секунду они оба оказались внутри. Дверь машины закрылась...

...Дверь закрылась, и Сайлар как будто оказался в совсем другом мире. В мире, где ничто не могло ему помешать стаскивать одежду с Шайни, целовать его, ерошить короткие волосы, чувствовать его ладони на бедрах, спине, плечах, шее...

Шейн разделался с его шмотками очень быстро, и это было как-то особенно здорово – остаться в его руках и без всего. У Лара встал еще в подъезде, вся эта ткань давила и мешала, хотелось избавиться от нее, хотелось близости, хотелось контакта – телом к телу, кожей к коже. На какую-то секунду он отстранился и посмотрел на любовника. На том остались только джинсы (уже, впрочем, расстегнутые), и сила его возбуждения видна была невооруженным взглядом. А еще он смотрел... ах, как он смотрел на Сайлара!

Машину заполнял теплый желтоватый свет, снаружи лился холодный голубой. Светлая кожа Шейна, казалось, впитывала оба, и едва ли не мерцала. Лар не мог отвести от него глаз. Он хотел запомнить, хотел насладиться. У Шайни была потрясающая фигура, все-таки. Мышца к мышце, не массивная и не тощая – все в самый раз. Хотелось губами и языком исследовать каждый сантиметр этого тела, ласкать его, пока не начнет темнеть в глазах – у обоих. Но и так уже был на грани и не мог, не хотел ждать.

Он запустил руку в ширинку любовника, потянул на себя его член, с трепетом ощущая в руке приятную твердость. Шейн шумно вздохнул, сомкнул руки замком на спине Лара, потянулся губами к плечам и шее, смешно отфыркиваясь от щекотных пушистых волос. Но тот не дал ему увлечься, резко отстранившись.

– Шайни, – собственный голос оказался неожиданно хриплым. – Ты куда дел мои штаны?

– Зачем тебе?! – тот, кажется, испугался, не собирается ли Лар все прервать и свалить.

– В них была резинка.

– Ох, – Шейн, явно недовольный перерывом в интересном занятии, покрутил головой. – Я их куда-то кинул. Посмотри у руля?..

– Здорово, ёпт...

Лар вывернулся из его рук, протиснулся между двумя передними сидениями, мстительно подумав, что теперь Шейн должен был видеть его зад и вообще всего его в такой недвусмысленной позе... вот пусть мучается, нечего кидаться веща...

– Ай! СУКА!!

– Что? – невинно спросил Шайни, не отнимая руки, которой только что щипался, от соблазнительно маячившей перед ним задницы.

– Ни-че-го, – Сайлар нашел, что искал, и выбрался обратно на заднее сидение. Потом развернулся и устроился на коленях Шейна, лицом к нему. Тот потянулся было за поцелуем, но Лар одной рукой припечатал его к спинке сидения, зубами разрывая упаковку презерватива.

– У тебя такой вид, как будто ты собрался меня жестко трахнуть, – тихо сказал Шайни.

– Я собрался жестко трахнуть себя об тебя, – сообщил Лар.

...Видать, его подсознание хотело еще один, последний раз заставить его выкинуть в присутствии Шейна что-то безумное и глупое – и отпустить уже наконец это помешательство. Он так и поступил. Шальное, пьяное чувство разливалось по телу, пока Сайлар, глядя в глаза любовнику, лично раскатывал презерватив по его члену, а потом не спеша вводил его в себя. Было не очень комфортно, немного больно, совершенно нереально – как во сне! – и безумно хорошо. Он опустился ниже. Потом еще ниже, желая почувствовать как можно больше Шайни в себе. А потом резко, сильно задвигался, не жалея себя и задавая очень быстрый темп.

Шейн вскрикнул, откидывая голову назад, на сидение, сильнее сжал руки на бедрах, потом вскинулся, попытался придержать, успокоить, поглаживая по спине:

– Саэ... тише... тише, глупый, ты... тебе же будет больно... аахх...

Сайлар его слышал и не слышал. Шейн, впрочем, тоже, кажется, сам себя не вполне слышал: его голос срывался в горячий хриплый шепот, голова то и дело запрокидывалась, глаза лихорадочно блестели.

Потом все как-то смешалось, утонуло в отсветах и звуках, и Сайлар совсем потерял себя,

как с ним часто бывало ближе к разрядке. Это чувство – будто мир кружится вокруг тебя – все не уходило. Он открыл глаза и понял, что лежит на сидении, Шейн крепко прижимает его к себе и оба они измазаны спермой. Дыхание не желало выравниваться, в теле оставалось еще немало нерастроченной энергии, но Лар чувствовал в этот миг удивительное удовлетворение. И еще что-то вроде ехидной заметочки на краешке сознания: вот от чего ты, дурак, два месяца бегал. И все потому что...

– Ты чудесный, – тихо, хрипло и с какой-то невозможной, обреченной нежностью сказал Шайни. Сайлар вскинул взгляд, и... Нет. Нет-нет-нет. Не надо говорить мне такого. Я же просто теперь никогда не смогу от тебя уйти. Никогда не захочу уйти. Не смогу запереть ни одну дверь так, чтобы ты ее не открыл одним прикосновением. Что же это творится такое?..

Им потребовалось какое-то время, чтобы привести себя в порядок и одеться, а потом Шейн, явно слегка переживая, спросил:

– Поедем ко мне?

Зяблин забори, он все еще думал, что Сайлар может куда-то слиться! Впрочем, если парень тебя упорно раз за разом посылает и шипит как змеюка, а потом вдруг соглашается на все – поневоле будешь ждать от него подвоха.

– Поедем! – хмыкнул Сайлар, ныряя на переднее сидение. – Только чур я поведу!

Шейн улыбнулся и молча вложил ему в руку ключи. А сам устроился на месте рядом с водителем.

– Сейчас включу навигатор. Тебе достаточно будет карты или на стекло подсказки вывести?

– На стекло, – Сайлар понятия не имел, как это, но очень хотелось посмотреть. И, как оказалось, оно того стоило! Лобовое стекло ожило – не просто показало полупрозрачную карту, но и стало подсвечивать все нужные повороты, знаки и светофоры, на которые следовало обратить внимание. Не на схеме подсвечивать, а прямо как есть! Позже Шейн объяснил ему, что это называется "дополненная реальность", но тогда Сайлар просто прифигел маленько и с детским восторгом отдался управлению чудо-машиной. Все было таким замечательным, таким новым – он сам, весь мир и главное – чувство, которое зажигал в нем взгляд парня, сидевшего рядом. Взгляд, который Сайлар ощущал каждой клеточкой тела.

Он тогда не задумывался над этим, но то был первый раз, когда у него получилось вести машину именно так, как всегда мечталось: спокойно, стремительно, уверенно. Без дерганий и лишнего лихачества. Он просто не мог себе позволить лихачества, пока рядом был Шейн. Но вот откуда взялись уверенность и мастерство? У него ведь никогда не выходило так... и вдруг все, что раньше было "не могу, не получится" вдруг стало "знаю. делаю".

...Маршрут, проложенный навигатором, привел их в один из элитных кварталов Города,

заполненный небоскребами. Подтверждались худшие опасения Лара насчет происхождения его друга, но почему-то ему теперь было плевать. Он завел машину на стоянку, располагавшуюся на нижнем этаже здоровенной башни, и, не задавая вопросов, пошел за Шейном к лифту.

В лифте и до самой двери в обителище Шайни они обжимались, так что Сайлар этот отрезок пути не запомнил вообще. А вот попав внутрь, все же отлип от любовника и с любопытством завертел головой. Небольшая квартира-студия выглядела довольно скромно для такого района, да и внутри никакой особой роскошью не блистала. Четыре угла – в одном кухня, в другом комп, большой монитор и стеллажи со всякой всячиной, в третьем кровать (сказать вернее – большой пружинный матрас, застеленный покрывалом и лежащий прямо на полу), в четвертом – что-то вроде рабочей зоны с инструментами, ящиками, деталями каких-то гаджетов. Дверь в прихожую, дверь в санузел и все. Аскетичная обстановка и сносный (пусть и не идеальный) порядок. На то, что это квартира двадцатилетнего парня, указывали разве что пара плакатов и открыток с персонажами известных вирт-игр, висящие на стене в "компьютерном" углу.

– Хочешь чего-нибудь? Выпить? Или, может, съесть? – Шейн порылся за барной стойкой кухни и вынырнул оттуда, прихлебывая газировку из бутылки.

Сайлар, оторвавшись от созерцания коллекции игр, повернулся к нему.

– "Чего-нибудь" хочу, но не есть и не пить. Шайни, помнишь, как ты меня недавно из проволоки выпутывал?..

Шейн чуть нахмурился, а потом лукаво улыбнулся – видимо, вспомнил. Отставил бутылку и подошел к Лару, стоявшему посреди комнаты.

– Похоже, мы в тот момент об одном и том же думали, – и он опустил на колени одним плавным движением, потянулся к застёжке сайларовых штанов...

Этот день обещал быть самым счастливым в жизни Лара.

Впрочем, после него наступил еще один, не менее замечательный. Они проснулись вместе, приняли душ вместе, вместе соорудили завтрак, пихаясь, щипаясь и подшучивая друг над другом. Сайлар думал, что они ведут себя, как какая-то гребаная парочка. Ох, похоже, они и были какой-то гребаной парочкой.

...После позднего завтрака опять была постель. А обед готовить было лень, поэтому Шейн заказал по комму пиццу. Только ее все не везли и не везли... в конце концов на опоздание курьера обратили внимание даже они двое, предельно занятые друг другом.

За окном уже успело стемнеть. Сайлар решил побыть великодушным и сам вылез из постели, чтобы звякнуть в доставку и поторопить их с заказом. Ругаться не хотелось (это ему-то!), жизнь была прекрасна и ленива. Он нашел свой комм, который еще вчера зашвырнул куда-то, мельком глянул на экран и...

38 пропущенных вызовов. Из них 32 – от Кори. Лар вчера вырубил звук, чтобы им не мешали, и вот...

Как раз в момент, когда он думал об этом, экран засветился, принимая 39-й звонок. Он нажал "Ответить", и...

– САЙЛАР, ЁБ ТВОЮ МАТЬ, ГДЕ ТЫ?!?!?!

Лар оторопел. Кори никогда на него не орал. По крайней мере так не орал. От удивления он ответил быстрее, чем успел все обдумать:

– У Шайни...

– Где?! – Кори продолжал рычать. – Район?!

Лар назвал район. Повисла минутная тишина. За его спиной Шейн, уже спешно одевшийся, что-то делал с компьютером.

– Значит, так, – совсем другим, мертвым голосом произнес Кори. – Ты берешь Шейна, берешь воду, жратву, оружие – все, что у вас там есть. И прямо сейчас валишь из Города. Вам до нас сейчас никак не добраться, и нам до вас тоже. Уходите через Южный Тоннель. Дорогу до Убежища ты оттуда найти должен, в крайнем случае просто обойдешь Город до выхода из Восточного тоннеля, и оттуда как обычно. Все. Встретимся там. Не задерживайтесь!!

– Подожди, а что...

– Не мешкать, я сказал! ЛАР!! В Городе введен комендантский час. Если вы не успеете до момента, как Тоннель перекроют...

Рядом вырос Шайни:

– Вожак, все ясно, мы выдвигаемся. Отбой, – и сразу повернулся к Сайлару: – Я вытащил рюкзак для тебя. Аптечка рядом с холодильником, займись пока ей, и найди во что воду набрать.

Лар рванул выполнять требуемое, недоумевая, что, черт возьми...

– Ох ё, – выдохнул за его спиной Шейн. Сайлар не выдержал и обернулся. Оказывается, Шайни успел что-то такое наворотить на своем компе, что вывело на экран эфиры всех трех главных каналов и еще топ сюжетов, которые сейчас чаще всего шарились юзерами в городской сети. Эфир первого правительственного канала оказался пуст, чего просто не могло быть, совсем никогда. По второму показывали какое-то пожарище в большом здании, показавшемся Сайлару смутно знакомым. По третьему шло строкой сообщение: "ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ПОКИДАЙТЕ ВАШИХ ДОМОВ! В ГОРОДЕ ВВЕДЕН КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС!" – и кадры с успокаивающей панорамой жизни до Первого Падения.

Когда твое правительство показывает тебе овечек и синее небо – повод задуматься, да?..

Но Сайлару некогда было задумываться – он во все глаза смотрел на видеосюжет, выловленный программой Шейна из инфопотка городской сети (8 миллионов просмотров, – как-то машинально зафиксировало сознание; 8 миллионов, хотя видео появилось только сегодня). Это явно был дневной выпуск новостей по тому самому – замолчавшему – Первому правительственному каналу. Бодрый голубоглазый ведущий зачитывал что-то, глядя в камеру, но было видно, что что-то его тревожит. Истинный профессионал, он продолжал говорить, даже когда его руки, лежащие на столе, начали ощутимо дрожать. И вдруг резко замолчал. Расширившиеся глаза смотрели прямо в камеру – в душу зрителям. Медленно-медленно ведущий поднял руку и прикоснулся к виску. А с руки, между тем, начали отваливаться куски мяса. *Какого. Черта.* Это происходило прямо сейчас – плоть человека пузырилась, вздувалась, краснела, трескалась и сползала с костяка. Ведущий начал кричать – с запозданием, с каким-то детским отчаянием, – потом упал вперед, на стол. Лицо его тоже текло и изменялось, тело корчилось. К упавшему рванулись люди... и тут видео прерывалось.

Чертыхнувшись, Сайлар вернулся к выворачиванию аптечки.

"Чтозачертчтозачертчтозачерт", – крутилось в голове, но руки здраво рассудили, что во всем разобраться он сможет позже.

Аптечка. Вода. Все из холодильника, что годилось в пищу. Шейн тоже собирался – пронесся по квартире вихрем и упаковал рюкзак, заодно добыв для Сайлара теплую одежду.

– Я доведу до Южного Тоннеля, но дальше ты, – произнес он, уже делая шаг к выходу. – Далеко до этого вашего Убежища?

– Я не ходил туда пешком раньше, – Сайлар последний раз обернулся на квартиру, которую они оставляли. На экране все еще шла трансляция. Второй канал тоже стал показывать овечек. Текстовка на третьем изменилась:

НАПАДЕНИЕ МУТАНТОВ! ОСТАВАЙТЕСЬ ДОМА! СИЛЫ ПОЛИЦИИ ВЕДУТ СРАЖЕНИЕ!

– Что бы тут ни творилось, я хочу оказаться от этого как можно дальше, – пробормотал он себе под нос, сбегая вслед за Шайни по ступенькам. Как тот объяснил, администрация здания могла и заблокировать лифты в рамках мер по поддержанию "комендантского часа".

Машину они брать не стали, тайком выбрались из небоскреба через гараж. На улице было пустынно и тихо, где-то в отдалении слышался вой полицейских сирен. Это был элитный квартал, и его законопослушные граждане предпочли сделать то, о чем их просили: остаться дома. Вроде бы все спокойно, но Сайлар не мог отделаться от мысли, что что-то вокруг не так, просто чудовищно не так.

Долшло до него на перекрестке, который они пересекли, удостоверившись в отсутствии поблизости полиции. Сайлар вдруг замер прямо посреди пустой дороги и вцепился в локоть спутника:

– Шейн, посмотри вверх. Купол!

Купола *не было*.

Вместо привычного голубоватого шатра, под которым они родились и выросли, над ними раскрывало темные глубины небо. Где-то там, наверное, ползли облака, где-то там за пузырем земной атмосферы простирался безграничный космос с настоящими яркими звездами. Здесь же было темно и тихо. Шейн и Сайлар, не сговариваясь, шагнули друг к другу и прижались на мгновение, глядя в темное незнакомое небо. А потом рванули прочь что есть мочи.

Где-то в нигде в этот миг заработал незримый и неслышимый маховик времени, ведущий отсчет двадцати шести дней – дней от начала Бегства из Городов, дней, оставшихся до момента, когда машина Стаи заглухнет в двухстах метрах от заброшенного еще до Первого Падения ранчо. И один из них пойдет рыскать по развалинам, бросив второму короткое "я щас"; а второй не дожидается и уйдет чинить машину в обманчивой близости защищающих стен. Никогда не знаешь, какой взгляд и какие слова могут оказаться последними.

...Они успели тогда выбраться из Города. До того, как отключилась связь. До того, как Тоннель оказался закупорен. До того, как отряды полиции начали открывать по всем, пытавшимся улизнуть из каменной западни, огонь на поражение. Они успешно избежали встреч с другими агрессивными беглецами. Они прошли, держась за руки, через окружавшую Город пустыню под красным небом, заночевав в остове старого автомобиля. И добрались наконец до Убежища, где ждал изнемогающий Кори и остальная Стая. Шесть лет назад это было. Шесть лет назад...

Шейн, я люблю тебя. Прости, что не спас тебя. Прости. Прости. Я бы все отдал, чтобы тебя вернуть, но ничего не выйдет, потому что мое все – это и есть ты.

Остатки сна таяли под бодрыми желтыми лучами солнца, лезущими в окно жилой части базы рейнджеров. Сайлар нехотя разлепил глаза и поднялся – навстречу утру, которому он не радовался, жизни, которую не любил, и миру, в котором давно не знал своего места.

Spades and Diamonds

Там у третьего порога,
За широкою ступенью,
Верно шелковые камни,
Бьется надвое дорога, слышишь?
Правый путь ведет на пристань,
Путь окружный – в горы, к югу.
...Но на свете нет дороги,
Чтобы нас вела друг к другу.

Мельница, "Дороги"

"Текст, который вы видите перед собой, представляет собой независимое исследование причин катастрофы, известной сегодня как Бегство из Городов.

Авторы хотели бы оговорить отдельно: на сегодняшний день ни одной достоверной и доказанной версии произошедшего *не существует*. Из текста ниже вы не получите сенсационного вывода, никакого безусловного свидетельства нападения инопланетян или распыления секретного биологического оружия, каковым часто обосновывают начало Бегства. Здесь приведены только факты, отдельные детали произошедшего, в достоверности которых авторы смогли убедиться сами.

Еще одна важная оговорка: мы полагаем, что, каковы бы ни были истинные причины Бегства, оно приняло такой размах и унесло столь большое количество человеческих жизней по причинам отнюдь не загадочным. К роковому дню – 27 августа 2148 года – Города подошли в состоянии крайнего социального и политического кризиса, и в одном шаге от кризиса экономического. Болезнь, поразившая властные структуры мегаполисов, многолетняя массовая безработица, маргинализация низшего и низшего среднего класса: вот та ужасающая основа, на которой смог произрасти катаклизм с миллионными жертвами.

...Рассказ о Бегстве стоит начинать с господствовавших тогда взглядов и воззрений. Напомним, что, согласно официальным документам Комитета Здравоохранения, внешняя среда за пределами Городов являлась не просто непригодной, а крайне опасной для жизни человека. Способа ликвидировать последствия Первого Падения найдено не было; однако существовали несколько средств защиты доказанной, как тогда считалось, эффективности. Главным из них являлись Купола, защищающие Города от влияния так называемых "красных" и "черных" поясов – в частности, от мутаций.

Большие популяции мутантов обитали в подземельях Городов с давних времен. Считалось, что это потомки людей, не успевших укрыться под Куполами во время Падения, а также те несчастные, кто по каким-то причинам нарушал запрет на пересечение Городской черты и находился под воздействием внешней среды достаточно длительное время. Мутантам традиционно приписывалась значительная часть преступной деятельности. Требования "полностью решить" эту проблему выдвигались неоднократно. Критики часто называли регулярные рейды полиции в подземелья "исключительно демонстрационными". Однако вплоть до самого Бегства никаких

решительных действий по этому вопросу власть не предпринимала. Заметим, в определенных кругах считалось, что масштаб "преступлений мутантов" сильно преувеличен и используется исключительно для создания "образа врага". Нагнетание ужаса вокруг мутантов и мутации (в частности – со стороны чиновников Комитета Здравоохранения) действительно имело место быть. Что и сыграло свою роковую роль во время разразившейся катастрофы.

Доподлинно неизвестно, что именно послужило началом Бегства. Можно с уверенностью говорить только о двух вещах: примерно в шесть часов вечера по Стандартному времени в двух из трех Городов континента произошло отключение Куполов. Станции Генерации, как выяснилось позднее, были сожжены либо взорваны, однако это могло произойти и позже, во время охвативших мегаполисы беспорядков. Записи с камер безопасности Станций не сохранились либо были скрыты от общественности. Таким образом, истинная причина отключения Куполов неизвестна.

Второй важный момент: во всех трех Городах в этот день наблюдались случаи внезапного поражения людей неизвестным недугом, по симптомам более всего напоминавшим влияние Красных поясов. Иначе говоря, стремительное необратимое изменение организма, включая (но не ограничиваясь) мутациями. Мы можем с уверенностью говорить, что как минимум несколько таких случаев произошли до отключения Купола – они так или иначе оказались протранслированы онлайн или подтверждены значительным количеством свидетелей. В каждом из трех Городов нашелся случай этого явления, привлекая наибольшее внимание общественности. Это гибель ведущего "Первых новостей" Пита Смита в прямом эфире его программы, гибель нападающего "Биг Рэд Буллз" Харви Эльма во время матча и поражение (не смертельное – к счастью или к несчастью) актрисы Роны Арвингем на благотворительном вечере. Все три случая были зафиксированы камерами, попали в городскую Сеть и вызвали огромный резонанс. В наши дни именами этих троих людей обычно обозначают загадочное явление, унесшее их жизни (или, в случае мисс Арвингем, красоту и здоровье). Для простоты и мы в дальнейшем будем использовать термин "синдром Пита Смита".

Точное количество жертв синдрома неизвестно. Молва приписывает ему едва ли не половину смертей, произошедших во время Бегства (то есть около двух миллионов человек), однако мы можем с уверенностью назвать эти цифры преувеличенными. Через руки авторов данного исследования прошло около двух с половиной тысяч видеосвидетельств поражения людей синдромом Пита Смита. Треть из них, по нашему заключению, является подделкой, созданной значительно позже Бегства.

Достоверность еще некоторой части роликов не может быть подтверждена однозначно. Однако 646 материалов (их список смотрите в конце статьи) мы полагаем подлинными. Это ролики самого разного характера: записи уличных, офисных и банковских камер слежения, съемки, произведенные репортерами и любителями. Они позволяют заключить, что жертвами синдрома становились люди самого разного общественного положения, от простых служащих до звезд экрана. Не наблюдается также никакой географической привязки – зафиксированы случаи поражения синдромом Пита Смита в самых разных уголках Городов.

Сопоставив данные анализа видеороликов с отчетами моргов, куда свозились тела

(копии отчетов см. в приложении 1 и 2), мы оцениваем общее количество жертв синдрома примерно в 70-80 тысяч человек. Это число также кажется нам достаточным, чтобы объяснить масштаб разразившейся паники, усугубленной исчезновением Куполов и последовавшим за ним информационным вакуумом (молчанием правительства и основных инфоканалов).

Хронология событий выглядит следующим образом:

27 августа:

12 am – первые зарегистрированные случаи поражения синдромом Пита Смита
первые ролики с ними попадают в сеть

16 pm – видео с девочкой, прямо на глазах родных покрывающейся чешуей и теряющей глаз (см. Приложение 3), размещает на своем канале известный видеоблоггер Руби Род. Это событие может считаться точкой отсчета в нарастании паники в медиа.

18.13 – в эфире шестичасового выпуска новостей погибает ведущий Пит Смит.

18.41 – Харви Эльм теряет сознание во время матча. Через две минуты его тело начинает необратимо изменяться, бригада медиков ничем не может помочь. Все происходящее транслирует Спортивный канал.

18.45 – исчезает Купол углового Города.

18.57 – исчезает Купол приморского Города.

19.25 – Рона Арвингем на благотворительном вечере Ассоциации Взаимопомощи выходит к гостям в окровавленном платье, с собственной правой рукой (отсоединенной от тела), зажатой в левой руке. Происходящее записывают журналисты светской хроники и нескольких сетевых изданий.

19.27 – Первый Городской канал прекращает вещание.

19.35 – приморский Город: объявление об аварии на станциях Купола. Просьба жителям не покидать помещений до ее устранения.

19.38 – угловой Город: введен комендантский час.

19.45 – западный Город: введен комендантский час.

19.58 – приморский Город: введен комендантский час.

20.00 – первое сообщение по центральным каналам, где причиной ЧС названо нападение мутантов.

20.05 – официальное время начала операции "Зачистка". Отряды полиции (согласно официальной версии) направляются в подземелья для отражения нападения мутантов.

22.00 – первое (с начала происшествий) официальное выступление правительства Городов.

Здесь мы ненадолго прервемся и постараемся рассмотреть, что происходило за пределами официального новостного поля.

По мере распространения роликов с жертвами синдрома Пита Смита в сетевых и оффлайн-сообществах начало нарастать напряжение, окончательно превратившееся в массовую панику после исчезновения Куполов. Отсутствие внятной информации (в том числе – заявления властей по поводу инцидентов) породило сразу несколько версий происходящего. Две основных: вспышка неизвестной ужасной болезни и нападение некоего агрессора, использующего биологическое оружие. На роль последнего предлагались многие: от тех же мутантов до инопланетян. Также определенную популярность заслужили идеи агрессии одного из Городов против других (в каждом

мегаполисе, естественно, обвинили соседей) и акции спецслужб, направленной на расправу с неудобными. Все эти теории приняли вид медиавируса и распространялись с невероятной скоростью.

Более всех паникой оказались затронуты наиболее маргинализированные слои общества. Именно они первыми увидели выход из ситуации в немедленном бегстве за пределы Городов. Надо сказать, что, несмотря на официальные запреты, представители низших классов в то время были привычны к коротким вылазкам во внешний мир. Для подростков из этой среды сталкерство являлось чем-то вроде обряда инициации. В сложившейся угрожающей ситуации многие из них предпочли убраться подальше от возможного источника опасности, которым в этот момент воспринимался Город. Введение комендантского часа и выдвижение полицейских частей в подземелья – якобы для сражения с армией мутантов – лишь усилило эти тревоги. Во всем происходящем жители трущоб увидели лишь попытку запереть их в ловушке.

Примерно в 20.25 следующий по тоннелям Старого метро отряд полиции столкнулся с большой группой беженцев, пытающихся покинуть угловой Город. По не выявленной причине между ними вспыхнул конфликт, перетекший в вооруженное столкновение. Отряд полиции понес серьезные потери (в том числе – убитыми), и запросил подкрепление. Судя по всему, аналогично поступили и их противники, передав в район фавел новость о том, что их пытались задержать полицейские, применявшие оружие. Это сообщение стало последней каплей в разразившемся хаосе. К этому моменту сотни, если не тысячи людей уже пытались покинуть Город; после произошедшего тревогой оказались подняты едва ли не все трущобы.

Преемники тогдашнего правительства углового Города до сих пор отрицают этот факт, однако мы можем почти с уверенностью сказать, что в какой-то момент полиции был отдан приказ подавить волнения, в том числе открывая огонь на поражение. Многие жители фавел также имели нелегальное оружие. Таким образом, примерно к полуночи боестолкновения полиции с отрядами маргиналов в угловом Городе переросли в полноценную войну.

Самые жестокие бои шли в Восточном Тоннеле – подземном пути Старого метро, которым чаще всего пользовались для походов за пределы Города. Выход из тоннеля, охраняемый полицией, толпа штурмовала несколько раз, неся огромные потери. В конце концов кордон был сметен, составлявшие его полицейские жестоко убиты, и атакующие смогли покинуть Город. Параллельно с этим был осуществлен прорыв внешних заграждений в нескольких местах, а также исход по путям Межгородского Экспресса.

Однако агрессия отнюдь не ограничивалась схватками в тоннелях и в районе фавел. По мере того, как нарастал хаос и сообщения о боях полиции, ведомых непонятно с кем, просачивались в сеть, паника стала захватывать не только низшие слои углового Города, но также и более благополучные районы, и другие мегаполисы. Параллельно с этим продолжала раскручиваться история с синдромом Пита Смита: он забирал все больше и больше жертв. Подливали масло в огонь массовые случаи грабежей и мародерства, соседствующие с любой чрезвычайной ситуацией и конфликтом. Население Городов оказалось в ужасающей ситуации. Страх перед чудовищной болезнью, страх из-за исчезновения защитного Купола, страх перед нападением неизвестного противника,

страх перед полицией, страх перед мародерами заставлял все больше людей искать спасения вовне. Итогом стал массовый исход за пределы привычной среды обитания, который мы сегодня зовем Бегством из Городов.

Общее число жертв этой катастрофы составляет примерно четыре миллиона человек (по данным, признанным официальной статистикой; без учета мутантов). В это число входят: люди, погибшие от воздействия синдрома Пита Смита; люди, убитые во время уличных боев с полицией и попыток вырваться за периметр, а также полицейские, погибшие при тех же обстоятельствах; жертвы мародеров; жертвы пожаров и других сопутствовавших Бегству происшествий; умершие от голода, жажды и болезней уже после исхода из Городов; убитые при разных обстоятельствах на Равнине во время массового исхода и первые дни после него. Мы не беремся дать оценку тому, которая из причин внесла наибольший вклад в ужасающую статистику этого катаклизма.

Коротко остановимся на политических и социальных последствиях Бегства.

На шестой день после произошедшего сменившаяся власти уголовного Города выдвинули приморскому мегаполису обвинение в организации катаклизма. В качестве одного из доказательств фигурировал тот факт, что Купол продолжал функционировать только в этом Городе. Последовавший за этим так называемый Трехдневный конфликт принес новые человеческие жертвы и серьезные разрушения инфраструктуре приморского мегаполиса, пережившей массивный удар беспилотных боевых аппаратов. Правительство приморского Города было смещено. Его место заняла нынешняя власть, крайне лояльная к коллегам из уголовного мегаполиса.

Западный Город пережил около шести месяцев смуты, со сменявшимися друг друга самозванными правительствами и режимами. Этот период завершился экспансией объединенных сил двух других мегаполисов, установивших (или "вернувших", как пишут в официальных документах) свой порядок. Западный Город пережил наибольшие разрушения в ходе Бегства и после него, и в данный момент живет большей частью гуманитарной помощью и дотациями. Положение приморского Города во многом схожее. После всего произошедшего во всех трех Городах значительно усилены меры контроля за передвижением населения. Отстроены и вновь запущены Станции генерации Куполов. Введен ряд мер, направленных на пресечение повторных вспышек синдрома Пита Смита. В частности, обязательные медицинские осмотры и строгое наказание за взлом ("чкапс") или удаление медицинского чипа.

Одним из последствий Бегства стало практически полное уничтожение мутантов во всех трех Городах.

Вопрос о причинах Бегства и природе синдрома Пита Смита до сих пор не решен. Ведется правительственное расследование. По подозрению в подготовке диверсии и террористического акта было задержано, по грубым оценкам, около двухсот семидесяти человек, включая бывшее правительство приморского Города.

Отдельного упоминания заслуживает судьба выживших в ходе Бегства, которые отказались от возвращения в Города. Несмотря на мнение о невозможности выживания человека без защиты Купола, сегодня за пределами Городов существуют многочисленные поселения первопроходцев Равнины. Они носят название Общин и

расположены, большей частью, в промежутке между Красным и Черным поясом. В настоящий момент т.н. Общины находятся в экономической блокаде: резидентам Городов запрещены любые торговые контакты с ними. Кроме того, в отношении жителей Общин действует так называемый "принцип биологического эмбарго" (разумеется, неофициальный). Никто из них не может получить обязательный чип резидента Города; таким образом, браки между жителями Общин и Горожанами исключены; не подлежат регистрации также и дети от таких союзов. Эта мера вызывает больше всего протестов правозащитников; Комитет Здравоохранения, напротив, косвенно поддерживает ее: представители КЗ неоднократно высказались в том ключе, что возможное влияние внешней среды Равнины на организм и гены человека можно будет оценить только через одно-два поколения, и, таким образом, допущение смешанных браков на данном этапе подвергает риску генофонд Городов. Согласно данным опросов, большинство населения поддерживает точку зрения чиновников КЗ..."

Рэтти Янг поморщился, будто слопав что-то кислое, и отложил интересное чтение. "Независимые исследователи" были вполне ничего, пока не вкатились в обсуждение Общин; тут-то вся независимость с них и слетела. Бойтесь злобных Общинных мутантов?.. Бойтесь, ребятки, бойтесь...

День у Рэтти не задался с утра. Он ждал в гости не кого-нибудь, а Шлюшьего короля, вследствие чего был трезв (уж очень хотелось угодить Кори... тьфу, то есть не хотелось выслушивать его нотации). А еще ему по поручению Совета Девятки (ололо гоп-компания любимая моя) нужно было мониторить движуху в Городах, чем он, собственно, и занимался (когда было не сильно лень). Читать и смотреть всю эту мутотень, пытаюсь понять, какие идеи владеют умами горожан и что у них там затевается, было тем еще занятием. Впрочем, приятных занятий в жизни талантливому технаря Рэтти практически не осталось: с тех пор, как он на свою голову согласился стать главой Общины. Он много знал про железки, за что и был выбран народным собранием на эту должность, но вот про людей... про людей, как выяснилось, Рэтти знал не очень много.

Это и стало одной из причин того, что он так и не догадался до последнего: этот мерзкий день станет для него днем, когда его придут убивать.

– Ты никуда не поедешь, – рубанул Кори с порога. – Даже не думай. Даже не думай.

– И я тебя тоже рад видеть, Вожак, – вздохнул Сайлар. Ну вот как он только узнал?..

Они встретились на ранчо вольного фермера неподалеку от Общины механиков, в аккуратном каменном доме, вокруг которого пузырились купола теплиц и грибниц. Сайлара с командой вызвали сюда, чтобы разыскать группу удравших на прогулку в Железный лес и пропавших там подростков. С теми, по счастью, все оказалось в порядке: их не убивали злые мутанты и не похищали работоторговцы, просто детвора заплутала в лабиринтах гигантской свалки и выбралась к дому только на третий день, без помощи прибывших на поиски рейнджеров. Парни Сайлара ворчали, что только время зря потратили, но сам он был рад – лучше бы почаще тревоги, ради которых их вызывали,

оказывались ложными; лучше бы на этой чертовой Равнине никто никогда не пропадал и не погибал.

Лар сидел на просторной кухне фермерского дома, потягивая горячий чай, поданный радостным хозяином, и наслаждаясь редкой минутой покоя, когда вдруг откуда ни возьмись появился Кори. И сразу с порога пошел рубить сплеча, причем ясно, к чему они клонил – к посланию Варлока.

– Лар, ты с горячей головы такого можешь наворотить, что за годы не разгрести, – Кори сел напротив него, оседлав стул, пристально глядя голубыми глазами. – Но ехать сейчас в Содраграску – самоубийство. Надеюсь, ты это понимаешь?..

Сайлар-то понимал, но возразил из чистого чувства противоречия – ему не нравилось, когда Кори пытался командовать, словно Лар все еще был частью Стаи.

– А что такого? – спросил он, делая глоток чая. – Любая Община может обратиться к рейнджерам за помощью, и Содраграска не исключение.

– Не делай вид, что не понимаешь! Эта людоедская скотина после Совета тобой слишком плотно интересуется. Его люди порылись и тут и там, обещали многим деньги за любую информацию о главе рейнджеров. За ними даже следить особо не надо – дым стоит на всю Равнину. Сайлар, это не просто так. Варлок не решился с тобой разобраться на Совете у всех на глазах, а теперь просто ищет повод заманить в самое свое логово и поквитаться. Он псих, ты же знаешь.

Сайлар с трудом сдержал готовую проступить на губах улыбку. Хорошо, если так. Хорошо, если чокнутый людоед им "плотно интересуется". Сайлар им тоже "плотно интересовался", причем с теми же целями. Он вдруг вспомнил Совет – как он пришел тогда, никем не замеченный, и остался стоять в дверях, наблюдая за происходящим. Минута шла за минутой, а он все никак не мог заставить себя посмотреть в сторону Содраграсского Людоеда. Само присутствие этого существа на Совете, то, что его принимают тут как ни в чем ни бывало, больно задевало что-то внутри. Чертова политика. Как бы хотелось никогда не иметь дела с ней...

А потом Варлок заговорил, и звук этого жуткого нечеловеческого голоса будто обдал Сайлара кипятком. Руки сжались в кулаки помимо воли, и все тело было как взведенная пружина. Пол-Равнины считало мутанта колдуном, и, кажется, не просто так: в действии, которое он оказывал на Лара, было что-то магическое.

Ну либо долбаный людоед просто бесил Сайлара до зубовного скрежета. Так или иначе, в себя Лар пришел уже в процессе гневной тирады об умственных способностях некоторых мутантов.

Он криво усмехнулся, возвращаясь в настоящее, и глянул на Кори.

– Я не настолько псих, чтобы вот так совать голову в петлю, – если честно, Сайлар был как раз настолько псих и сам это признавал. Но он пока не решил, что делать с запросом из Содраграски, а спорить с Кори не хотелось. Его чрезмерная опека и так достаточно

напрягала.

– Вот и хорошо, – взгляд Вожака потеплел. – Лар, а может...

Но тут их прервали.

В комнату ввалился средней комплекции немолодой мужчина – сам Эдгар, владелец фермы. И вид у него был несколько растерянный.

– Мистер Кори, там... в общем, вам лучше пройти в радиорубку. Срочный вызов – прямо из Общины Механиков...

Какие же дурацкие наклейки лепят операторы на пульт, столы и стены в центре связи! Хотя вот те две девицы вроде ничего так. И брюнетка у правого монитора. Зато у среднего вообще бред: какие-то разноцветные пони, летающий пучок макарон, грибы и надпись "Viva Адорния!". Кстате, откуда они вообще берут наклейки? Разве в Общинах кто-то освоил производство полиграфической дребедени?..

Рэтти сидел на полу, рассматривал дурацкие картинки, думал на дурацкие темы и старательно оттягивал момент, когда придется осознать наконец происходящее и хоть что-то сделать. Он чувствовал кровь. Она пропитала ткань футболки слева сбоку. Кажется, ее было много – он боялся посмотреть. Он хотел бы вообще не вспоминать, почему сидит тут и плачет. В него раньше никогда не стреляли, да что там – ему никогда еще не приходилось испытывать сильную физическую боль. Поэтому то, что произошло двадцать минут назад, основательно выбило из колеи главу Общины Железного Леса.

Все началось со стука в дверь. Рэтти как раз проводил утренние упражнения с самодельными гантелями, и, продолжая тягать одну из них вверх-вниз, пошел открывать. Его не посещали никакие предчувствия, инстинкт молчал даже в момент, когда, увидев на пороге странно улыбающегося Вэнса, начальника одного из цехов, он уловил краем глаза блеск металла.

Спасла Рэтти дверь, которую он не успел распахнуть до конца. Машинально отшатнувшись и дернув створку, он потерял равновесие и нечаянно ушел от удара ножа. Вэнс, чертыхнувшись, шагнул в комнату и замахнулся еще раз. За его плечом маячил здоровенный детина – один из рабочих, недавно принятых в Общину.

От второго удара совсем увернуться не удалось – лезвие пропороло футболку и чиркнуло по ребрам, но ошалевший Рэтти этого даже не заметил. Он неловко, зато быстро отмахнулся гантелей, но попал не в Вэнса, а в рванувшегося на подмогу рабочего. Тот взвыл, прижимая к груди пострадавшую руку. Рэтти отпрыгнул к стене, разрывая дистанцию. Его стремительно накрывало волной паники.

– Да не рыпайся ты, – ворчливо, как-то даже доброжелательно сказал ему Вэнс. – Тебе никто не поможет, все крыло в наших людях, камеры отключены, оператора из центра мы

выманили. Твой дружок Кори далеко... да и ему недолго осталось, хе-хе, – кивнув пришедшему в себя подельнику, он двинулся вперед.

Если бы Рэтти в эту минуту мог рассуждать рационально, он бы сообразил, что Вэнс блефует. Они, кто бы ни были эти "они", явно бросились убивать старину Янга второпях, словно возникло некое обстоятельство, вынудившее их действовать быстро. И этим обстоятельством, скорее всего, был приезд Кори. А раз они спешили, то явно не успели подготовить все как следует. Даже ложь; какой, к примеру, смысл отключать камеры и выманивать оператора, если "все крыло" занято сообщниками?..

Но Рэтти в этот момент думать рационально не мог вообще. Зато чутьем выловил из речи Вэнса кое-что: раз оператора "выманили", значит в центре связи, расположенном совсем недалеко от апартаментов главы Общины, никого нет. А там прочные стены и железная дверь...

Решившись, Рэтти замахнулся гантелей и что есть силы швырнул ее вперед. Не попал, но Вэнс и его подручный инстинктивно шарахнулись в стороны, и этого хватило Рэтти, чтоб проскочить между ними. Никогда в жизни он еще не бегал так быстро. В три прыжка добрался до двери центра связи, ввел код... и тут ему в спину выстрелили.

Вот так. Он сумел попасть внутрь и запереть дверь за собой, и теперь сидел в небольшом помещении на полу, истекая кровью.

Шум по ту сторону двери привлек его внимание. Рэтти посмотрел на нее безучастно. Вероятно, они хотят выкурить его отсюда. В Общине механиков, конечно же, есть чем разрезать железную дверь... и тогда песенка его спета. Рэтти сомневался, что здесь найдутся люди, готовые вступить за него. Те, кому он был симпатичен, представляли собой крайне мирный и пассивный тип человека, а у крутых парней Рэтти ни авторитетом, ни симпатией не пользовался. Да и будь у него друзья – как с ними связать...

Стоп.

Он заставил себя встать и, пошатываясь, перебраться в кресло оператора. Наклейки с пони и грибами радостно заплясали перед глазами. Он в центре связи, бля. Если его веселые друзья не перепортили все оборудование, отсюда он может связаться с кем угодно.

Например с Кори, который сейчас на ферме Эдгара. Совсем недалеко. Минут сорок езды, если гнать что есть мочи. Пока он думал эту мысль, пока вызывал ферму Эдгара и просил позвать главу Оазиса по срочному вызову от Общины Механиков, настроение стало истерично-радужным, а слезы на щеках высохли.

– Кори!! – рявкнул он в микрофон, едва услышав голос Шлюшьего короля. – Я, сука, кажется, кровью истек. А может, и нет. Просто больно.

– Ты пьян, – мрачно прозвучало в ответ.

– Нееет, – Рэтти был рад, что не пьян этим утром. Будь он пьян, не смог бы справиться с

теми двумя и добежать досюда. – Меня пытались убить. До сих пор пытаются! Я заперся в центре связи, они снаружи. В долбаной Общине нет никого, кто бы за меня вступился. А они вооружены. Я же говорю, в меня стреляли и попали! Все крыло в их людях. И они что-то говорили про тебя...

Он осекся и сглотнул. На секунду повисла тишина.

– Ясно, – Кори всегда соображал быстро. Голос его был чуть отрешенным, как будто Шлюший король что-то обдумывал.

– Что "ясно"? Ты приедешь? Сколько у тебя людей? Кори, я в душе не ведаю, сколько им понадобится, чтобы вскрыть дверь. И когда я откинусь!!! У меня, блин, кровь... блин, тут все в крови...

– Ничего личного, Рэтти, – вздохнул безликий голос. – Ты был хорошим товарищем.

Слова Кори перекрыл какой-то непонятный шум. Потом сквозь него прорвалось:

– Что за... Сайлар!!! – и связь прервалась.

Автоматические ворота Общины Механиков были распахнуты настежь. Зрачки камер – предмета гордости местных – смотрели подслеповато; какое-то шестое чувство подсказывало, что они не работают. За шлагбаумом виднелся наблюдательный пост. Пустой. Никого вокруг, никого поблизости...

Сайлар выпрыгнул из машины и, махнув шоферу, пошел к воротам не скрываясь. Его худшие опасения подтвердились. По пути до главного здания Общины он не встретил никого. В Железном Лесе либо все передрались между собой, либо кандидаты на роль новой власти переусердствовали с убиением свидетелей переворота и оставили Общину без защиты.

Лар больше верил во второй вариант. Он хорошо знал, что из себя представляет Община Механиков: сборище рукастых, толковых, фанатично любящих свои механизмы и не особо воинственных людей. Очень похоже на агрономов погибшего Спайка, очень. Потому они и выбрали Рэтти в своё время главой – лидер он был, прямо скажем, никакой, а вот технарь отменный.

Но даже в этом тихом омуте водилась всякая пакость – группировки особей с амбициями и зубами возникли тут давно. Предыдущим главой они вертели, как хотели, а с рыжим Рэтом не получилось – он был хоть и не боец, но ехидна еще та, не желавшая и не умевшая плясать под чужую дудку. Кори давно говорил, что его, вероятно, захотят убрать. Кори был прав. Вопрос в том, удастся эта затея или не удастся...

Сайлар вразвалочку поднялся по ступеням главного здания, двери которого оказались открыты. Он примерно знал, как дойти до центра связи, где заперся Рэтти; к тому же его

вел ставший слышимым уже от входа гул голосов. Рейнджер криво улыбнулся. Все оказалось еще занимательнее, чем он думал.

На лестничной клетке у дверей на административный этаж толпились жители Общины Железного Леса. Большая часть почему-то располагалась на верхних пролетах, небольшая группа – на самой площадке и ближайших к ней ступенях. Механики выглядели растерянными и насупленными, лишь небольшая группа из них, стоявших ближе всего к дверям, вид имела крайне сердитый.

В дверном проеме расположилась еще одна группа участников действия – коренастый мужик (если Сайлар правильно помнил – его звали Вэнс) из числа глав цехов и с ним еще человек восемь, включая, судя по экипировке, исчезнувших охранников ворот. Эти были вооружены. А что может быть хуже стайки вооруженных кретинов?

Разворачивающаяся сцена была достойна то ли притчи, то ли анекдота.

– Ты мне все-таки ответь, Вэнс, зачем вам мой резак? – вопрошала, уперев руки в бока, мрачного вида женщина в рабочем комбинезоне, стоявшая перед цеховиком. – Дверь в центре связи вскрыть? Достать Рэта? И что вы сделаете тогда – добьете его?

Толпа сверху лестницы напряженно замолкала при звуках ее голоса, а потом негромко и не очень решительно выражала одобрение.

– Рита, я уже говорил, – по глазам Вэнса было видно, как он хочет уебать тут всех, но пока сдерживается. – Мы сейчас отпустим по домам всю эту толпу, а потом спокойно все решим. Ты, я, Джум, другие главы цехов и все техлиды. Разберемся во всем. Объясняться при такой толпе бессмысленно и бесполезно.

По робкому молчанию людей Сайлар понял, что они, в общем, и не против ситуации, когда большие дяди и тети все решат по-взрослому. Но тут опять взяла слово Рита:

– Ты уже полчаса это мне говоришь, Вэнс, и мой ответ все еще – нет. Хочешь что-то сказать – говори в лицо всей Общине. А наедине с твоими ручными гориллами я в любом случае не останусь.

– Да ёбни ты эту суку в ебло, Вэнс! – потеряв терпение, рявкнул верзила с разбитым лицом. Собратья поддержали его гвалтом и полезли вперед, хватать Риту.

– Хватит! – Вэнс, шипя, метнулся наперерез и притормозил их. – А ну спокойно, идиоты!

Сайлар, по своему обычаю тихонько стоявший внизу и все еще никем не замеченный, прикинул про себя: толпа вела себя довольно вяло. Им бы рвануть вперед и скрутить этих боевых "горилл"... но страх перед оружием и общая растерянность, определенно, перевешивали все.

– Значит, так, – наведя порядок, Вэнс зло повернулся к Рите, так и не сдвинувшейся с места. – Женщины и дети отправляются по домам. Плазменный резак одна упрямая женщина отдает нам, и идет нянчить своих спиногрызов. Я найду того, кто управится с инструментом. Остальные тоже по домам, ну! – и для верности он пальнул в воздух из

пистолета.

Этот страшный звук произвел магическое действие на толпу. Если до этого ее настроения колебались, то сейчас люди осторожно начали спускаться вниз. Однако Рита не хотела сдаваться:

– К моему инструменту ни одна горилла не притронется, Вэнс, ясно? И ты пока еще не наш глава, чтоб тут командовать.

Уходящие люди притормозили. Задумались.

Вэнс сделал какой-то знак рукой.

Его подручные потянулись за оружием.

И тут Сайлару окончательно надоела роль пассивного наблюдателя.

– Эй, парни!

На его голос обернулись все. То ли вписался удачно в секундную тишину между криков, то ли интонации были такие... что просто ой. Развивая успех, Сайлар продемонстрировал собравшимся то, что держал в руке, а потом не менее демонстративно выдернул из этого "чего-то" чеку.

– Значит, так, – он сделал шаг вперед, вернее – вверх по лестнице, и толпа стремительно хлынула от него назад. – Сейчас вы пропустите меня к центру связи, – свободной рукой он отцепил с пояса еще одну гранату. – Выпустите Рэтти и дадите мне его забрать. Все ясно? – он стоял уже на той же площадке, где Вэнс и его люди. Общинников на ней уже не осталось, не ушла только Рита, очевидно встревоженная, но непоколебимая.

– Ты еще тут откуда и зачем тебе Рэтти? – спросила женщина, пока Вэнс и "гориллы" ошалело переводили взгляд с гранаты на Сайлара, с Сайлара на гранату.

– Я тут с фермы Эдгара, и Рэтти сам меня вызвал, когда эта шайка заперла его в центре. Рейнджеры нужны, чтоб помогать в тяжелой ситуации, верно?

– С-сайлар, – Вэнс с трудом произнес его имя, черт знает почему. – Это – внутреннее дело Общины. Рейнджеры сохраняют нейтралитет и не вмешиваются в разборки, разве нет? – голос его окреп и стал угрожающим.

– А я и не вмешиваюсь, – усмехнулся Лар. – Будем считать, что рекрут Рэтти Янг срочно завербовался в мой отряд. Я заберу своего человека и уеду, а вы можете дальше делить тут власть и плазменные резак. Давай, верзила, соображай быстрее. То, что я предлагаю, выгодно всем.

Вэнс соображал, но как-то туговато. Отпустить Рэтти значило частично избавиться от проблем, которые эти горе-заговорщики организовали себе, превратив тайное убийство в общественную склоку. Но Сайлару он явно не доверял. Рэтти оставался законным главой

Общины, пусть законы и действовали на Равнине очень условно. Отпустить его живым к союзникам значило допустить скорый визит вооруженного подкрепления...

– Не думаю, что это хорошая идея, – наконец-то рубанул Вэнс.

– Хочешь, чтоб я прошел через вашу компашку, жонглируя гранатами? – нехорошо усмехнулся Сайлар.

– Ты блефуешь, парень. Тебе самого уебет к чертям, ты же не псих, чтоб такое сделать.

– Это я-то, – Лару стало весело, – я-то не псих?

Видимо, было что-то такое в его глазах, что заставило Вэнса отступить.

Они разошлись и пропустили его к двери на этаж. Он чувствовал восемь горящих яростью и настороженностью взглядов (так, один подручный Вэнса куда-то убежал, куда?), и еще один, спокойный, но внимательный – Риты, она так и не ушла и двинулась за ними следом. Сайлар шел по коридору, размышляя, рискнут ли эти ребята чуть отстать и потом начать стрелять? Насколько их трусоватых шкурок вообще хватит?

Но шкурки оказались действительно трусоватые, а еще растерявшиеся: одно дело – пугать безоружных работяг, и другое – столкнуться с вооруженным до зубов и немножко психованным рейнджером. К тому же они не знали, сколько людей он привел с собой (на самом деле – несколько, водителя разве что, но Джеку было сказано не отходить от машины) и где сейчас эти люди. Вэнс нервничал, его люди лихорадочно озирались. Сайлар делал вид, что ему все равно.

Добравшись до нужной двери, он нашел панельку вызова и нажал на кнопку громкой связи.

– Рэтти! Рэтти, мать твою, открывай! Это Сайлар!

Интересно, рыжий там еще жив вообще?

Он оказался жив, хотя открыл далеко не сразу. Лар бегло оценил повреждения: бледен, шатается, футболка с одного бока пропиталась кровью, но вроде не помирает. Рэтти ошалело озирает собравшуюся компанию. Рита при виде крови нахмурилась.

– Значит так, – заявил Сайлар. – Ты едешь со мной. Эти ребята будут так любезны проводить нас до машины. Рита, вы тут справитесь? – он повернулся к женщине. Как бы не пришлось и ее спасти очень скоро...

– А то, – спокойно ответила она, хитро кося на Лара взглядом. – Устроим досрочные выборы главы. Предыдущий не может исполнять обязанности по состоянию здоровья, верно, Рэт?

– В-верно, – глаза у того бегали. С гранаты на Сайлара, с Сайлара на гранату.

Пора было заканчивать цирк.

- Мы уходим, – с нажимом произнес Сайлар, поворачиваясь и заглядывая в глаза Вэнса.
- Освободи дорогу, иначе мы с тобой станем одним общим куском фарша.

Тот посторонился.

Они без проблем спустились по лестнице и даже вышли во двор, и тут их догнал злобный окрик с лестницы:

- Ты думаешь, Шлюший король, у которого вы оба отсасываете, вас защитит, голубки? Погодите, его и самого скоро ждет сюрприз!

Сайлар не обернулся.

...У машины их ждал нервничающий Джек, и еще компания неизвестно откуда нарисовавшихся рейнджеров.

- Так, – мрачно произнес Сайлар, – не понял. Я кому велел оставаться на ферме?

– Не злись, командир! – двое уже подхватили под руки Рэтти. – Не могли же мы все веселье тебе оставить.

– Сайлар! – в его плечо вцепилась рука. Рэтти отчаянно не хотел давать парням себя увести. – Й... й... я-а... умру, да?

– Нет, идиот, – пришлось самому тащить его к машине. – Ты на своих двоих сюда дошел, а до этого час просидел взаперти. Если б подышал – подход бы уже давно.

Они погрузились внутрь, и Джек спешно стартанул с места.

– Как вы сюда добрались-то? – между тем спросил Сайлар.

– А Кори добросил. Он с орлами и машинами тут, в километре примерно – сидят ждут сигнала, типа экстренное подкрепление.

– Ясно, – Сайлар знал, что Кори будет возражать против его сумасшедшей "спасательной миссии", потому и сорвался с фермы мгновенно, еще по ходу сеанса связи с Рэтом. Кстати о Рэте...

– Что он там? – спросил Лар у Шьеми, своего походного врача.

– Порез и пуля чиркнула по боку. Рыжим везет, – пожала плечами та, заканчивая перевязку.

– Лучше бы ему в чем другом везло, – фыркнул кто-то. Тут Сайлар наконец обратил внимание, что притихший Рэтти смотрит на него совершенно квадратными глазами.

– Лар, – сказал он. – А может, ты гранату... того?

И тут от смеха сложилась вся машина.

Сайлар тоже не удержался и фыркнул.

– Шьем, лови! – и кинул злополучный объект товарке. Та поймала в воздухе и сердечно поблагодарила.

– Кому еще одну? – под гогот команды осведомился Лар, наблюдая, как Рэт тихо косеет от происходящего. – А вот фиг вам, сам употреблю!

Рейнджеры продолжали ржать.

Подождав немного, Сайлар все же сжалился, подсел к Рэту и тихо произнес:

– Там, вообще-то, медведики внутри. Конфеты или витаминки... – он вскрыл "гранату" и вытряс несколько разноцветных мишек на руку. – Одним словом – контрабандная сладость из Городов в такой вот оригинальной упаковке. Boom Bears называется, нам этого добра караванщики за одну услугу целый ящик подогнали. Я ребятам все сжирать не разрешил, как знал, что пригодится. И ведь эти идиоты поверили!

– Ааа ыыы, – простонал Рэтти. – Все поверили!

– На твое счастье. Хорошо, – Сайлар улыбнулся ярко и как-то совсем необычно для себя, – хорошо иметь славу конченого психа...

Примерно в километре от ворот Общины Механиков откуда-то сбоку, из-за торосов ржавых автомобилей, вынырнули две машины Оазиса и покатались следом. "Почетный эскорт", – мрачновато подумал Лар, предчувствовавший нелегкий разговор с Кори. Маленький караван катил себе по дороге под безоблачным светло-голубым небом. Ребята негромко переговаривались, Рэтти, выпросивший себе у кого-то фляжку с крепким спиртным, "успокоился" им, свернулся калачиком и уснул. Сайлар перебрался на переднее сидение рядом с Джеком, закинул руки за голову и задумался, глядя на бегущую им под колеса дорогу.

На душе, несмотря на удачный исход вылазки, было гадко и беспокойно. Его выводила из равновесия жестокость и беспечность людей, грызшихся за власть в такое тяжелое время. Он переживал за смелую женщину Риту и всю Общину Железного Леса – с таким руководством, как Вэнс и его банда, поселение либо погибнет, либо превратится в местечко хуже тюрьмы. Как же хотелось вернуться туда и разложить все по полочкам... черт. Все так сложно теперь, и играть по придуманным когда-то для самого себя правилам становится все труднее.

"Не отказываем в помощи, не участвуем в ссорах, не вмешиваемся во внутренние дела Общин" – три главных принципа рейнджеров. Эти правила, как и сам отряд, родились в первые годы заселения Равнины. Еще не был сформирован Совет, Общины не очень ладили между собой ("сейчас" по сравнению с "тогда" – просто эпоха мира и благоденствия), сосед косо смотрел на соседа, и этим пользовались многочисленные банды отморожков. Как всякий умный хищник, они устраивали себе гнездо на территории одной из Общин, а грабить ходили другие. Возмездие, таким образом, редко их находило – вторгнуться на территорию чужой Общины с оружием в руках значило вызвать подозрение и враждебность соседа, и докажи еще, что просто ищешь притесняющих тебя бандитов.

Слушая пересуды об этом, натываясь тут и там на остовы сгоревших малых ферм, Сайлар думал о том, как же нужна здесь и сейчас "третья сила", нейтральная группа, не относящаяся ни к какой Общине и имеющая возможность свободно перемещаться по всей Равнине. Это было время, когда он, по привычке продолжая называть Кори Вожаком, уже знал, что уйдет из Стаи. Что-то выгорело там, внутри, что-то было присыпано желтой пылью Равнины, и он видел только один способ переступить через занявший половину души кратер: идти дальше. Прочь.

И он ушел, собрав вокруг себя группу таких же битых жизнью одиночек, которым нечего было терять. В те годы на Равнине немало было людей такого сорта. Им пришлось нелегко: объявив сами себя неофициальной службой спасения, готовой помогать каждому более или менее честному поселенцу, они, конечно, не получили автоматом всеобщее доверие. Потребовалось много наглости, блефа и напора, чтобы о них заговорили, начали узнавать и даже иногда не палить сразу без предупреждения.

Мало-помалу об отряде все же пошла слава, прираставшая с каждой успешной вылазкой. Первыми их приняли вольные фермы: им очень не хватало защиты, люди нередко готовы были ухватиться и за соломинку. Потом подтянулись Общины... За годы своей "службы" Сайлар успел сколотить отличную команду и исколесить Равнину вдоль и поперек, побывать чуть ли не в каждом человеческом поселении, кроме самых закрытых (и кроме вотчины одного людоеда, да...). Странная это была жизнь. Особенно странная для того, кто, несмотря на трущобное происхождение, еще никогда не убивал людей. Как ни крути, а основной работой рейнджеров было отслеживание и зачистка тех, кто не желал вписываться в общество Равнины. Тюрем-то здесь никто не держал...

И вот теперь этот выстрадавший, пестовавшийся годами нейтралитет рейнджеров оказался под угрозой. Уже спасение жизни Рэтти было поступком на самой грани. И Сайлар не знал, на сколько хватит его терпения. Что если от Механиков придет запрос: мы в беде, рейнджеры, помогите справиться с захватившей власть в Общине бандой? Удержится ли он тогда? Или плюнет на все, соберет ребят и устроит Вэнсу с компанией показательные стрельбы? Где же, черт возьми, эта грань, после которой поступок "по совести" становится самоубийством?

– Командир, приехали! – вторгся в его мысли голос Джека. – В этой развалине собирались остановиться?

– Ага, – Сайлар вздохнул. Машины по одной заползали в удобный остов большого здания,

примеченный для отдыха. Нужно было заняться подготовкой привала и ужина.

Но он успел только отдать основные распоряжения и отволочь в уголок проснувшегося Рэтти, и тут рядом молчаливой мрачной тенью возник Кори.

– Надо поговорить.

– Кори! – пьяно-радостно заявил Рэтти, порываясь вскочить с лежанки, которую для него соорудили. – Я тебе тоже хочу кое-что сказать! Ты МУДАК!

Шлюший король только поморщился.

– Отойдем?

– Не надо.

– Отлично. Тогда скажи мне, где, черт возьми, ты растерял свои мозги?! Полесть туда уже было глупостью, а уж полесть в одиночку...

– Ну он типа спас мне жизнь, – ввернул Рэтти.

– Я рейнджер, – пожал плечами Сайлар. – Я отвечаю на просьбы о помощи.

– Лар, не выводите меня из себя. Ты пробовал хоть когда-нибудь просчитывать последствия своих действий или нет?! Тебя нельзя влезать во внутренние дела общин – это раз. А два - ты не догадался, что покушение на Рэтти и то, что случилось с Пятой Стяжкой, может быть связано? Кто-то взялся убирать дружественных мне и Ролану глав Общин. На Рэтти напали в день моего предполагаемого приезда. А значит, в Железном Лесе могла ждать засада!

– Я, если честно, и рассчитывал на засаду, – пожал плечами Сайлар. – Потому и пошел один. Никто бы не пострадал, кроме меня.

– И меня, – зло бросил Кори, – когда пришлось бы тебя выручать.

– Так не нужно меня выручать, Вожак, – Сайлар тоже терял терпение. – Я давно не младенец, Кори, и даже не член Стаи. Я знаю, чем рискую, и готов сам отвечать за последствия. Но ты все пытаешься меня опекать, как мальчика-голодранца из фавел. И хочешь, чтобы я действовал с оглядкой на твои родительские, блин, чувства?

– "Родительские"? Сайлар, ты же знаешь, знаешь, что чувствую я к тебе совсем не это.

– Знаю. А ты знаешь, что я чувствую к тебе. Вернее – чего не чувствую.

Кори дернулся.

– "Зачем портить другу жизнь такой хуйней, как отношения", да?.. Но для Шайни ты сделал исключение.

– Для Шайни – да.

– Шесть лет прошло, Лар. Может, пора похоронить своих мертвецов?

– А это уже не твое дело.

В глазах рейнджера промелькнуло что-то такое, что заставило Кори отступить.

– Как знаешь. Бывай, Лар!

Он развернулся и пошел к своим людям.

Просветление в рыжей голове Рэтти Янга наступило только к вечеру следующего дня, когда они добрались до базы рейнджеров. Он осознал три вещи.

Во-первых, он выжил.

Во-вторых, перестал быть главой Общины. Ну и слава яйцам! Страх и морока – вот и все, чем для него была эта должность.

В-третьих, на его глазах Сайлар, любовь всей жизни Шлюшьего короля, отшил последнего окончательно. Вот так, блин, поворот. Не знаешь, что и думать.

Но все это были слишком сложные мысли, а Рэту хотелось просто поваляться, поболеть и пожалеть себя. Благо его особо не тербили: выделили уголок с мягкой кроватью, еду, питье и какое-никакое медицинское обслуживание.

Безделье заняло его примерно на сутки, из которых он, может, минуток восемь посвятил мысли "хм, как там моя Община, жалко-то ребят что там остались", а все остальное время – наслаждению праздностью. Однако "ужасные раны" его оказались не так уж ужасны, а скопившаяся энергия просилась в дело. Так что к вечеру второго дня на базе Рэт выбрался из постели и пошел причинять добро и искать справедливость.

Для начала он решил найти Сайлара. Честная натура Янга требовала как-то отблагодарить человека за своевременное спасение. Ну и уточнить свой нынешний статус не мешало.

В здании, где гнездились рейнджеры, было три этажа, а на плоской крыше возвели еще одно сооружение – "форт", как они его называли. Сайлар обнаружился именно там: в небольшой и довольно уютной комнатке, служившей чем-то вроде штаба и комнаты отдыха. Он общался о чем-то с двумя своими связистами, невнятным мужиком и весьма симпатичной девушкой. Но Рэту разрешили зайти, присесть рядом и даже хлебнуть из общей фляги. Рейнджеры продолжили разговор, а рыжий между тем их украдкой разглядывал. Особенно девчонку (потому что она была ням) и Сайлара (потому что было

любопытно).

Рэтти думал о том, что не особо хорошо знает этого мрачного парня, спасшего ему жизнь. Сайлар был заметной фигурой на Равнине, особенно среди вольных фермеров, у которых отряд рейнджеров пользовался особым расположением. Его знали как опытного бойца, человека принципа, но отчаянного и резкого. У него было много недоброжелателей, мало друзей, некоторое количество поклонников и поклонниц и один мертвый возлюбленный в анамнезе. От Роба и Линты, тоже членов Стаи, какое-то время живших в Общине Механиков, Рэтти знал историю детства Сайлара и его запутанных отношений с их Вожаком.

Но он никогда особо не думал об этом. Каково это – в двадцатник потерять любовь так ужасно и трагично? А всю жизнь ждать, пока один конкретный человек обратит на тебя внимание, да так и не дожидаться? Вот же, блин, у людей судьбы... Рэтти, романтичный по натуре, но никогда даже и не влюблявшийся всерьез, от всего этого слегка офигевал.

Меж тем, связисты кончили тратить время командира и ушли в рабочее помещение за стеночку. Рэт принялся за дело: энергично выразил Сайлару благодарность за спасение драгоценного себя и осторожно поинтересовался, какой предводителю рейнджеров видится его дальнейшая судьба. И получил в ответ короткое "Отрабатывать будешь" (э!) и длинный список того, что полезного мог бы сделать для базы технический специалист вроде него (ы!). Приуныв, но смирившись, Рэтти решил перед уходом еще покормить свое разыгравшееся любопытство.

– Сайлар...

– Да? – рейнджер говорил негромко, да и выглядел довольно уставшим.

– Ну это типа не мое дело и все такое... Но понимаешь, ты мне жизнь спас, и я б хотел хоть чем-то отблагодарить. Так вот... спросить хочу... а ты совсем-совсем не думал над словами Кори?

Похоже, ему удалось здорово удивить Сайлара, тот уставился на рыжего во все глаза.

– Над какими? В каком смысле?

– Понимаешь, – удивляясь, чего это его потянуло защищать Шлюшьего короля, заговорил Рэтти, – он, конечно, орал на тебя и глупцом называл, но на самом деле, переводя на человеческий, это он говорил: "Я люблю тебя, будь со мной".

– ...

– Сайлар?

– С чего ты это взял?

– Что?

– С чего ты взял, что Кори любит меня? Потому что он сам так говорит?

Рэтти немного замкнуло.

Сайлар вздохнул и поудобнее устроился на низком самодельном диванчике, глядя куда-то перед собой.

– Я знаю Кори сколько себя помню. Он с детства меня защищал и оберегал, и это, пожалуй, действительно самое искреннее чувство привязанности, какое было в его жизни. Настолько, что он и сам может думать, что это любовь. Но это не она.

– А что?

– Желание быть кому-то необходимым, – сухо произнес Сайлар. – Желание знать, что кто-то без тебя не может. Знаешь, я младше Кори. И никогда не буду таким умным, как он. Но кое в чем я разбираюсь лучше, и это – отношения между людьми. И если б меня спросили, что такое любовь... я сказал бы, что это когда тебе отдают ключи от машины, не спрашивая, умеешь ли ты водить.

Рэтти моргнул раз, другой, потом поднял руки вверх.

– Передышка. Это слишком сложно для моего маленького мозга. – Потом помолчал, и все же добавил: – Лар. Я, может, не разбираюсь в этом так же, как ты, но я кое-что другое знаю. Люди меняются. Ты злишься на Кори за то, что он видит тебя как раньше, ребенком. Но, может, ты тоже видишь его таким, как привык? Я сейчас заткнусь и отстану от тебя, но послушай: подумай над этим. Просто подумай. Как мой печальный опыт показывает, жизнь наша весьма непредсказуема и сдохнуть можно просто в любой момент. Не лучше ли взять у нее немного счастья, пока предлагает? Сайлар. Ты типа тоже можешь быть счастлив. Если захочешь.

Рэт от себя такого красноречия не ожидал, и, кажется, даже рейнджера таки проняло. Ну, чуть-чуть. По крайней мере он встал и пожал Рэтти руку:

– Ладно. До встречи, рыжий.

И бывший главный механик Равнины ушел спать, довольный.

Спал он крепко, как никогда за последние два года. Но перед самым рассветом суета и грохот открывающихся ворот прорвались в его сон, заставив беспокойно ворочаться с боку на бок. Потом все стихло.

В полдень его разбудили и притащили на общую кормежку. И тут-то стало кое-что понятно: Сайлара на базе не было.

– Это куда он делся? – изумился Рэт, сидя за длинным столом и уминая грибную кашу с ценной сушеной зеленью.

– Сорвался с места ни свет ни заря и уехал, – отозвалась Шьем, давешняя докторка. – С

ним бывает.

– В Оазис уехал? – посветлев лицом, спросил Рэтти. Воображение уже рисовало ему картину, как Сайлар, впечатленный вчерашним разговором, принимает Решение и бросается навстречу к Кори. Приезжает такой, они обнимаются... или хрен знает, как заведено у гомиков – может, сначала орут друг на друга, потом прыгают в койку? И Рэтти Янг, неожиданно, оказывается в роли воссоединителя влюбленных...

Однако мрачное и чуть недоуменное выражение лица Шьем как-то не сочеталось с разыгравшейся фантазией рыжего.

– Да нет, в какой еще Оазис! Он поехал не туда.

– А куда? – пискнул Рэтти, предчувствуя недоброе.

...К сожалению, Рэтти Янг недостаточно хорошо знал Сайлара, чтоб вести с ним задушевные разговоры. Лар и так находился на пределе последние дни, и каждое новое событие – вылазка в Железный лес, спасение Рэта, ссора с Кори и вот теперь этот разговор – только подливали масла в огонь, заставляя совершить выбор, который он делать не мог и не хотел. Разрываемый надвое болью и гордостью, Сайлар поступил именно так, как поступал всегда в неразрешимой ситуации. Сотворил нечто крайне сумасбродное.

– В Содраграску, – вздохнула Шьем. – Он поехал в Содраграску.

Wolfs and Hounds

If I could be anywhere else, you know,
I would be anywhere else than here.
If I could be anyone else right now –
I would be anyone else but me.

With you I just can't hide.
You always seem to get right back inside.
I just wanna go back home,
But now it's gone,
We're trapped here all alone.

I tell myself: "This can't be happening again!"

Theory of a Deadman, "Careless"

В предрассветных сумерках Джиллин закончила проверять посты, перекинулась парой слов со сменщиком и двинулась по тихим улочкам Граски. Воздух был свеж, как после дождя, полумрак скрадывал силуэты разномастных строений, и непривычная тишина окутывала все кругом.

Джил любила одиночество и ночные прогулки, но сейчас все же спешила домой. Здание, где свили гнездышко они с Драки, окнами выходило на главную площадь и штаб, так что девушке предстояло пересечь пол-Общины. Джил поправила свою длинную безрукавку, порылась в ее бесчисленных карманах и, добыв утренний паек – грибной батончик и банку сыворотки, – улыбнулась и зашагала увереннее.

...Было время, когда она думала, что никогда больше не будет улыбаться.

Джиллин было почти шестнадцать, когда случилось Бегство из Городов, и семнадцать, когда от рук Саранчи погибли ее отец, мать и двое младших братьев. Год между двумя этими датами был самым счастливым в ее жизни. Год, который они прожили в Скайглэйве.

Как и почти все крупные Общины, малая родина Джил возникла не на пустом месте. Но если Доктрина родилась из старой, законсервированной еще до Первого Падения военной базы, а Железный лес – из автоматического мусороперерабатывающего завода с армией ботов, то Скайглэйв произрос из старого шахтерского городка. Невысокий кряж, пересекающий Равнину, был богат полезными ископаемыми. Основные работы по их добыче выполняли боты, но им требовался присмотр специалистов, поэтому в Скайглэйв периодически отправлялись команды экстремальных инженеров и шахтеров. Это была особая порода людей – профессиональных, испытанных, сплоченных. Так же сплоченно они в какой-то момент решили, что в Городах все очень неладно и нужно готовить запасной аэродром для себя и своих семей на случай беды. Скайглэйв начал потихоньку отстраиваться и готовиться принять переселенцев задолго до того, как

плохо держащееся на волнах судно человеческой цивилизации дало очередную течь. Отец Джилин был старшим инженером одной из пяти шахт этого места. Когда все началось, он и его семья в числе первых покинули Город и отправились в новый, неизведанный мир Равнины.

Который оказался не неприветливым, а очень даже гостеприимным. Здесь над головой сияло настоящее небо, а уютные дома на склонах холмов дарили защиту от буйств природы. Стройные силуэты ветряков выростали тут и там, и их лопасти-лезвия, в честь которых город и получил название, мерно взрезали воздух. Внизу к холмам жались блестящие купола гидропонных теплиц и чаши грибных ферм, перевитые аккуратными дорожками. Все это освещали настоящие электрические фонари, делавшие передвижение по городу приятным даже в ночное время. В памяти и снах Джил эти огни и сейчас сияли прекрасным миражем, тенью детства, которое ушло безвозвратно.

Скайглэйв стал первой Общиной Равнины и ее неофициальной столицей. Это было мирное и благополучное поселение... И одним из проявлений этой благодати являлось довольно терпимое (относительно всего остального мира) отношение к мутантам. Их не то что не убивали без разбора, а даже и не запрещали появляться в черте города. Некоторые мутанты – наиболее здоровые, сильные и, главное, социализированные, – даже получали какую-никакую работенку от местных. Был среди них один особо примечательный, получивший от местных прозвище Следопыт.

Джилин не то чтобы знала его хорошо или обращала какое-то особое внимание. Следопыт, как следует из его имени, был проводником для идущих через пустыни караванов, а еще выполнял разные поручения шерифов – в основном опасные поручения, на которые полноценного человека отправить было жалко. Выслеживал беглых преступников в окрестностях Красного Пояса, например. Уже тогда ходили слухи о его каннибальских замашках – якобы как-то послали его с парой головорезов по следам счетовода, порешившего сына хозяина фабрики из-за шлюхи; в итоге ни счетовода, ни тех головорезов никто больше не видел, зато Следопыта якобы видели жующим жаркое из человеческой руки. Но толки эти оставались просто толками, и скорее всего не были правдивы – Джилин точно знала, что ее отец и другие шерифы не подпустили бы людоеда-убийцу близко к городу.

...Скайглэйв, дивный город ее снов, просуществовал всего лишь год. А потом был смыт волной насилия и смерти.

Не все люди, покинувшие Города, рискнули отправиться вглубь неизведанной Равнины и поселиться вблизи пугающих Черного и Красного поясов. Многие предпочли уютиться поближе к бывшему жилищу и наносить туда недружественные визиты за продовольствием и ресурсами. В конце концов властям Городов (власти углового Города, если уж быть точным) это надоело, и окрестности стали методично и беспощадно зачищаться. Из массы "падальщиков", сорванных зачистками с мест, сформировалась Саранча – большой отряд вооруженного сброда, настроенного добывать себе пропитание грабежом. И молодые Общины Равнины показались им подходящей добычей.

В день своего семнадцатилетия Джилин тайком улизнула из дома, несмотря на запрет

отца – шерифам, конечно, донесли о том, что в окрестностях Скайглэйва замечены группки подозрительных людей, и они просили жителей не покидать городскую черту. На окраинах выставили отряды дозорных, мимо которых Джил проскользнула не без труда. Но какая девчонка будет слушать старших в такой день? Отец уже вручил ей подарок, вызвавший неодобрение матери: выдавшую виды, но надежную малышку-беретту. Оружие на Равнине стоило очень дорого, это был бесценный подарок, и Джил намеревалась его опробовать где-то в уединенном месте. Двинувшись по знакомой дороге вдоль кряжа, она успела уйти очень далеко, прежде чем заметила, что за спиной занимается зарево пожара.

К моменту, как Джил добралась назад, Скайглэйва уже почти не существовало. Саранча заняла город, быстро добывая немногих оставшихся защитников и жителей. Дом их семьи стоял на холме ближе к краю поселения, и Джил смогла добежать до него незамеченной. Она увидела разбитое окно детской, где спали братики, передник матери, свисающий с перил крыльца, и группу из незнакомых мужчин в обносках, человек десять, не меньше. Они сновали туда-сюда, вынося из дома все ценное.

– Бабу-то зачем пристрелили?! – донесся до нее голос. – Тупиицы, ебать-то теперь кого?

Джил посмотрела на свои руки. На свой пистолет. На грабящую ее дом Саранчу. И...

– Не советую, – проскрежетал над ухом жутковатый голос. Она вздрогнула и стремительно обернулась. Над ней возвышался мутант Следопыт.

Он подошел совершенно бесшумно, и первым побуждением девушки было пальнуть в чужака. Но что-то ее остановило. Его расслабленная поза и спокойный голос, может быть. И еще то, что он не ударил в спину, хотя мог бы.

– Там ты уже никому не поможешь, – жестко сказал мутант. – И отомстить не сможешь толком. А у меня тут трое малявок и пожилая леди. Имея огневое прикрытие и еще одну пару зорких глаз, я смогу их вывести куда-то в более, кх-кх, безопасное место. Будешь моим прикрытием и дополнительной парой глаз?

Джил опустила пистолет. Медленно посмотрела назад. Она хотела запомнить лица убийц своей семьи. Потом повернулась к мутанту и просто сказала:

– Да.

И они пошли прочь оттуда. Вместе.

Следопыт не соврал – он занимался тем, что находил группки людей, бежавших из Скайглэйва, и помогал им добраться до ближайших укрепленных ранчо и ферм. Было, однако, понятно, что эти укрепления Саранчу не остановят. Закончив грабить город, они двинутся дальше.

Джил смутно помнила эти несколько дней. Она стала чем-то вроде зомби. Вместе со Следопытом и другими его помощниками они совершили десятки рейдов по Равнине,

выискивая и собирая уцелевших. Больше всего людей собралось на Ранчо Дэвида, располагавшемся дальше по кряжу, рядом с еще одним блоком шахт, где надеялись укрыться в случае чего. Туда стекались беженцы, там находились выжившие шерифы и несколько быстро избранных новых.

И никто из них не знал, что делать.

Джил ощущала это очень явно – даже в том "механическом" состоянии, в каком находилась. Шерифы Скайглэйва были хорошими, надежными людьми. Даже в такой критической ситуации они не растерялись, смогли быстро разместить людей, найти им продовольствие и воду, оказать медицинскую помощь. Но никто из них не имел дела с огромными бандами вооруженных отморожков. Все, что они хотели сделать, – устроить убежища в шахтах, запереться там и ждать.

– Один хороший взрыв – и мы все получим примерно месяц незабываемого опыта подыхания в подземелье наедине с темнотой, – философски заметил Следопыт, прогулявшись вдоль входа в шахты. А потом, не говоря никому не слова, пошел в сторону центра ранчо.

За ним двинулась вся команда его добровольных помощников.

Джил шла со всеми и замечала кое-что. На большой площадке у главного дома было много людей, и шерифы руководили раздачей продовольствия. Высокая костлявая фигура мутанта стремительно двигалась сквозь толпу. И люди напряженно смотрели ей вслед. Все. И почти все – без страха.

За эти дни что-то успело поменяться. Почти из каждого рейда Следопыт и его люди приводили спасенных людей. Его фигура в головах бывших жителей Скайглэйва все больше связывалась с надеждой. Быть может, в этот раз?.. Быть может, кто-то спасся, и это будет друг, любимый или ребенок?

Надежда. А еще – сила. Вот так.

Мутант остановился перед шерифами и, словно продолжая начатый ранее разговор, произнес:

– Если не сделать ничего сейчас, все умрут.

– Сделать что?! – выкрикнул кто-то. Один из шерифов поднял руку, намереваясь прогнать мутанта или попросить его отойти в сторону и переговорить там.

– Заняться инсектоцидом, – ухмыльнулся мутант. – Это стоило сделать в первый-второй день после всего, пока эта Саранча была занята грабежом, упивалась краденным алкоголем и насилвала пойманных женщин. Они не ждали нападения. Думается мне, не ждут до сих пор. Но очень скоро они пресытятся и захотят добавки. Пойду грабить оставшиеся фермы и ранчо. Никакие убежища в шахтах, никакая вялая оборона их не остановят. Неожиданная атака – может.

– Ты с ума сошел, – бледный, усталый шериф Герман решил все же заговорить с мутантом. – Мы не смогли даже отстоять Скайглэйв. А теперь, когда мужчин, способных держать оружие, почти не осталось, ты хочешь, чтоб мы сами напали на них?!

– Если оружие не могут держать мужчины – дайте его женщинам, – фыркнул мутант. – Детям дайте, от них иногда больше толку, чем от больших трусливых взрослых. Слушай меня сюда, шериф, и вы все тоже слушайте: Скайглэйв Саранча взяла не потому, что так сильна. А потому, что пришла неожиданно, и ночью, и была толпой отморозков, которым нечего терять. Теперь те, кому нечего терять, – это мы. И мы тоже можем прийти ночью. Я все сказал.

Он махнул когтистой лапой, так же спокойно отвернулся и пошел прочь.

Джил двинулась следом. Вся их команда тоже. Их настигал гул голосов. Люди с площади один за одним срывались с места и спешили догнать уходящих. Это был момент, когда власть ушла из одних рук и попала в другие. В жутковатые покрытые чешуей лапы мутанта, которого уже очень скоро будут называть Варлоком.

Разумеется, все произошло не сразу и не вдруг, но перелом случился именно тогда. Скайглэйв был разрушен, хотя стены его еще стояли, и Содраграска росла из его руин – хотя еще и первый камень не лег в ее фундамент. Они ушли с ранчо тем же днем – не очень большой, но сплоченной и полной решимости группой. Их было с полсотни – в основном сирот и одиночек, потерявших близких во время резни, устроенной Саранчой. И все очень хотели отомстить. Любой ценой. Любой ценой.

Варлок изменил первоначальному плану. Для неожиданного массового нападения на Саранчу не хватало людей, а на сбор сил не было времени. Они кружили вокруг своего бывшего города и наблюдали за захватчиками, пировавшими в домах жертв. Саранча, конечно, выставляла какие-то караулы, но мутант оказался прав – они не ждали нападения. И тем более не могли обнаружить отряд из хорошо знавших округу местных, возглавляемых опытным следопытом.

На вторые сутки поздно ночью Варлок вернулся из разведки, отобрал из своего отряда двенадцать человек (включая Джил), остальным велел ждать и быть наготове. Они спустились с холмов и в темноте (почему-то первое, что сделала Саранча в захваченном городе, – побила или отключила фонари) двинулись к району теплиц. Одна из них оказалась освещена изнутри отблесками костра (!), оттуда доносились громкие пьяные голоса и шум.

– Празднуют, – прошелестел голос мутанта. – Пятеро с заднего входа, остальные со мной. Дозорных снимаем ножами, внутри по возможности тоже без стрельбы. Пошли!

Джил предстояло впервые убить человека. Но это оказалось неожиданно легко – лицо караульного, возникшее перед ней, вдруг исчезло, и появилось лицо человека, зло оравшего на грабивших ее дом уродов, что они пристрелили женщину – ее мать! – и теперь некого трахать. И нож сам прыгнул в руку и вошел в чужое тело как по маслу.

Они ворвались внутрь и увидели пирушку, устроенную посреди теплицы. Гидропонная

система была выведена из строя, часть ферм с растениями перевернуты, а посреди в круге железяк горел костер на химическом топливе. Вокруг расположилась компания из дюжины мужчин, с ними были несколько женщин Скайглэйва, знакомых Джил, и вид последних был ужасен.

Но долго думать над этим не пришлось. Мутант метнулся вперед огромной хищной тенью, его люди не отставали. Первые трое убитых захватчиков не успели даже встать, с остальными разделались быстро, зарубив на месте или обезоружив. И вновь Джиллин видела перед собой не настоящие их лица – а те, что так глубоко врезались в память.

Хлопоты доставил только один крупный бородатый мужчина, успевший вскочить и выставить между собой и нападавшими одну из женщин (Мэйв – вспомнила Джил ее имя).

– Отпусти по-хорошему, – проскрежетал голос Варлока.

Мужчина что-то злое бросил в ответ, но мутант даже не дослушал. Неуловимо быстрым движением он зашел сбоку и пропорол бок бандита своим тесаком. Потом левой рукой цапнул за шею и оттащил от женщины, швырнул прямо в костер и рубанул еще разок для верности. Мужчина захрипел и затих, одежда на нем занялась, и нестерпимо запахло паленой синтетикой, а потом и подгоревшим мясом.

Бой заканчивался. Соратники Джил быстро связали четверых оставшихся в живых захватчиков, но мутант не спешил ни приказать добить их, ни уйти из этого места. Он вышел вперед перед строем своих и не спеша размотал прятавшую лицо тряпицу, чего на памяти Джил никогда не делал.

– Знакомьтесь, ребята, – проскрежетал он, пиная наполовину лежащий в костре труп. – Этого парня звали Боб, и, судя по тому, что я успел подслушать, он один из командиров этого сброда.

Новость была встречена гробовым молчанием.

Варлок посмотрел на четверых связанных пленников, потом опять перевел взгляд на труп.

– Ты был при жизни изрядным дерьмом, Боб. И будет справедливо, если после смерти ты станешь им же.

Он наклонился и подцепил когтями кусочек обуглившейся плоти, запустил в рот и не торопясь разжевал.

По кучке пленников прошла дрожь, один из них точно принялся бы орать, если бы не кляп. Что-то в духе "Срань господня, он же его жрет!". Но Джил заметила кое-что – из пяти женщин Скайглэйва, вырванных из рук бандитов, ни одна не отвернулась при виде страшной трапезы. А Мэйв так и вовсе смотрела во все глаза.

Варлок наклонился опять, отделяя еще кусок мяса, закинул его в рот и начал

разделять тело как тушу животного. Запустил лапу внутрь и выдернул окровавленный комок – кажется, печень. Насадил на какую-то палочку и пристроил рядом с трупом в остатках костра.

– Это был первый, – заметил Варлок, поджаривая лакомство. – Но я доберусь до остальных. До каждого.

Печень он тоже съел, а пленников сказал отпустить.

И началось. Весть о вылазке мстителей и жуткой участи, постигшей предводителя Саранчи, мигом облетела всю округу и привела в отряд мутанта новых людей. Кое-что перешло от бывших жителей Скайглэйва к их врагам: страх. Он рос и ширился, принимая форму высокой костлявой фигуры людоеда с хриплым голосом и страшными когтями. Неизвестно, что там наплели своим соратникам пленники, видевшие его расправу над вожаком, но имя "Варлок" – "ваш чертов колдун-мутант!" – дали ему именно они.

Стычка с Саранчой переросла в настоящую войну, которой предстояло продлиться почти год. Остатки жителей Скайглэйва укрепились в убежищах в самых высоких точках кряжа и заселили шахты. Выкурить их оттуда было не так легко. Между тем летучие отряды Варлока рыскали по Равнине, преследуя и атакуя Саранчу снова и снова, а затем растворяясь в тенях. Для местных, хорошо знавших эти земли, и особенно для излазившего их вдоль и поперек мутанта это не было такой уж проблемой.

Год, проведенный в постоянных рейдах и отлежках в убежище, словно выпал из жизни Джилин. Она научилась стрелять из любого оружия, имевшегося в распоряжении мстителей, драться как дикий волчонок и безоговорочно доверять их вожаку. Кем бы он ни был, он дарил им силу. Кем бы он ни был, он дал шанс отомстить.

Ребята из группы, с которой они ходили в первую вылазку, стали ее новой семьей. Алан, Драки, Винче, Руми и Болт. Миракл, красавица-хирург, которую они отбили у бандитов (по счастью, до того, как те успели хоть что-то с ней сделать). Мира стала первой из "жен" Варлока. Просто в какой-то вечер поднялась со своего места у общего огня, громко заявила: "А пойду-ка я проверю, действительно ли у мутантов такой огромный и раздвоенный" – и ушла к палатке вожака. Это тоже было своего рода падением стены. Варлок сам никогда не оказывал знаки внимания женщинам и не звал их к себе, но тех, что приходили сами, не прогонял. После его второй постоянной подругой стала Мэйв.

Больше года прошло с момента разорения Скайглэйва. К этому моменту с Саранчой было почти покончено. Уходящие бандиты напоследок спалили в городе все, что только можно, и его решено было не восстанавливать. Болт, с радостью вспомнивший о своей инженерной профессии, дни и ночи корпел над проектом нового поселения – города-крепости Содраграски, задуманной так, чтобы любой противник обломал о нее зубы. Потом – позже – Джилин полюбит Граску, но пока, глядя на азартно проектирующего вышки, стены и подземные убежища Болта, она чувствовала только тоску.

Многое изменилось за этот год на Равнине. Одна за другой возникали и крепились Общины, обретали и теряли власть местные самозванные князьки. Из ничего возник новый мир со своими законами и обычаями, историей и религиями, изгоями и властителями. И одним из

них (тут и не скажешь – изгоем или властителем) стал Варлок.

Мрачная слава лидера Содраграски росла и крепла день ото дня. Его считали колдуном, владеющим тайными знаниями, или демоном во плоти, или мутантом, но не обычным, а выведенным в секретных лабораториях и наделенным невероятными способностями, или злым духом Равнины, явившимся из тьмы веков на зов человека.

Его боялись. Ему верили. За ним шли.

Но Джилин не понимала: откуда, откуда берутся эти дикие сказки? Даже среди людей, бывших с Варлоком с самого начала и помнивших его еще как Следопыта, ходили самые безумные слухи о нем. Однажды Джил услышала, как Руми рассказывает трем новичкам историю их вылазки против главаря Саранчи, утверждая, что Варлок будто бы убил того на расстоянии. И тут ее прорвало:

– Нож. Это был нож. Он ударил его в бок своим тесаком, а потом добил.

– Что? – Руми выглядел как человек, резко возбуженный от сна. – Нож? Ты уверена? Впрочем, не важно. Я готов поклясться, что тот уродец упал замертво еще до того, как лезвие его коснулось.

Новобранцы слушали этот бред зачарованно.

Джил тогда чуть не поругалась с Руми и в раздражении ушла бродить по стоянке.

– Он же был там. Он все видел! – выпалила она, поняв, кто по своему обыкновению наблюдал за всей сценой из полумрака, а позже тихо последовал за ней.

– Нет ничего более изменчивого, чем человеческая память, – заметил Варлок, выступая из теней. – Это обманка. Медиавирус. Миф, если хочешь. Сознание требует богов и демонов, героев и чудовищ – и создает их само из подручных материалов.

– Ты тогда кто? Демон или герой?

– Результат уродской селекции одного и другого, – усмехнулся мутант. – На такой почве, как эта, каких только уродцев не вырастает.

– Ладно, – вздохнула Джил. И добавила: – Ты ночуешь сегодня один?

Кажется, он удивился. Но, как уже знала Джилин, не в обычае Варлока было отказывать женщинам, предлагающим секс.

А член у него, кстати, оказался самый обычный.

Джилин вынырнула из воспоминаний только почти дошагав до площади. Из-за угла показалась одинокая фигурка – доктор Миракл, похоже, возвращалась с ночного дежурства. Увидев бывшую товарку по "гарему", она помахала рукой. Джил молча

подошла и подхватила одну из тяжелых сумок Миры, зашагала рядом. Они всегда хорошо ладили друг с другом, в отличие от Мэйв, которая слишком сильно прикипела к главе Содраграски и ревновала его ко всем другим женщинам. Джил было ее жалко. Варлок, похоже, не особо различал своих подружек. Он едва ли вообще заметил уход Джилин из их числа, когда та наконец решила, что пора бы завести собственного отдельного мужчину.

Робкая бледная заря занималась над просыпающейся Содраграской. Дойдя до площади, обе женщины на минуту остановились, задрав головы и любуясь ей.

– Джил, – нарушила тишину Мира. – Тебе не кажется, что что-то приближается? Не могу отделаться от мысли, что что-то скоро грянет, да непонятно – где...

– Что тебя заставляет так думать? – Джил тоже знала, что скоро грянет, но поделиться тайными планами Варлока не могла.

– Что заставляет... – Мира чуть повела округлыми плечами. – Слово здесь, взгляд там, немного догадливости... А еще наш гость, – она хмыкнула. – Наш гость заставляет меня ждать большой заварушки больше всего...

Злой Сайлар второй день неприкаянно шатался по Содраграске.

На момент своего поспешного отъезда с базы он крайне нуждался в стене, об которую можно убиться, и Содраграсский Людоед показался ему крайне подходящим на эту роль. Все вокруг было немного слишком. Ссора с Кори. Разговор с Рэтти, который умудрился ткнуть чуть ли не в каждую болевую точку. И его собственное бессилие перед тем, что творилось на Равнине. Спайк Ли и Пятая Стяжка. Едва не присоединившийся к ним рыжий придурок Янг. И Железный Лес, Община механиков, угодившая в руки банды негодяев, с которыми Лар ничего не мог поделать...

Не зная, как разобраться со всем этим, он рванул туда, где ждала еще одна его давняя проблема: невозможность свернуть шею одному наглому каннибалу. Тем более что долбаный Варлок, можно сказать, пошел навстречу: прислал рейнджерам просьбу о помощи, указывая на некую шайку грабителей, наносящих визиты на территорию Граски из-за границы с Хайвеем. Сайлар не очень-то верил в этих мифических налетчиков. Хотя бы потому, что Содраграска со своими проблемами всегда справлялась сама, в высшей степени начав на мнение других Общин. Особенно на Хайвей и Слона. Хотя в Граске и существовала трудовая повинность, идея настоящего рабства Варлоку не нравилась, посему делать гадости главному работоторговцу Равнины было его любимым развлечением. Вздумай Слон возмутиться, что люди Варлока ловят налетчиков на его территории, – тем хуже для Слона.

В общем, Сайлар рассчитывал, что Варлока все же достаточно взбесила выходка на Совете, и он настойчиво зазывал командира рейнджеров в гости не просто так. В отличие от Кори, Лар не считал, что его прям с порога кинутся убивать и жрать, но на

всякий случай ребят с собой не взял, велел высадить себя неподалеку от ворот Граски и ждать на ближайшей Вольной ферме.

Он чувствовал себя странно, идя к высоким стенам городка под взглядом четырех прибитых над воротами скелетов. Граска совсем не походила на то разрушенное ранчо, да и местность здесь была другая, и все же Сайлара не покидало ощущение, что он возвращается туда, на кровотокающий рубеж своей памяти.

В нем проснулся странный азарт.

А настиг страшный облом. В Граске его приняли, разместили со всеми удобствами, сказали, что выслали разведку на поиски налетчиков и немедленно сообщат, как только те будут где-то замечены. На этом все. Никто не попытался ни убить, ни хотя бы доебаться и спровоцировать на драку.

Более того – за полных двое суток пребывания в Граске Сайлар так ни разу и не видел Варлока. Даже краем глаза. Хотя он сделал все возможное, чтобы как-то на того нарваться.

Был поздний вечер. Сайлар со стены любовался на красно-черные закатные облака, плывущие над Равниной, и пошел по улочке к центру Общины, к дому, где ему выделили комнатку. Он миновал ряды строений в два-три этажа, украшенных чем попало, стайку детей, разбираемых деловитыми родителями по домам, группу подростков, пытавшихся извлечь что-то похожее на музыку из чего-то похожего на гитару. Вечерняя Граска казалась самым обычным городом – за исключением прибитых над воротами скелетов ничто в ней не выдавало вотчину убийцы-людоеда.

На главную площадь Общины выкатили ржавые металлические бочки и натащили дырявых автомобильных шин. В бочках горело химическое топливо, на шинах, сваленных горками, сидели и валялись люди. Вечернее сборище лениво балагурило, обсуждая дневные заботы, передавая из рук в руки чаши с подогретым на огне алкоголем.

Сайлар замер на секунду вна краю площади, и вдруг заметил кое-что. Высоко-высоко над землей, где-то у верхней площадки венчавшей Варлоков штаб вышки, мерцал крошечный красный огонек. Зажженная сигарета. Зоркие глаза рейнджера даже разглядели проступавший тенью на фоне темноты высокий силуэт в косматой накидке.

Да черт же возьми! Ну конечно! Варлок ведь не любит яркий свет. Неудивительно, что из берлоги он вылезает под вечер, в то время как рейнджер все пытался встретится с ним днем.

На то, чтобы принять решение, Сайлару и минуты не потребовалось. Раз не вышло "случайно" встретиться – пойдет и прямо спросит, какого черта людоеду от него надо. В конце концов, правила хорошего тона предписывают нанести визит главе Общины, в гостях у которой находишься, так ведь?

Рейнджер решительно направился через площадь.

Он предполагал, что в штабе его дальше порога не пустят, однако все оказалось с точностью до наоборот – дежуривший там одинокий охранник впустил, выслушал и молча проводил до лестницы на вышку. И Сайлар полез наверх, по ходу размышляя, куда ж его, черт возьми, несет?

Верхняя площадка. Крошечный квадрат три на три метра, вознесенный высоко над мерцающим огоньками городом. Резким движением преодолев последний метр подъема, Сайлар замер, еще не видя глазами, но уже буквально ощущая кожей присутствие другого существа.

– Добрый вечер! – бодро бросил он, находя взглядом тень Варлока. Тот больше не курил, а тихо сидел на полу в дальнем углу, явно ожидая пришельца.

– Добрый, – после секундной заминки отозвался странный голос. Тьфу, эта ящерица даже говорит так мразотно. – Я смотрю, у меня гости?

– А то. Пришел засвидетельствовать почтение, – вряд ли ему удалось скрыть едкость, но он и не стремился.

– Ладно, – проговорил мутант. – Тогда заходи. Садись. У меня тут бухла немного осталось, и даже пара сносных галет. Авось сойду за гостеприимного хозяина! – и он махнул когтистой лапой на место рядом с собой.

Сайлар, признаться, опешил, но сдавать назад точно не собирался. Он шагнул вперед – как в клетку к зверю! – и сел, скрестив ноги, на что-то мягкое (вроде мат) в полутора шагах от мутанта. Тот, между тем, что-то где-то покрутил, и на площадке вспыхнула одинокая лампочка. Лар проморгался, краем глаза отмечая подробности. Между ними на тряпице действительно лежали галеты, термос и открытая пачка контрабандных сигарет. В остальном площадка была совершенно пуста – не считая, собственно, Варлока. Глава Содраграски был при полном параде – в своей лохматой накидке, обмотке на лице и гогглах. Большой, страшный, но на вид вполне мирный мутант.

Лар цапнул галету и отпил глоток из термоса. Внутри оказался тот же местный аналог глинтвейна, что пил народ внизу. Очень демократично – пить то же, что твои подданные. Если б он еще и ел то же самое...

– Ты что, даже ночью в этих штукаx ходишь? – чтобы как-то начать разговор, бесцеремонно спросил Сайлар, указывая на гогглы. Кстати, действительно интересный вопрос – до его прихода мутант сидел в полной темноте, неужели настолько глаза болят, что даже вечером на себе таскает защитные очки?

– Они для красоты, – скромно отозвался Варлок. – Давно хочу основать на Равнине модный дом имени себя и стать иконой стиля.

Сайлар хмыкнул.

– Безумству храбрых... Давай начистоту, ящерица. Зачем тебе понадобилось вызывать сюда меня и моих ребят?

– С порога в бой! – мутант ненадолго замолк, но неожиданно просто ответил: – Ты успел досадить многим людям. Например, нашему общему знакомому работоторговцу. Не вызови я тебя сюда – он бы тебя убил.

– Что?! – такого поворота Сайлар не ожидал.

– Ангус-Слон – мстительная злобная туша, а ты при всех приложил эту тушу мордой о скамейку, – с явным одобрением отозвался Варлок. – Но дело даже не в этом. Видишь ли, на Совете затевалось кое-что. Много кое-чего. Я полагаю, в планах как минимум одной группировки было устранить там меня. Но прибежала маленькая собака, устроила потасовку, и все остались в дураках, кроме старого хитрого мутанта. Пожалуй, стоило спасти твою шкуру только ради этого представления!

– Стой, – Сайлар лихорадочно переваривал полученную информацию. – Ты хочешь сказать, что на совете я сломал планы Слона?

– На Совете ты много чего сломал, включая скамейку, – фыркнул мутант. – Я, конечно, не могу быть уверен, но предполагаю, что Слон, Чак и Наги собирались кого-то прикончить – либо меня, либо Ролана или Каору. А Ролан и Вожак, в свою очередь, готовили какую-то подлянку. Невинное лицо можешь не делать, я и так почти уверен, что с тобой Кори такими планами не делится, а если делится – мне все равно не интересно спрашивать. Он и его друзья не из тех, кто действует грубо – явно не убивать планировали, а спровоцировать или как-то стравить с другими Общинами. Никто не любит старого мутанта, что ж за напасть!

– Да уж действительно! Варлок, – Сайлар впервые назвал его по имени, и непонятно почему это далось с трудом. – Допустим, история про Совет выглядит правдоподобно – пусть я и не могу это проверить и не знаю, зачем ты все это рассказал. Но вторая часть истории? В которой ты благородно спасаешь меня от убийц Слона? Мне казалось, ты поднял на уши всю Равнину, пытаюсь получить обо мне информацию и заманить сюда. Что-то мне подсказывает, что в варианте про спасение от убийц проще и эффективнее было бы просто предупредить о.

– Не проще, и к тому же не веселее, – фыркнул мутант. – Да, я поднял шум на всю Равнину, я искал информацию о тебе так громко, топорно и вездесуще, чтоб даже трехлетние дети во всех Общинах твердо знали: злой-злой людоед обижен на маленькую собаку, хочет ее разыскать, затащить в свое логово и съесть. И это лучшая защита от убийц, которую я мог тебе предоставить. Догадываешься, почему?

– Да. Но хочу от тебя услышать.

– Потому что сколь бы ни была злопамятна душонка Ангуса, о власти он не забудет никогда. Убей я тебя – о, да это был бы подарок судьбы для Слона. Во-первых, его поруганная физиономия была бы должным образом отомщена. Во-вторых, в меня немедленно вцепился бы Кори, а с ним и Ролан, и Каору. Началась бы Война Общин, в которой все противники и конкуренты Слона либо умирают, либо теряют массу сил, ресурсов и вместе с ними – влияния. Эдак можно стать царем горы. Думаю, сейчас он

сидит и потирает лапки, представляя тебя – на вертеле, меня – в осаде, а себя – на вершине пищевой цепочки Равнины. Впрочем, есть еще их союзники-хозяева из Городов...

– О, теперь у нас появились ребята из Городов! – перебил Сайлар. – А им-то что надо? Тоже убить меня?

– Тоже убить тебя, – скучно заметил Варлок. – Не хочу тебя расстраивать, маленькая собака, но ты сейчас под прицелом у всех. Твоя смерть от рук кого угодно – Слона ли, меня ли – развяжет на Равнине настоящую войну. А это многим выгодно. Особенно некоторым парням из Городов и их подпевалам. Особенно выгоден им был бы расклад "блок Первой Цитадели против Содраграски", хотя на худой конец и "Слон против Содраграски" тоже сойдет. Так что сделав вид, что собираюсь тебя растерзать, я тебя, можно сказать, прикрыл. Они ждали, что я начну действовать, и не лезли сами. Хотя по правде скажу – вот чего я не ожидал, так это что ты действительно примчишься сюда на зов.

Воцарилась тишина. Сайлар машинально протянул руку и сделал большой глоток из термоса. Он был бы и рад продолжить подначивать мутанта – в конце концов, он не светские беседы вести с ним приехал. Но то, что говорил Варлок, было слишком серьезно. Даже если он лгал... следовало понять, зачем мутант это делает, чего хочет добиться?

– Ну хорошо, – произнес рейнджер наконец. – Но не логичнее ли для тебя, ящерица, было бы попытаться сбagrить меня Слону? Ведь если б меня прикончила "мстительная туша" – Кори вцепился бы в него, и война шла бы уже между твоими врагами. Чем не вариант для Содраграски?

– Хороший вопрос, – хмыкнул мутант, но вдруг замолчал. И ответил только после паузы: – Я мог бы сказать, что мне-то как раз не нужна междоусобица на Равнине, но это будет только половина правды. Так что довольствуйся тем, что услышал. Я не собираюсь тебя убивать. Это, в конце концов, было бы преступно. В этом гребаном ящике с крысами каждый первый, включая меня, думает о своих амбициях, власти или выживании. И только один глава рейнджеров пытается привнести немного порядка в этот хаос и действует из альтруистических соображений. Абсолютно херовая инициатива. Идиотски бессмысленная. Мне нравится!

В этот момент Сайлар всерьез задумался о том, это лестно или не лестно, когда тебя хвалит маньяк-убийца-каннибал?

– Кстати, – продолжил Варлок. – Чтоб ты знал, налетчики не выдумка. У меня действительно кто-то озарует на границе, и я очень хочу посмотреть, кто, – он как-то очень зловеще хмыкнул.

– Вот и посмотрим. Вместе, – заявил Сайлар, делая акцент на последнем слове.

– Если хочешь, – отозвался мутант. – Тогда я советовал бы тебе выспаться, а то выезжаем мы завтра. Рано утром.

– Выпроваживаешь? – Сайлар поднялся и шагнул к лестнице. Потом обернулся через плечо: – Варлок. Почему, блядь, "собака"?!

Мутант разразился тихим хрипловатым смехом.

– Ну они же такие славные, – наконец заявил он. – Много лают и путаются под ногами. Совсем как ты.

– Понятно, – пробормотал Сайлар, и чуть громче добавил: – Ящерица.

На том они и расстались. До утра.

Сайлар спал этой ночью беспокойно. Его затянуло в какую-то липкую полудрему, из которой он вскоре провалился в жутковатый сон. Он лежал на капоте машины, кажется той самой ржавой машины из своих обычных снов, только в этот раз вокруг было темным-темно, а сам он почему-то не мог пошевелиться. Кто-то шел к нему из темноты. Кто-то невидимый, но осязаемый. Он приблизился, и обнаженной кожи Сайлара коснулись когти. Чуть-чуть, слегка, не надавливая, они двинулись по его телу, оставляя тончайшие, почти неощутимые царапины. И еще раз. И еще. И так, сука, он и провел чуть ли не всю ночь – ощущая эти пугающие и дразнящие прикосновения, рискующие перерасти в смертельный удар. Подорвавшись с утра, Сайлар даже осмотрел себя придирчиво – но, конечно, никаких следов когтей не обнаружил. Расшалившееся подсознание неплохо над ним поиздевалось. А ведь сегодня в рейд...

"Кстати, я поеду незнамо куда в компании людоеда и его людей. Какая вдохновляющая перспектива! И в этот раз граната с медведями не поможет".

Сайлар быстро собрался и пошел к штабу, где уже ждали отправляющиеся на вылазку машины.

Первую остановку они сделали на одной из ферм Общины, где пообедали и послушали последние новости, в основном касающиеся урожая грибниц и роста цыплят. И только вечером добрались до поселения, пострадавшего от налетчиков. Это была совсем крошечная ферма на три дома и две теплицы. Люди здесь были мрачны и встревожены, и Сайлар быстро узнал, почему – их проводили до склада, где лежал в ожидании погребения мертвец. Совсем молодой парень с перерезанным горлом, кое-как прикрытым шарфом.

– Мутанты это были, – мрачно сказал главный фермер, приходившийся дядей убитому. – Уродцы страшные, рожи в язвах, руки чуть ли не в хитине, а у одного их было три. Пришли ночью, пытались пробраться к водоводу, а там Джес как раз возился, починкой

занят был. И вот...

– Сколько их было и куда потом ушли? – спросил Варлок, возвышавшийся над коренастым фермером как башня.

– Да разве ж сосчитаешь... темно было. Мы на шум прибежали с оружием и прогнали их. Может, десять, может, двадцать, не поймешь. Ушли они к границе, это точно.

Опросив еще пару свидетелей, Варлок собрал совещание.

– Очень может быть, что эти красавцы уже убрались восвояси и мы их не поймем. Однако то, что они к водоводу лезли, наводит на мысли. Тут по соседству еще две фермы, где есть скважины. Разобьем отряд и отправим патрули к каждой. Утра ждать не будем – если они нападут, то ночью. Машины нужно отогнать и спрятать, чтобы не вспугнуть. До самих ферм тоже пешком пойдем. Все ясно?

Сайлар, впервые за годы оказавшийся в роли подчиненного, а не командира операции, с интересом наблюдал за происходящим. Ему выпало идти на одну из ферм вместе с группой, возглавляемой лично Варлоком. Мутант, похоже, прекрасно знал местность, он вел отряд в вечерних сумерках уверенно и быстро. На Лара опять накатили непрошенные воспоминания. Как он шел в сумерках шесть лет назад, надеясь успеть, надеясь спасти...

К дьяволу. Для этих воспоминаний есть сны. Если постоянно так думать, проще лечь и сдохнуть.

Однако на полпути их остановила ожившая рация.

– Босс! – доложил Алан, светловолосый лейтенант, командовавший вторым отрядом. – Заметили кое-кого, шастающего возле третьей фермы. Похоже, это они!

– Ясно. Поворачиваем!

И они рванули в обратном направлении с утроенной энергией.

Когда они добрались до окрестностей третьей фермы, там уже шел бой. Похоже было, что отряд Алана вышел на налетчиков, но те успели засесть среди валунов и теперь отстреливались оттуда. Темноту только слегка рассеивал свет огней фермы, так как напавшие, возможно, фонарей не имели, а люди Варлока не спешили их зажигать, чтоб не обнаружить свое местоположение.

Варлок проверил, легко ли выходят из ножен тесак за плечом и нож на поясе.

– Зайдем сзади, со стороны большого камня. Стрелялки оставьте, все равно при таком свете черта с два попадешь. Люк, остаешься в резерве. Свяжись с Аланом и скажи, что мы здесь, выходим на наших друзей минут через семь-десять. Чтоб нас случайно не подстрелили.

И первым нырнул в каменный лабиринт.

Повинуясь порыву, Лар пошел вторым, сразу за ним. Тень мутанта мелькала впереди, стремительная и бесшумная. Остальные тоже двигались тихо-тихо, хотя предосторожность, похоже, была излишней – за звуками выстрелов сидящие в камнях невидимые враги вряд ли бы их услышали.

Налетчики, кем бы они ни были, засели под здоровенным камнем, почти скалой, к которой и держал путь Варлок. На полпути он махнул лапой остальным, мол, двигайте чуть правее, а сам стянул гогглы и тихо пополз к самому камню и на его верхушку. Сайлар вынул нож. Сердце сильно колотилось. Он не очень понимал, на свою ли войну попал, и успел еще подумать, что глупо было бы здесь сдохнуть от какой-то случайной пули... И тут Варлок, начиная атаку, прыгнул с вершины камня прямо в темноту, где скрывались налетчики.

Почти сразу послышался вой и крики, и хруст входящего в тела лезвия, а рейнджер с остальными уже рванули вперед. Все происходило быстро-быстро, так что Сайлар не успел даже задуматься – кто-то выскочил на него из-за камня, этого кого-то тотчас уложил ударом один из солдат Содраграски, бежавший рядом. С другой стороны показался еще кто-то с чем-то длинным, дубиной или палкой. Рядом выстрелили. Упал кто-то из своих. Сайлар пригнулся, уходя от удара, не глядя махнул ножом, то ли попал, то ли нет, но нападавший качнулся назад и исчез.

И стало тихо.

– Общитесь тут все и дайте света! – послышался голос Варлока. Сайлар обогнул последний камень и увидел место основной схватки. Его "знакомый" с дубиной лежал тут же: видимо, все же получил свое, либо его добил кто-то еще. И у него, черт возьми, действительно было три руки! Две нормальных и еще одна тоненькая, рахитичная, торчавшая из прорезанной в поношенной куртке дыры. Лар нагнулся ниже и присмотрелся к лицу. Оно как будто заросло уродливыми желтоватыми грибами с одной стороны. Нос отсутствовал. Действительно, мутант. Бррр.

Зажгли фонарики. Сайлар поискал глазами Варлока. Тот стоял у одного из тел. Что-то в его позе выдавало напряженность. Он наклонился и поворошил лохмотья убитого. Лар решил подойти ближе. Варлок, как выяснилось, рассматривал странный предмет, который мертвый налетчик носил на шее на плотном ремешке. Это был продолговатый стержень из полупрозрачного пластика, внутри которого перекачивалась голубоватая жидкость. С виду – какая-то медицинская ерунда, которая отчего-то показалась Сайлару очень знакомой.

Варлок срезал ремешок, осторожно забрал стержень и быстро обыскал тело. Перешел к следующему. У этого налетчика на шее болталась точно такая же штука. И у следующего. А у одного оказался целый пояс, в который как в патронташ были вставлены голубые стержни.

И тут-то, увидев их много сразу, Сайлар наконец вспомнил. Он видел такие, но только скопом, уложенные в ящик, и потому не сразу признал по отдельности.

– Да это же...

– Реагент со Станций генерации Купола, – мрачно произнес Варлок, и поманил к себе своего лейтенанта. – Ал. Бери одну такую штуку. Передашь нашим химикам. Мне нужно, чтобы они посмотрели состав вещества и проверили у нас все – продукты, воду, вентиляцию – на предмет его возможного наличия там. И в Граске, и на всех наших фермах. Везде.

Алан кивнул, забрал один стержень и пошел собирать людей и вызывать сюда машины.

– Кто-то решил устроить еще одно Бегство из Городов. Но уже здесь, в Общинах, – тихо произнес Варлок, не обращаясь ни к кому. Но Сайлару отчего-то стало жутко.

Отряд заночевал на ферме, а на следующий день двинулся обратно. По возвращению в Содраграску их ждал сюрприз. На площади у штаба одиноко ютился рейнджерский джип, а рядом с ним на крышках сидели Шьем и Кэми, радостно замахающие руками при виде Сайлара. Он подошел.

– Командир! – выпалил Кэми, явно до сего момента изрядно нервничавший. – А мы уж думали тебя по кастрюлям и холодильникам местным искать.

– Да нет, на мое филе тут пока не покушались, – отозвался Сайлар. – Но вы-то что тут делаете? Я вроде велел без приказа в Граску не соваться.

– Там это, – вздохнул Кэм, – товарищ наш Кори как узнал, куда тебя понесло, чуть крышей не двинулся. Он нас очень, ну очень просил съездить разведать обстановку и вообще от тебя не отходить, а еще лучше – вытащить из этого людоедского логова поскорее. Мы с ребятами, признаться, тоже волновались, так что решили съездить разведать.

– Тем более что не приедь сюда мы – Шлюший король бы лично примчался, – фыркнула Шьем.

Сайлару остро захотелось убить кого-нибудь.

– Значит так. Обратно ни вы, ни я пока не поедем. Но вы мило и вежливо попросите у местных устроить вам сеанс связи с базой и передадите, что у меня все в порядке, мы пока остаемся в Граске. Заодно мне очень хотелось бы знать, кто это у нас так оперативно докладывает Кори о всех моих передвижениях.

– От него ж разве скроешь, – вздохнул Кэми. – Шлюший король на Равнине знает все и про всех.

"Хотелось бы мне в таком случае пару вопросов ему задать, – подумал Сайлар. – Например, про то, откуда у мутантов-налетчиков мог взяться реагент со Станций? Если

это, конечно, он. А не какая-то хитрая уловка, разыгранный специально для меня спектакль. Зяблин побери, если б я знал, как мыслит содраграсская ящерица..."

– Все, разбежались – Кэми, идешь в радиорубку, Шьем – в штаб, попроси найти место для вас двоих и машины.

– Ага, – Шьем салютнула и удалилась, а вот водитель задержался:

– Лар. Ты тут как вообще?

– Да нормально, – пожал плечами Сайлар. – У них тут действительно кто-то озоровал, парня с фермы убили. Восьмерых из этих "кого-то" вчера положили. Но неясно, вся ли это банда, а логово у них, похоже, в Хайвее – значит, это работа для рейнджеров. Будем договариваться со Слоном, чтоб нас пустили порядок навести, – Сайлар не стал озвучивать предупреждение Варлока. Ангусу-Слону он и сам не особо доверял и не знал пока, рискнет ли двинуться в Хайвей. – Ты лучше расскажи, что там творится в мире? Как наше рыжее приобретение поживает?

– Балду пинает, от работы пытается увилить. О, ты, кстати, знаешь новости из его бывшей Общины?

– Нет, – насторожился Сайлар. – А что там?

– Да они новой главой после Рэта выбрали бабу!

– Какую?

– Какую-то Риту. Я подробностей не знаю, но вроде после твоего эпичного выхода там некий Вэнс пытался на все лапу наложить. А ночью группа работников цеха свинтила из подручных средств оружие, похватила этого красавца и его людей и выперла к чертям из Общины. За попытку убийства и захвата власти силой, так-то. После чего механики на всенародном сходе выбрали главой эту самую телочку, вроде как она чуть ли не руководила вышвыриванием Вэнса. Нет, ну прикинь! Баба – и глава Общины! Интересно, она симпатичная хоть?

"Она решительная, хваткая и не даст этим оболтусам попасть под влияние каких-нибудь уродов вроде Вэнса. Черт, какая же хорошая новость! Хоть что-то хорошее в этой жизни происходит".

Сайлар хлопнул Кэми по плечу:

– Иди сообщение передай. Завтра на свежую голову все обсудим!

Сайлар собирался уйти спать, но не ушел, конечно же. Он очень много мыслей успел передумать за этот день, да только вот еще больше запутался. Чувство, что он угодил в

самое сердце какой-то блядской паутины, где непонятно, кому верить, не ясно, кто что от него хочет, все не оставляло.

И еще у него появилось много новых вопросов к Варлоку.

Его Лар и отправился искать, справедливо рассудив, что раз его первый раз не убили за визит без приглашения, то и во второй потерпят.

Варлок обнаружился в самом романтичном месте Содраграски – в морге, расположенном в подвале маленькой местной больнички. Туда вроде бы отнесли тела убитых налетчиков. Внутри Сайлара не пустили, пришлось полчаса ждать под дверью, а за это время у ненавидящего ожидание рейнджера испарилось даже чудесное настроение, вызванное вестями из Железного Леса.

– Панихиду по родственничкам своим справлял? – мрачно спросил Сайлар появившегося наконец на пороге Варлока.

Мутант, кажется, удивился:

– Ты специально меня решил за хвост подергать прямо рядом с моргом? Чтоб тело тащить недалеко было?

– А у тебя есть хвост?

– У меня кое-что другое есть, – зловеще заявил Варлок. – Раздвоенное.

– Да что ты? Ну, у тебя и руки две, так что с дрочкой проблем быть не должно, – Сайлар поднялся с места. – Разговор есть.

Мутант вздохнул.

– Иди наверх, в кабинет Миры. Ее сейчас нет, можно поговорить там. Я скоро приду.

Сайлар, предварительно узнав дорогу, отправился, куда велели. В больнице было пусто, особенно на верхнем этаже. Маленький кабинет некоей Миры (Лар знал, что так зовут главврача Содраграски, но в лицо ее не помнил) больше походил на уютную жилую комнату. Впрочем, тут были стол с креслом и кушетка, как в настоящих кабинетах врачей. Подумав, Лар сел за стол.

– Здравствуйте, доктор! Я убиваю и ем людей, что мне делать? – сам с собой разыграл сценку рейнджер. – Здравствуйте, сэр! Не стоит волноваться, в Центре семейной психологии доктора Зойдберга вам помогут!

Вздохнув, он подпер голову руками и стал ждать.

Варлок появился довольно быстро и даже притащил термос с горячим питьем и две кружки.

– За что пить будем?

– За трезвость, – Сайлар взял протянутую чашку. – Что ты имел в виду, когда сказал, что кто-то хочет устроить здесь еще одно Бегство из Городов?

Затененные стекла гогглов Варлока уставились прямо на Лара.

– Тебе никогда не говорили, что прямолинейность иногда может быть опасна? Можешь не отвечать.

Варлок отошел в конец комнаты и сел в глубокое кресло, вытянув ноги. Себе он питья так и не налил и обмотку с лица не снял.

– Довольно любопытно, откуда на Равнине взялась целая банда мутантов, правда?

– Мы живем рядом с Красным Поясом, – заметил Сайлар. – Рано или поздно он должен был вызвать у кого-то мутацию... наверное.

– Красный Пояс не вызывает мутаций. И никогда не вызывал, – резко произнес Варлок.

– Однако, поворот.

– Хочешь поспорить с мутантом о мутации? – Варлок откинулся на спинку кресла и чуть спокойнее продолжил: – Мы живем на Равнине уже шесть лет, а отдельные попытки заселить ее предпринимались и раньше. Ты знаешь хоть одного человека в Общинах, у которого проявилась бы мутация за это время? А в городах популяция мутантов была постоянной. Все потому, что Красный и Черный Пояс с людьми и вообще всем живым на этой планете умеют делать только одно: убивать.

– Давай считать, что я верю всему, что ты говоришь. Что тогда создало мутантов, если не они?

– Мутантов, Саэ, создали Купола.

Лар нахмурился.

Варлок поколебался, потом сунул лапу куда-то под накидку и вытащил на свет стержень с голубоватой жидкостью, болтающийся на черном ремешке. Тот самый реагент, который Стая когда-то выкрала со Станции генерации Купола...

– Вот эта штука призвана была когда-то спасти человечество от гибели. После Первого Падения многие думали, что эта чертовщина продолжится и Пояса будут возникать снова и снова, пока не заполнят всю планету. Тот особый пластик, которым обшиты тоннели Межгородского Экспресса и остатки трассы Хайвея, частично защищает от их влияния, но только частично. Те, кто пережил Падение, нуждались в радикальном решении проблемы, и они ее решили, изобретя установки генерации Купола и этот состав.

Человек, от которого я узнал о нем, называл вещество просто – "мутагеном". Эта гадость

имеет свойство накапливаться в клетках и в один прекрасный момент "включаться", как биологическая бомба. Но оно же единственное полностью поглощает излучение Поясов. Мне всегда было интересно, знали ли наши предки об этом – я имею в виду, об оборотной стороне медали. Не знали и не успели протестировать изобретение как следует? Знали, но решили, что небольшой процент пораженных мутациями не так важен, как защита всех на случай возможного Падения? Так или иначе, Станции заработали, Купола закрыли города, и этим обрекли часть их жителей на премерзкую участь, – Варлок ненадолго замолчал, переводя дух, а потом продолжил:

– После каждого цикла отработанный реагент сбрасывается в отводные каналы под Станциями, и частично уходит в Старое метро. В определенной концентрации он присутствует и в атмосфере, так как силовые поля Купола не могут удержать 100% распыленного вещества. Все жители Городов так или иначе отравлены им, но мало кто – в достаточной степени, чтобы это привело к серьезным последствиям. Но есть еще другие, не совсем, кх-кх, жители нашей прекрасной родины. Те, кто на социальной лестнице стоит даже ниже жителей фавел. Бездомные бродяги, попрошайки, сбежавшие из дома подростки, опустившиеся наркоманы и пьяницы. Живущие в тоннелях Старого метро, где подземные воды отравлены сбросом со Станций Купола. Они получают достаточную дозу мутагена, чтобы он, при выполнении определенных условий, активировался и начал действовать. Вот из таких ребят чаще всего и получаются мутанты. В Городах последние двадцать лет нет недостатка в маргиналах и нищих, так что тоннели Старого метро всегда полны.

У Лара мелькнула какая-то мысль, но он не успел ее поймать и вместо этого задал вопрос:

– Что за "условия" нужны, чтобы активировать мутаген?

– Особый сигнал. Теперь вообрази себе, что ты все это знаешь и имеешь доступ к некоторому количеству мутагена – чтобы накачать им тех особей, которые не шляются по канализации и не дышат испарениями сточных вод Станций генерации Купола. Можно действовать точечно, а можно вбрасывать реагент в водопровод в определенных районах, или добавлять в напитки в элитном баре с симпатичным блондином-барменом... Вариантов много. Дальше ты находишь источник сигнала – а им могут быть даже обычные чипы жителей Города. В нужный момент нажимаешь на кнопку. И на глазах у сотен тысяч людей ведущий новостей Пит Смит разлагается заживо.

Сайлар вскинулся, но промолчал. Идиотские вопросы вроде "чем докажешь?" или "что это за гребаная теория заговора?" вполне можно было оставить при себе.

– Маленькая собака не верит старому злему мутанту? – прозорливо заметил Варлок.

– Я ничему не верю, не увидев доказательств. Но давай закончим это, ящерица. Кто же этот загадочный кто-то, кто нажал на кнопку?

В позе мутанта появилось напряжение.

– Я не знаю. Я предвидел, что нечто подобное затевается, еще до начала Бегства. Я

искал, кто этим занят. Я не нашел, – он перевел взгляд на свою руку с чешуйками и когтями.

– Варлок, – сказал Сайлар, во вспышке внезапного озарения наконец ухватив мысль, пришедшую к нему ранее. – Скажи, ведь ты... не один из них? Ты не родился мутантом.

– Никто из несчастных тварешек, живших в подземельях Городов, таким не родился. Даже если кому-то и удавалось произвести на свет потомство, оно едва ли выживало.

– Я не об этом! – Сайлар мотнул головой. – Ты тоже не из тех, кто "шлялся по канализации и дышал испарениями сточных вод". Ты стал мутантом во время Бегства, ведь так?

И вот тут-то bravому рейнджеру показалось, что его наконец-то попробуют убить и расчленивать. Уж очень глубокая повисла тишина, и что-то странное проступило в позе Варлока.

– Откуда такой вывод? – наконец произнес тот.

– Да хотя бы от собак! – Сайлара понесло, он чувствовал азарт охотника, вставшего на верный след. – В наше время и на людей-то жратвы не всегда хватает, а держать собаку себе могут позволить только очень состоятельные граждане. Я за всю свою жизнь собаку видел разве что в кино, а ты рассказываешь о них так, будто каждый день имел дело. И твоя речь. Ты, когда забываешься, говоришь слишком грамотно и, прямо скажем, заумно для предполагаемого бродяги, прошедшего полжизни в тоннелях метро.

– Бродяги разные бывают, – проворчал Варлок. А потом рубанул с плеча: – Да. Я стал таким уже после Бегства. Доволен?

– Нет, – теперь уже Сайлар откинулся поглубже в кресло. – Конечно, моё отношение к тебе сложно обозначить словом "нравиться", но дикой тварью из подземелий ты мне нравился больше. Это хотя бы объясняло... все.

– Что – все?

– Убийства и людоедство, например! Это отвратительно в любом случае, но существо, выросшее в аду, хотя бы странно осуждать за то, что оно ведет себя так, как привыкло в своей клоаке. Но если ты был обычным человеком, образованным даже, и превратился в такое... я не понимаю. Это нельзя простить и понять.

– Ясно, – после паузы отозвался мутант, и голос его звучал как-то иначе. – Вижу, ты тверд в намерении всадить мне нож в кишки. Будь осторожен, маленький пес: убийца дракона, как говорят, сам всегда становится драконом.

Сайлар понял, что это конец разговора, и ощутил жгучее разочарование. Непонятно, чего он ждал от мутанта. Отповеди, объяснений? "Я жру людей и отрезаю уши посланникам, потому что..." А что, есть причина, которая могла бы это если и не оправдать, то сделать понятнее?!

Ящерица, да почему ж ты такая ящерица. Тварюка хладнокровная...

Сайлар поднялся.

– Пойду я. Как-то многовато ты на меня каждый раз информации вываливаешь, некогда даже переварить.

– Что, и кидаться душить не станешь? – фыркнул мутант, все еще странно отстраненный.
– Где героическая попытка прикончить чудовище, жертвуя собой?

– На Равнине слишком много чудовищ, – отозвался Сайлар. – А идиот-альтруист, самоназначившийся в службу спасения, как ты верно ранее заметил – один. Я не могу себе позволить жертвенно убиваться об каждое чудовище.

Варлок фыркнул, но на этот раз как-то более одобрительно. И помахал на прощание когтистой лапой.

– Иди уже, гер-рой.

И Сайлар ушел.

Увы, ушел только физически. А вот разум его от мутанта и его мрачных тайн уходить отказался. Лежа на матрасе в комнатке, выделенной ему под временное жилье, Лар почти до утра ворочался, вновь и вновь прокручивая в голове этот их разговор и предыдущий, на вышке. Хотелось продолжить его, выговориться, поспорить, заставить ящерицу отвечать тоже. Почему-то эмоциональная составляющая оказалась важнее полученной информации, и рейнджер в конце концов перестал пытаться понять, что можно извлечь из сведений о мутагене и Городах и зачем ему их вообще сообщили. Сайлар не был уверен, правду ли ему сказал Варлок о планах Слона или причинах Бегства из Городов. Но зато точно знал, не мог даже сомневаться, что про самого себя мутант рассказал правду. Невозможно так лгать, или же Лар просто ничего не понимает в людях. И как же от этого всего жутко и странно. Если Варлок был обычным человеком... обычным горожанином, которого катаклизм искорежил и превратил в звероподобного уроды... что он чувствовал при этом? Затаил злобу на весь человеческий род и мстил ему как мог?

Варлок не походил на одержимого злостью.

Он казался вполне разумным, очень проницательным, а с Сайларом вообще вел себя дружелюбно. И даже как-то... с симпатией? Но, черт возьми, почему тогда?! Как?! Что его на это толкнуло? Лар не находил ответа...

Он проснулся невыспавшийся и злой, принял душ, наскоро позавтракал, так же быстро обсудил с Шьем и Кэми дела. Тем не терпелось покинуть Содраграску, к тому же с базы отписали, что от одной из ферм в районе Красного Кряжа пришел вызов. Можно было собраться и уехать прямо сейчас, но Лар медлил. В конце концов он отложил отъезд до завтра, а сам сел ждать вечера.

Черт знает почему, но он не мог уехать, не поговорив еще раз с Варлоком.

В предзакатной суете городка он разглядел на вышке штаба знакомый силуэт и двинулся туда. Мутант, похоже, даже не удивился:

– Ты решил наконец меня убить или просто соскучился?

– Да как сказать...

Варлок сидел на корточках на краю площадки, глядя на свой город, и Сайлар присел, свесив одну ногу, рядом.

– Если ты знал, что должно произойти, как позволил накачать себя этой гадостью? – спросил он, чуть погодя.

Мутант молчал.

– Это случилось не во время Бегства, – сказал он наконец. – Вернее, во время, но не так, как с остальными. Не хочу, чтоб история звучало сопливо-жалостливо, поэтому скажем просто: я вляпался в неприятности и попал в руки одного... человека. Он хотел, чтоб его называли "Хозяин", но хуй ему. У него было очень много денег, съехавшая крыша, доступ к мутагену и знания, как его применять, чтоб с человеком случилось что-то нехорошее.

– А зачем ему это было нужно?

– Да псих он был, я ж говорю. Довольно жалкий завистливый псих, и – к сожалению – наследник больших денег. У него было поместье за Городом, закрытое собственным маленьким Куполом.

Сайлар присвистнул.

– Ага, – продолжил мутант. – Масштаб деньжищ представляешь, да? Так вот, у него было поместье. Огромный красивый дом, весь искореженный изнутри. Изломанная роскошная мебель, изрезанные картины, разбитые статуи. Не знаю, что это было за расстройство, но придурок был зациклен на ломании всего хорошего и красивого. Особенно людей. В подвале у него всегда содержалось по три-четыре пленника, с которыми он развлекался. Ему недостаточно было просто каких-то людей, он предпочитал таких, кому есть что терять – или, скорее, кого терять. Матери с детьми. Влюбленные пары. Их похищали по его заказу и тайком доставляли из Города. Деньги могут все... Помнишь, была такая певица – Лури Илдис? Красотка и умница, она стала популярна незадолго до Бегства и, как все думали, пропала во время него?

Сайлар помнил. Диск Лури был у Шейна в машине, и, кажется, ее постер имелся в его квартире.

– Так вот, на самом деле ее притащили в поместье одновременно со мной. И накачивали мутагеном, пока она в конце концов не умерла от изменений в каком-то из внутренних

органов. За четыре месяца она из красивой хрупкой девушки превратилась в монстра в уродливых наростах. Голосовые связки он ей располосовал лично, а потом ставил в нашем подвале записи ее концертов, чтобы она могла видеть, какой была раньше и как пела.

– Пиздец, – тихо сказал Сайлар. – А ты?

– А что я, – Варлок помахал лапой. – Мне очень повезло с мутацией – вместо всякой ненужной фигни выросли коготки. А еще поднялся болевой порог. Тут надо заметить, что мистер Называй-меня-хозяином не признавал никаких сигнализаций и замков. Удерживали рабов в повиновении ошейники, делавшие пиздецки больно при попытке пересечь границу камеры. К исходу полугода в этом милом месте это "пиздецки больно" для меня превратилось во "вполне терпимо". Так что конец у этой истории поучительный и счастливый. В нем я выковыриваю называй-меня-хозяину язык через горло, а после веселой беготни и пострелушек проделываю нечто похожее с его охранниками. Жаль, из пленников в подвале к тому моменту больше никого не было в живых.

Сайлар помолчал, переваривая историю. Вот о чем он говорил. Убийца дракона, сам ставший драконом.

– Варлок, – пора было нарушить тишину. – Ты как смотришь на то, чтобы я тебе составил компанию сегодня ночью?

Кажется, ему удалось не просто удивить мутанта – почву из-под ног у того выбить. Сайлар и сам от себя такого не ожидал. Это звучало как приглашение – тьфу, то есть и было приглашением!

– Ты понимаешь, что предлагаешь?! – нет, хотя бы ради зрелища охреневшего Варлока стоило это устроить!

– А то, – хмыкнул Сайлар, чувствуя, что его опять несет. – Не знаю, пробовал ли ты раньше с парнями или хотел бы попробовать, но, в общем, мое дело предложить.

– Пробовал, – машинально ответил мутант, продолжая тарашиться на него сквозь стекла гогглов. Интересно, как он без них – да и вообще без всего! – выглядит?

Между тем пауза уже немного начинала затягиваться. Наконец мутант (несколько нервно, как показалось Лару) поднялся на ноги.

– Идем.

"Бля, – подумал Сайлар. – Что я делаю??"

Они спустились с вышки, потом еще глубже, в подвалы под штабом, и наконец оказались с личным бункере Варлока. Логово людоеда выглядело... обычно. Как жилое помещение, просто под землей. Здесь был стол, шкафы со всякими полезными штуками, какие-то картинки, украшавшие стены, кровать и душевая комната с санузлом. Взгляд Лара зацепился за большую карту – Общины, Города, все важнейшие объекты окрестностей,

какие-то пометки и флажки... Интересно, есть там какая-нибудь полезная секретная информация?

Варлок между тем стащил с себя накидку, оставшись в ботинках, плотных штанах и чем-то вроде водолазки с жилеткой. Дальше раздеваться не спешил.

– Душ вон там. И смазка там же где-то валяется. Готовить себя будешь сам.

– Почему это? – возмутился было Сайлар.

Варлок молча показал руку с пятисантиметровыми когтями.

– Понял, не дурак, – проворчал Лар и спрятался в душевой.

Там он какое-то время просто стоял под струями воды, пытаюсь понять, что вообще происходит и как он умудрился себя в это втравить. Половина его блядских походов в юности начиналась похожим образом, но это было давно, не на Равнине. Однако тянуть время было как-то не по-мужски, так что пришлось заняться, хм, пригготовительными процедурами, а потом и выместись наружу.

За время его отсутствия свет в бункере как-то приугас, превратившись в полумрак. Пока Лар, стоя голым в дверях душевой, пытался проморгаться и привыкнуть к нему, мутант неслышно приблизился откуда-то сбоку. На глаза рейнджера опустилась плотная черная лента.

– Эй, это еще что?!

– Средство защиты, – отозвался голос Варлока. – Делает секс с мутантами безопасным. Или по крайней мере реальным. Партнер не пугается и не убегает.

– Иди ты, – фыркнул Лар, но стаскивать ленту не стал. Ну и черт с ним, раз ему так нравится.

Его ненавязчиво подтолкнули к кровати. Сайлар лег на спину, расслабившись, не пытаюсь принять какие-то там особо соблазнительные позы. Наготы он не стеснялся, но вся ситуация была несколько смущающая. Ах, а еще он находился под землей в закрытом бункере с опасным убийцей. Замечательно!

Варлок неслышно подошел и мягко присел на край кровати рядом с ним. Лар ничего не видел, но откуда-то знал – тот смотрит. Интересно, нравится ли ему то, что он видит? Тело рейнджера давно уже не было такой конфеткой, как в беззаботной юности. Мышцы, мозоли, синяки, шрамы. Летопись жизни на Равнине.

Варлок протянул руку и осторожно коснулся его кожи рядом с ключицами самыми-самыми кончиками когтей. Повел вниз, мимо соска, вдоль темной дорожки волос на животе. Это было не больно, скорее щекотно и чуть-чуть царапно-дразняще. Как во сне.

Движение повторилось. Мутант как будто исследовал тело партнера, касаясь когтями

там и тут. И Сайлару это нравилось. Пара минут этих дразнящих касаний разогрели его так, что он едва не кусал губы.

Варлок чуть сместился на кровати и провел когтем совсем близко от члена Сайлара. Тот дернулся то ли от страха, то ли от возбуждения – не понял сам.

– Ты там осторожнее, ну.

– Я понял, – мягко, но все равно жутковато (спасибо странному голосу) произнес мутант.
– Не нравится. А если так? – и он погладил член партнера тыльной стороной ладони. Бля, чешуя! Так вот она какая там на ощупь.

– А так нравится, – удовлетворенно заметил мутант. И, конечно, тут же повторил.

Даже и неудобно как-то, когда у тебя встает на полную от таких подростковых ласок.

– Да еб твою, не тяни! – попросил Лар, стискивая в кулаке простыню и разводя ноги.

Варлок поднялся. Что-то зашуршало и шмякнулось на пол – видимо, одежда. Затем тяжелое мощное тело опустилось на кровать и на Сайлара. Он ощутил, как горячий член прижимается к его уже смазанному проходу, как касается лица чужое дыхание, и тут мутант рывком двинулся вперед.

Это было так... так...

Долгожданно.

Но Сайлар еще успел подумать, какого черта Варлок не разделся. Не совсем разделся. На нем оставалось что-то из ткани, мягкое и тонкое, вроде термобелья, приспущенного снизу. Внутренней стороной бедер, где их кожа соприкасалась, Сайлар ощущал трение чего-то, возможно той же чешуи. Под рукой, которой он машинально приобнял мутанта за спину, ощущалось что-то и вовсе непонятное – какие-то наросты или гребни, разбросанные асимметрично, вздутия и затвердения.

Все это не позволяло забыть, что с ним сейчас – не человек. И это странным образом заводило.

Пока Варлок двигался в нем, Лар успел не понять даже – прочувствовать одну вещь, которую не воспринимал до этого. Почему к мутанту так липли женщины? Вот это чувство – что с тобой сейчас смертельно опасный хищник, способный убить одним движением лапы, но который именно сейчас и именно тебе не причинит вреда, а, напротив, доставляет удовольствие... Это, черт возьми, было очень. Это было все.

– Ебать я зоофил! – прошептал Лар сквозь стиснутые зубы.

Варлок аж сбился с ритма, потом притормозил:

– Ты когтями по горлу не хочешь получить? Какой еще "зоо"?!

– Нееет, – выдохнул Лар и подался навстречу. – Да продолжай же ты, еби и не болтай!

Варлок так и поступил.

Как всегда во время оргазма Сайлар ненадолго выключился из реальности, и пришел в себя все в той же темноте, обеспеченной повязкой.

– Поцелуй меня, что ли? – сказал он лежащему рядом мутанту.

– Я бы рад, но мне нечем, – проворчал Варлок. Потом наклонился и все же как-то так коснулся губ Сайлара. Черт, он даже эту обмотку свою с лица не снял! Но насчет "нечем" не врал, кажется, – под тканью там было что-то, но на мягкое ощущение губ оно не походило.

– Знаешь, ты все-таки... крайне странный тип, – выговорил мутант, отстраняясь. – И вот что с тобой с таким делать?

– Заткнись, ящерица! – буркнул Сайлар, уронил голову ему на плечо и мгновенно уснул.

Они завтракали вдвоем там же, в бункере. Точнее, завтракал Сайлар – сидя на стуле боком, по своему обыкновению перекинув ноги через колено Варлока. Мутант отговорился тем, что встал раньше и уже успел поесть, так что просто сидел рядом, беззлобно отвечая на подначки на тему того, где и кем он с утраца позавтракал. Он был при гогглах, все так же замотанный в свои тряпки, разве что без накидки и нагрудника. Вот же скрытное существо.

– Ящерка, – спросил Лар, облизывая ложку после второй порции грибной похлебки. – А сколько тебе лет?

– Двадцать пять полных, – чуть помолчав, ответил мутант.

– ЧТО?! Ну нет, быть не может! Я думал, минимум тридцать пять или сорок.

– Страшные мутанты, представь себе, тоже бывают молодыми.

– Ты не можешь быть младше меня!

– Увы.

– На целый год!

– Зато я больше. И прямо скажем – умнее.

– А когда ты возглавил Общину, тебе было...

– Двадцать один. Столько же, сколько тебе, когда создавался отряд рейнджеров.

– Все равно, – Сайлар пхнул его босой пяткой в бок. – Ящерка малявка.

– Ты какая-то суицидальная собака, я понял.

– Пфффф.

Какой же это был кайф – сидеть вот так, поддразнивать и знать, что – не тронет.

– Может, все-таки не будешь уезжать? – чуть погодя, тихо спросил Варлок. – Я слежу за Слоном, вроде пока он не шевелится, но как знать... Он и другие не оставят тебя в покое.

– Я не могу бросить дела отряда и сидеть тут чаи гонять, – вздохнул Лар. – Но я буду начеку. В конце концов, убить меня далеко не в первый раз пытаются.

– Но в первый – настолько могущественные люди по настолько серьезному поводу, – мудро заметил мутант. – Ладно. Будь осторожен, особенно в рейдах, и присмотришься к людям, с которыми будешь встречаться. Слон, – в голосе Варлока прорезалось что-то очень недоброе и странное, – предпочитает действовать чужими руками. И очень хорошо умеет это делать так, что следов потом не отыскать...

– Ладно, – Сайлар поднялся и пошел собирать свои вещи. Потом остановился перед сидящим Варлоком, положил руку ему на плечо. – Еще увидимся, ящерка!

На этом они и расстались.

Сидя в джипе позади Кэми и Шьем, Сайлар смотрел на однообразное полотно Равнины за окном и пытался бдеть. Но получалось плохо. В теле его и мыслях жила невероятная легкость, и он силился понять: как? Почему? Впервые за шесть лет, впервые с тех пор, как он встретил Шайни, все опять так перемешалось и сместилось, и мир опять вращался вокруг. И причиной этого был скрытный, нелюдимый, злобный мутант-людоед из Содраграски...

Равнина все стелилась и стелилась за окном машины.

Гроза была совсем близко.

Они добрались до базы на следующий день, но Сайлар провел там едва ли час, решив сразу ехать в Оазис. Как бы там ни было, а ему обязательно надо было переговорить с Кори обо всем. Да и помириться было бы неплохо...

Оазис, самая красивая Община Равнины, встретил его свежим прохладным воздухом и ленивой неспешностью, с которой здесь привыкли жить. Сайлар поднимался по ступеням дома Кори и думал о том, как многое изменилось за годы. Как на пустом месте в

безжизненной пустыне возникла жизнь, тепло, движение...

Охрана пустила его внутрь без вопросов и сказала, где искать Кори. Но уже на подходе к дверям нужной комнаты он понял, что, похоже, попал на какое-то собрание. Из-за двери доносились взбудораженные голоса, в одном из которых Лар с удивлением узнал звучный говор Шигеру Наги, главы азиатской Общины. Рейнджер распахнул дверь...

И успел услышать последнюю фразу, произнесенную перед тем, как все обернулись к нему:

— ...придется использовать этот план. Варлок умрет сегодня, иначе конец всему, и всем нам тоже конец.

Lost and Found

The tightrope that I'm walking just sways and ties
The devil as he's talking with those angel's eyes.
And I just want to be there when the lightning strikes,
And the saints go marching in
And sing "slow-ow-ow-ow it down".

Through chaos as it swirls
It's just us against the world.

Coldplay, "Us Against the World".

Они все были тут, вернее, почти все. Ролан из Первой Цитадели, Шигеру Наги из Красного Кряжа, Каору Эссинг из Доктрины и, конечно, Кори. Дружный блок с неожиданно примкнувшим к ним азиатом. Только новую главу механиков не позвали – не доверяли, видимо.

– Сайлар! – Кори, как раз говоривший, когда рейнджер вошел, мигом подорвался с места.
– Вернулся...

– Какого черта твоя охрана сюда пускает кого попало?! – взвился Ролан.

– Он не "кто попало", – Кори решительно втащил Лара в комнату. – Ему тут самое место.

– Пусть остается, – согласился Эссинг. – Сайлару мы все доверяем, а еще одна разумная голова нам сейчас не помешает.

– Вы говорили о Варлоке, – Сайлар чувствовал, что все обмерло внутри.

– Да... – Кори сел сам и усадил его. – Ты же вернулся из Содраграски! Какого черта тебя туда понесло и что ты там делал?!

– Помогал прищучить банду, – отозвался Лар. – Бегали к ним какие-то со стороны Хайвея, парня убили на ферме...

– И что людоед?

– Да ничего, – *я просто немного пообщался с ним, трахнулся и понял, что он неплохой парень.* – Ему было не до меня.

– Это еще мягко сказано! – ухмыльнулся Наги.

– Да объясните вы ему уже, – мрачно заметил Ролан. – В общем так. У нас появилась кое-какая информация насчет Варлока. Этот помешанный упырь собирается напасть на один из Городов.

Сайлар не мог видеть себя со стороны, но точно знал, что глаза у него в этот момент расширились.

– Откуда вы можете это знать?

– У меня есть источник. Надежный, – Кори был не очень весел. – И самое печальное – это знаем не только мы. Очень скоро, если ничего не предпринять, об этом узнают Города.

– Кто бы мог подумать, что у твари настолько плохо с головой, – горько заметил Ролан. Он, похоже, был в панике. – Если б нам повезло, его бы самого зашибло во время этой вылазки. Да только вот Города только и ждут возможности проутюжить тут все к чертовой матери. А тут такой повод, агрессия со стороны Общин, да еще и под предводительством мутанта-людоеда! Нас сожгут заживо. И это после всех переговоров, после всех уступок, которые нам с Кори удалось выторговать...

– Хватит причитать, – обрезал Наги. – Ничего этого не будет, если скормить людоеда червям. Мы должны избавиться от него раньше, чем он вылезет. Нет. Раньше, чем даже начнет шевелиться! Достаточно, чтоб в Городах узнали о его намерениях, и всему конец.

– Кори, когда там прибывает твой посланник от Угловых? – спросил Каору.

– Через семь дней, – проворчал Кори. – И у него тоже есть свои осведомители, с которыми он будет встречаться. Он узнает. И быть беде.

– Посланник Городов? – Сайлар, доселе сидевший тихо, вскинул голову.

– Да. А что?

– Да просто интересно стало... Знаете, там было кое-что странное у тех налетчиков, которых убили в Содраграске. Они таскали с собой реагент, такой, как использовался на Станциях Купола. Помнишь эти штуки, Кори? Откуда он мог взяться на Равнине?

– А говоришь, они со стороны Хайвея ходили? У Слона тоже давние нежные отношения кое с кем из Городов. Видимо, выпросил у них подарочек для друга-Варлока.

– Это все не имеет отношения к делу, – остановил их Ролан. – Нам надо решать, что делать, и быстро. Чертов людоед всегда был поперек горла. Но сейчас он перешел все границы. Если его не остановить, он всех погубит.

– Мне нечего добавить, – кивнул Эссинг.

– Одна пуля решит много проблем и спасет много жизней, – согласился Наги.

– Я не сторонник радикальных мер, но так и быть, соглашусь, – вздохнул Кори.

Сайлар сидел и думал. Думал о карте в бункере Варлока. На которой детально были отмечены все важнейшие объекты не только Равнины, но и Городов. Аэродромы.

Казармы полицейских частей. Здание правительства.

– Но есть еще проблема – как до него добраться, – продолжил Эссинг. – Мы упустили свою возможность на Совете – кстати, из-за тебя, Кори, это ты не хотел просто организовать нападение и настоял на сложной схеме с провокацией. Теперь же на подготовку полноценного покушения времени нет. Варлок из Содраграски вылезает очень редко и всегда неожиданно, а внутрь крепости никакой наемный убийца не сунется. Нет таких денег, чтоб поборол страх перед людоедом. Да и сам он... кого попало к себе не подпускает.

"Кроме отдельных чокнутых рейнджеров, – подумал Сайлар. – Которых и подпускает, и терпит рядом с собой, и разговоры разговаривает будто бы открыто и с удовольствием..."

– Тогда – нападение, – заявил Наги. – нужно выманить его и идти большим отрядом, чтоб точно хватило перебить охрану и чтоб тварь не ушла.

– Ты говоришь о твари, которая при огромном численном перевесе не в свою пользу выиграла полевою войну против Саранчи, – вступил Эссинг. – Незаметно устроить засаду с большим количеством людей на его территории почти нереально, а победить будет не очень просто, и много людей в любом случае погибнет.

– Много людей погибнет, если дать ему сделать то, что он хочет, – сверкнув глазами, отрезал азиат.

– Опять по кругу пошло, – поморщился Ролан. – Что...

– Это могу сделать я.

– Э?!

– Я могу это сделать, – тихо произнес Сайлар. – Меня Варлок спокойно подпускал к себе, и даже наедине со мной оставался.

– Чего это он? – подозрительно спросил Наги.

– Может, доверяет. Или скорее не воспринимает всерьез, – "*Маленькая собака...*", – и считает прямолинейным благородным идиотом, – "*Идиотски бессмысленная инициатива. Мне нравится!*"

– У них там есть такая вышка на штабе, сверху площадка, где Варлок любит сидеть по вечерам. Один. И я туда два раза поднимался и говорил с ним. Могу подняться еще раз. Думаю, мне хватит подготовки справиться с ним. За свою жизнь я не боюсь, в отличии от ваших наймитов.

– Нет. Ты не станешь этого делать. Закрыли тему, – от голоса Кори замерзла бы и топка на литейном заводе.

– Помолчи, Шлюший король, – поморщился Наги. – Сейчас время, когда говорят воины, а не торгоши.

– Я не отпущу его туда! Это верная смерть.

– Кори, – устало сказал Лар, – ты меня не можешь куда-то "отпустить" или "не отпустить". Я все равно сделаю, как решил.

Похоже, он убедил их. Ролан по мере речи Сайлара делался все менее и менее суетливым. Шигеру Наги смотрел на Лара с явным уважением. Каору что-то прикидывал в уме, но явно был не против затеи. Кори... на Кори страшно было смотреть.

– Сайлар, ты уверен, что готов на это? – спросил наконец глава Доктрины. – Мы предоставим тебе все ресурсы наших Общин и сделаем все, чтоб вывести тебя из Граски живым. Но риск велик. И мы не можем тебя даже просить пойти на это.

– Я готов, – кивнул Лар.

– Отлично! – выдохнул Ролан. – Давайте обсудим детали.

После совета Лар поймал так больше ни разу и не заговорившего с ним Кори. Подошел. Заглянул в глаза. Положил руку на плечо.

– Кори. Я тебе всегда верил, как себе. Я всегда знал, что твои решения самые верные, и что я могу положиться на тебя, и никогда не сомневаться. Поэтому скажи мне сейчас, что то, что я должен сделать, – правильно. Что это для всей Равнины. Что иначе нас всех ждет беда. Скажи мне, что я жертвую собой не зря, и я сделаю что должен и постараюсь вернуться.

На протяжении всей речи Кори кусал губы и молчал. Явно хотел сказать "Да иди ты к черту и просто не езжай никуда!", но сдержался. Он молчал еще минуту, может две, потом наконец произнес:

– О чем тут говорить? То, что ты собрался сделать, правильно и важно для всех. Для каждого человека на Равнине, даже для варлоковых подданных, которые даже не знают, куда их тащит эта тварь. Но Лар! Я не хочу в это вмешивать тебя.

Он порывисто обнял рейнджера. Но Сайлар на объятия не ответил. Он смотрел в стену остановившимся взглядом и явно был мыслями где-то далеко.

Линта очень изменилась, повзрослела и пополнила с дней их общей юности в Стае. Еще бы – третьи роды. Они с Робом в какой-то момент предпочли жизнь Вольных фермеров и

свили гнездышко на границе Оазиса и Красного Кряжа. Это была, наверное, самая уютная, тихая и по-особенному спокойная ферма на Равнине. Сайлар очень любил тут бывать.

Когда он приехал, Линта выбежала ему навстречу, прижала к пышной груди и повела в дом, угощать и тискать. Лар прихлебывал вкусный чай, слушал мелодичный голос подружки и щебет ее детей в соседней комнате и думал о том, как все изменилось и все они изменились.

– Давай, выкладывай, – наконец сказала Лин, садясь рядом и беря его за руку. – Я же вижу, младший, ты не просто так приехал.

– Лин, – глухо сказал Лар, – я тебе ничего не могу рассказать, но просто выслушай меня, ладно? Это полное дерьмо, Лин: я собираюсь сделать кое-что очень важное, но я, черт возьми, не знаю, прав я или нет. Спросить совета не у кого. Помочь мне тоже никто не может. И мне придется обмануть доверие очень дорогого мне человека, но самое гадкое даже не это. Я боюсь ошибиться. Если я все понял и решил неправильно – пострадают слишком многие.

– Вот нагородил, – фыркнула Лин, улыбаясь. А потом серьезно добавила: – Лар, если б меня попросили сказать, кому из Стаи я доверила бы принять очень сложное и тяжелое решение, от которого зависело бы все, – я назвала бы тебя.

– Почему?! – поперхнулся Лар.

– Бесплезно объяснять. Раз уж ты за двадцать шесть лет жизни так и не понял, за что нравишься людям.

– Ну спасибо, сестричка. Успокоила.

Хотя ему и вправду стало чуть-чуть легче. После общения с Линтой всегда было легче.

...Уже прощаясь, Сайлар замер на пороге и как бы невзначай спросил:

– Лин, ты помнишь наше последнее дело как Стаи? Я имею в виду – в Городах? С этой синей химией со Станций генерации Купола?

– Еще бы не помнить!

– Ты не знаешь, кто был нашим заказчиком?

– Это разве что Кори знает. У него ты не спрашивал?

– Пока нет, – Лар пожал плечами. – Просто интересно. Мы передали ему первый заказ, потом он вроде как попросил еще. Второй ящик добыли незадолго до начала бегства, но за ним никто не пришел. Он так и остался в нашем убежище, да?

Линта на мгновение замялась.

– Не помню. Наверное. Может быть.

– Ясно. Увидимся, Лин!

Он уехал. Его ждало еще одно дело, прежде чем...

В резиденции главы Хайвея его встретили в духе картины маслом "Медвежий сюрприз". В смысле – прихуели конкретно, командир рейнджеров был явно последним, кого могли тут ждать в гости. Шьем и Кэми тихо ржали в кулачки, наблюдая, с каким лицом охрана докладывала начальству о визитере.

Однако внутрь его пустили без дальнейших вопросов. Слон и Эрик Фрост готовы были его принять. И, возможно, тут же грохнуть, но это мы еще поглядим.

Приемная Слона оказалась на удивление строго и функционально обставленной, без признаков разгульной роскоши. Не считая того, что вся мебель и техника в ней явно была доставлена из Города, что уже являлось роскошью.

– Ну здравствуй, – Слон поглядел на вошедшего Сайлара маленькими глазками. – Зачем приехал-то?

– Уж точно не извиниться, – усмехнулся рейнджер. – Как лицо, Ангус?

– Неплохо. Холодными компрессиками лечился. Да садись ты, не маячь.

Сайлар сел.

– Я хочу поговорить о Варлоке.

Слон и его заместитель чуть не подпрыгнули.

– О Ваарлоке, – протянул работорговец. – Что ж. О таком я всегда рад поговорить.

– Он тебе поперек горла, я знаю.

– Как и всей Равнине, – вставил Эрик.

– Как и, предположительно, кое-кому из Городов, – продолжил Лар. – Все заинтересованы в том, чтобы от него избавиться. И я думаю, что смогу это осуществить.

– Что, Кори совсем поперек горла стали людоедские четыре тысячи ружей? – ввернул Слон, но смотрел при этом серьезно и слушал внимательно. – Продолжай.

Сайлар коротко изложил план.

– Если повезет, я смогу сделать все незаметно, спуститься с вышки и уйти живым. Варлок имеет обыкновение сидеть там часами, его долго не хватятся. Если же мне не повезет... что ж, твоя разбитая рожа будет достойно отомщена.

– Да какая месть, детка! – Слон хлопнул рукой по мясистому колену. – Если ты возьмешь на себя избавление Равнины от этой зверюги, я тебе подарю самого симпатичного раба из личной коллекции. Можешь даже сам приехать и выбрать! – он широко развел руки.

Сайлар поморщился.

– Рабов своих себе оставь.

– Зря, – как-то очень хитро улыбнулся Слон. – Никогда не отказывайся от подарка, не посмотрев на него. Знаешь, в моей коллекции... очень интересные экземпляры попадались.

– Обойдусь, – отрезал Лар. – Давай о деле. Мне нужно кое-что от вас.

– Выкладывай.

– Первое и главное – не вмешивайтесь, пожалуйста. Я не буду спрашивать, имеешь ли ты отношение к банде, уничтоженной в Содраграске несколько дней назад. Скажем так: понятно, что у тебя счеты к Варлоку и что ты всегда рад ему насолить. Придержи все это. Мне не нужно, чтоб он был разозлен и подозрителен, иначе все может сорваться. Пусть хоть несколько дней тут царит мир и покой.

Слон покивал головой:

– Разумно. Не вмешиваться и дать тебе действовать. Что еще?

– Я пока не знаю, как буду уходить из Граски, если все получится. Людей своих с собой не беру, чтоб не подставлять. Возможно, двинусь к вашей границе, она ближе всего. Нужно, чтоб кто-то подобрал меня там. Сделаешь?

– Легко, – кивнул Слон. И Эрик тотчас добавил:

– Мы можем даже влезть на территорию Граски. Попробуй выйти к развалинам старого завода, он примерно в пяти километрах от Общины. Я отправлю туда людей. Если заблудишься, просто иди на юг, к трассе. Так или иначе наткнешься на наших.

– Я знаю, где завод. Все понял, – Сайлар поднялся. – Пожелаешь мне удачи, Слоник?

– Удачи, детка. Принеси нам его когти как сувенир.

...Когда он ушел, Слон еще некоторое время смотрел вслед, а потом шумно вздохнул.

– Чего ты ворчишь? – Эрик, прекрасно умеющий улавливать настроение босса, недоуменно поднял бровь. – Если все это не какая-то подстава, то нам очень повезло.

– Если и подстава, то крайне хилая. Да и лапушка Сайлар не умеет врать, так что... – Слон потер подбородок. – Но я не поэтому кручусь. Помнишь, каким этот чертенок был шесть лет назад? Конфетка. Валить и трахать до обморока. А вырос в какого-то унылого монстра.

– Юноши имеют свойство взростеть и матереть, – пожал плечами Эрик.

– Ай, оставь! – махнул рукой Слон. И добавил: – Я просто жалею, что шесть лет назад нам попался его бойфренд, а не сам лапушка Сайлар...

Первая звезда загорелась на небе. Сайлар стоял перед воротами Граски. Его ребята, даже не подозревающие, что задумал командир, минуту назад укатили, помахав на прощание. Если он рассчитал неправильно... значит, больше их никогда не увидит.

На воротах дежурил кто-то из парней, с кем они ходили в вылазку против банды у ферм. Сайлару пожали руку и впустили без вопросов, наказав передать привет "девчонкам в штабе – ну, если ты туда сейчас двинешь!".

Сайлар пошел к штабу.

Вечерняя Граска была такой же, какой он ее запомнил, – мирной, суетливой, приветливой. Мужчины, женщины и дети радовались прошедшему в трудах дню и наступившему спокойному вечеру. На площади опять жгли огни, распивали подогретую настойку и пели песни.

В штабе действительно дежурили "девчонки", включая молчаливого лейтенанта Джилин; остальных Лар не знал. Здесь его тоже пропустили без вопросов, махнув в сторону лестницы на вышку – мол, Варлок там.

Сайлар полез вверх.

Короткий путь между землей и небом, смех внизу, пустота вокруг. Он поднялся на площадку и, едва заметив знакомую фигуру, сказал:

– Здравствуй, ящерка. Здравствуй.

Идущая на убыль луна освещала развалины огромного завода. На верхнем этаже одного из крайних его цехов в тених затаилась группа людей.

– Ну и где наш клиент? – слышался ворчливый голос. – Птичка еще когда передала, что

из Граски он выбрался. Давно должен был дойти сюда!

– Хорош шуметь. Дойдет, никуда не денется. Ох и интересно, чем у них там все закончилось.

– Птичка говорит, через полчаса после того, как он вышел, началась какая-то суматоха. Баба эта с кудряшками, ихний хирург, чуть ли не в полотенце, как в душе была, выскочила и понеслась в штаб. И с ней лейтенанты. Неужто и впрямь порешили уродца?

– Тихо, ребята! Смотрите, там, у камней! Кажется, идет!

Вдали, на залитой лунным светом Равнине, действительно показалась одинокая фигура.

Тени спешно снялись с места и заскользили меж развалин, занимая удобные позиции для нападения. Время тянулось мучительно долго, пока наконец одинокий путник не ступил на территорию завода. На него тотчас бросились со всех сторон, заламывая руки и пару раз для надежности врезав по ногам и животу.

Жертва нападения странным образом не стала сопротивляться. Дала себя повалить и связать. Нападавшие собрались вокруг и зажгли свет.

– Ну здравствуй, Вэнс, – выдохнул едва отдышавшийся Сайлар, морщась от направленного ему в лицо луча фонаря. – У меня только один вопрос – ты от Слона?

Несостоявшийся убийца Рэтти Янга выступил вперед из-за спин своих людей и знаком велел поднять пленника на ноги.

– Он сказал, что ему очень жаль, – Вэнс похлопал Сайлара по щеке. – И вообще-то просил убить тебя быстро, безболезненно и тихо. Но разве я могу так поступить? – и он со всей силы врезал рейнджеру в солнечное сплетение. – Если бы не ты, сука, я был бы сейчас главой Общины. Мне кажется, я имею право немного отыграться. Да, парни?

– Ты не стал главой Общины не из-за меня, а потому что еблан, каких поискать, – вздохнул Лар, отдышавшись после удара.

– Поговори мне тут, – прошипел Вэнс. И вдруг упал с аккуратной дыркой в виске.

Сайлар предусмотрительно рухнул на землю, а вокруг загремели выстрелы. Впрочем, длилось это недолго. Всю шайку Вэнса, неосмотрительно вывалившуюся на открытое место с зажженными фонарями, положили мгновенно.

Послышались торопливые шаги, а потом сильные руки помогли Лару подняться.

– Да твою же мать, Сайлар! – выпалил Кори. – Что с тобой надо сделать, чтоб ты не влипал в заварушки каждые три-четыре дня? – он быстро разрезал веревки, стягивавшие запястья рейнджера. – Надеюсь, ты хоть не думал, что я на самом деле согласился отпустить тебя без присмотра.

– Не думал.

– Пошли из этого мерзкого места. Оно мне не нравится.

"Правильно не нравится", – подумал Сайлар. Но вслух сказал:

– Погоди.

– Что еще? – Кори нетерпеливо потянул его к выходу. – Пойдем, мы тут машины кинули недалеко, надо сваливать отсюда. У тебя ведь получилось?! Ребята Варлока носом землю будут рыть, чтобы найти убийцу.

– Стой, – Сайлар взял его за плечо и заставил остановиться. – Ребятам твоим скажи, пусть идут, а нам надо поговорить.

– Не здесь же...

– Здесь. И сейчас.

Кори вздохнул и повернулся к своим людям:

– Парни! Идите к машинам, мы догоним, – и опять Лару: – Ну чего тебе, горе мое?

– Этот твой посланник Городов, который должен был приехать через неделю... он существует или такой же вымысел, как все остальное?

Кори посмотрел на Сайлара расширившимися глазами.

– Ты собирался сделать это еще на Совете, – продолжил Лар, – скорее всего – стравить Хайвей и Содраграску. Избавиться от Слона, либо от Варлока, либо от обоих сразу, после чего на Равнине не осталось бы никого, кто мог бы противостоять вашей коалиции. Но влез я, и ничего не получилось. Тогда в ход пошла банда мутантов, явившаяся якобы от Слона, с ядовитым подарком в руках. По плану, видимо, Варлок должен был озвереть и напасть на Хайвей, так ведь? Но он не клюнул на приманку, зато сболтнул кому-то из своих, что собирается нанести недружественный визит в Город. Этот кто-то шпионил на тебя, либо спал с кем-то из твоих конфеток, и после порции особого порошка, подсыпанного в питье, выболтал все как на духу. И дал тебе идеальный повод натравить все Общины на Содраграску. Даже Наги клюнул, хотя обычно азиаты ни в чем тебя не поддерживали.

– Сайлар, – наконец-то обретя дар речи, произнес Кори. – Здесь не время и не место все это обсуждать.

– Хорошо, – Лар отступил на полшага и посмотрел ему в глаза. – Тогда последний вопрос. Когда мы крали чертов реагент со Станции Купола и передавали его заказчику, ты знал, для чего он нужен? Знал, куда пойдет и что потом случится?

– Да не знал я! – не выдержал Кори. – Мне предложили серьезную работу и очень

большие деньги. Грех было отказаться. Что эта штука способна сотворить с человеком такое – ну, что она сделала с беднягой Пи Смитом и остальными, – я догадался уже потом, на Равнине. Сопоставив кое-какие факты и прикормив группу новообращенных мутантов.

– Твои бы мозги, Кори, да на мирные цели, – зазвучал из темноты жуткий голос. Вожак Стаи дернулся было, но тут со всех сторон как тени возникли люди Содраграски.

Молчаливая Джилин отсалютовала двум застывшим людям, недвусмысленно держа пистолет. Спустя мгновение на свет вышел и Варлок, до этого явно сидевший в остатках здания в паре этажей над их головами.

– Что за...

– Устраивать засады на засады на засады – мое любимое занятие, – проворчал мутант, указывая лапой на тела Вэнса и его людей. – И не дергайся сильно. Твои ребята сейчас сидят смирно под прицелом снайперов и на помощь не придут. Вообще никто не придет. Район оцеплен, вояки Слона, Ролана или кого угодно еще, кто хотел бы пожаловать на разбор, и близко не подойдут.

Кори выпрямился и скрестил руки на груди. Ему явно было не по себе, но Вожак был не из тех, кто пасует в какой бы то ни было ситуации.

– Сайлар, детка, ты ничего не хочешь мне сказать? – тихо спросил он.

– Нет, – устало ответил рейнджер. – Или хочу? Когда я просил тебя сказать мне правду, когда спрашивал, правильно ли я поступаю, соглашаясь убить доверяющего мне человека, – ты не ответил "это просто мои далеко идущие планы по захвату власти на Равнине, детка". Не знаю, Кори. Может, ты и впрямь веришь, что все делаешь для общего блага. Я никогда в тебе не сомневался и никогда тебе не лгал, и решиться на это было очень нелегко.

Варлок сделал знак своим людям, и те опустили оружие.

– Ну что, поговорим, как глава Общины с главой Общины? Или черт его знает, как кто с кем... Знаешь, Вожак, я рад был бы видеть тебя союзником, а не врагом, но ты, кажется, тверд во мнении, что Равнина слишком тесна для двух таких ядовитых змей. Поэтому давай расстанемся на время по-хорошему. Я не стану убивать тебя. Ты не станешь убивать меня. То есть ты, конечно, можешь попытаться, но я теперь знаю, как ты действуешь и чего добиваешься. А вот ты про меня, кх-кх, до сих пор ничего не знаешь. Подумай над этим.

– Что, вот так просто отпустишь? – недоверчиво спросил Кори.

– Могу платочком помахать, если одолжишь мне платочек. Все, ребята, утренник закончился. Джил, проводи мсье Короля до машин. И проследи, чтоб он с друзьями покинул территорию нашей Общины без помех и ничего не натворив.

Джиллин, все так же молча, подошла к Кори и в сопровождении остальных солдат двинулась с ним прочь.

Варлок и Сайлар остались вдвоем.

– Хоть теперь ты мне скажешь – зачем?.. – тихо спросил мутант.

Лара едва держали ноги. Он отвернулся, посмотрел на луну, потом вдаль перед собой.

– Не благодари, ящерица. Я это сделал не для тебя. От того, правильно ли я выберу, зависела судьба всей чертовой Равнины. Как-то слишком много для одного человека... – он не удержался и все же присел на покрытый пылью обломок бетонных свай. – Я знаком с Кори с детства. Я любил его как брата и верил ему как брату. Но я его еще и очень хорошо знаю. Он почти гениальный сукин сын и может добиться чего угодно. И, как и Слон, любит действовать чужими руками. Это в крови... Я еще на Совете заподозрил, что что-то тут не ладно, а на совещании в Оазисе окончательно убедился, что это вы двое всякими хитрыми вывертами пытаетесь разобраться друг с другом. Кстати, раз уж речь зашла про то сборище – может, скажешь, кто из них на тебя шпионит?

– Так тебе все и скажи, – фыркнул Варлок. Но потом добавил: – Наги, конечно же. У него свой резон. Парень знает, что, покончив с мутантами и людоедами, народный гнев жителей Равнины переключится на кого-то еще. Например, на его узкоглазых собратьев. Так что он меня всячески оберегает и лелеет. Как удобный громоотвод.

– Шпионит на тебя, делая вид, что шпионит на Слона, шпионя при этом на Кори и компанию? Вот шустрый парень.

– Хитрый как сам черт, – кивнул Варлок. – Он у меня на втором месте в списке умных сволочей, которых надо опасаться. Сразу за Вожаком.

– Уверен, у всех остальных жителей Равнины этот список возглавляешь ты, – Сайлар перевел дух. – В общем, я понял, что что-то не ладно, но нужно было еще разобраться, кто в конечном итоге принесет нам всем больше беды – Кори или ты. И я хотел знать, кто додумался опять пустить в ход мутаген.

– Были варианты?

– Кори или ты, – Лар поднял глаза. – Ты же сам рассказал, что у того уродца, державшего тебя в плену в поместье, был доступ к реагенту. И более того – у него был свой Купол. Значит, порешив там всех, ты мог прихватить этой дряни про запас с собой. А второй вариант... мы со Стаей, похоже, нечаянно поспособствовали началу Бегства из Городов. И один ящик реагента у нас оставался с собой. Я точно помню, что Кори сдал его на хранение Робу и Линте, и перед поездкой к тебе решил проверить, там ли еще эта дрянь. А Лин... ей очень неудобно было врать мне. Так что ответ на свой вопрос я нашел. Видишь, ящерка, – он развел руками, – я учусь. Я смотрю на людей и пытаюсь понять, чего они стоят и что у них за фасадом. Ты... убедил меня, что не такое уж кровожадное чудовище. Тем убедил, что не стал пытаться убеждать. И я отдал в твои когтистые лапы будущее всей Равнины. Не подведи меня, пожалуйста. Иначе я не знаю, как мне быть.

Это был самый дерьмовый момент выбора в моей жизни. И вот еще что...

– Да?

– Если ты от Наги знал, что меня отправили тебя убить, какого черта спокойно пустил в Граску и к себе на вышку? А если б я с поясом смертника явился и устроил из нас двоих фейерверк прямо там?

– Некоторые вещи просто нужно сделать. А некоторые испытания – пройти, – Варлок подошел ближе. – Сайлар. Пойдем со мной, пожалуйста. Домой... то есть в Граску. Я хочу кое-что сказать.

Когда они спустились вдвоем в бункер, Варлок, против обыкновения, зажег поярче свет. Прошелся туда-сюда, словно обдумывая что-то, а потом сбросил накидку, пояс с оружием, нагрудник. И стал раздеваться дальше.

– Эй, – Сайлар, поняв, в чем дело, попытался его остановить. – Послушай... не нужно. Если тебе не хочется, я могу не видеть.

– Нет, – помотал головой мутант. – Хватит уже прятки. Я...

Одежда у него почти вся оказалась на липучках. И понятно – с какими-нибудь пуговицами он бы с такими когтями едва ли справился. Сайлар посмотрел на обнажившийся торс и почувствовал, как глаза против воли расширяются.

Варлок был хорошо сложенным высоким мужчиной, но тело его обезобразило действие мутагена. Это было жутко. Здесь и там – какие-то наросты, бугры, полосы вздувшейся кожи. Руки до локтя в блестящей чешуе, выше на левой – неприятный участок какой-то рыхлой ткани с язвочками. На ногах – проплешины той же чешуи, правое колено странной формы, будто там образовался нарост прямо на кости. А еще... шрамы. Это точно не могли быть случайные раны – разрезы шли очень ровно, и их было много – будто кто-то развлекался, полосуюя тело жертвы там и тут.

Варлок снял и свои гогглы, оставив лишь обмотку на лице. Закрыв глаза и сел на кровать, давая Сайлару время себя рассмотреть. Тот подошел ближе. Потом опустился на колени рядом. Протянул руку, осторожно коснулся одного из шрамов.

– Черт, – выдохнул он наконец. – Это так... черт. Почему я ничего не могу сказать, когда нужно?

– Просто ты иногда очень глупый, – тихо ответил мутант. – По крайней мере во всем, что касается меня.

И снял, наконец, тряпки с лица.

Эпилог

Эта история начинается для меня однажды вечером в баре, где подают отвратительное пойло, но играет хорошая музыка. Конкретно в тот момент – какая-то старая рок-группа с песней о любви, оставившей только пыль на полу, шрамы и сувениры.

Я сижу на бильярдном столе, опуская по одной в стакан старые стершиеся монетки. Это пари. Я хочу победить. Хотя, конечно, пришел сюда не за этим...

Тут кто-то врывается в стол, сотрясает его, меня, стакан, в котором жидкость плещется по краю и рискует пролиться. Я поднимаю глаза и прожигаю взглядом шутника, едва не сломавшего мне все построения.

Мы смотрим друг на друга.

Он уже забрал мою жизнь, хотя ни он, ни я еще об этом не знаем.

Жизнь может казаться такой простой, когда тебе девятнадцать (почти двадцать!) лет и ты – сын рано погибшего высшего офицера полиции Углового Города. Отец оставил мне многое, в том числе – крохи кое-какой информации, не предназначенной для простых смертных. Благодаря им я знаю – вернее, догадываюсь, – что в Городах что-то затевается. Кто-то на черном рынке упорно ищет посредников, готовых доставлять ему реагент со Станций генерации Купола. Это может многое означать. А мне так нравится играть в секретного агента, и очень хочется узнать, кто же этот "кто-то". Для этого есть один путь – присоединиться к тем, кто будет похищать реагент, и, может быть, выйти на их заказчика.

Так я оказываюсь в Стае.

И встречаю тебя.

Двадцать лет – не тот возраст, когда стоит играть в секретных агентов. Я предсказуемо ничего не добиваюсь, да и голова забита совершенно не тем. Раньше я никогда не влюблялся. Но раньше я и не встречал никого похожего на тебя.

Бегство из Городов ударяет по хрупкой, едва родившейся связи и вышвыривает нас во внешний мир. Я чувствую себя потерянным и нашедшимся одновременно. Но совсем недолго.

Заброшенное ранчо посреди пустыни. Заглохшая машина. Камень из пращи, прилетевший в висок. Я прихожу в себя несколько раз, пока меня тащат куда-то по Равнине. Один из нападавших ранен. Они переговариваются и несколько раз произносят неуместное здесь слово "слон".

На борту грузовика, к которому меня притащили, действительно слоновья голова. Здесь мои похитители устраивают торги. Смешно – я продан за ящик бухла работорговцам. Откуда только взялись работорговцы посреди творящегося

апокалипсиса?! Между тем мои похитители раздевают меня догола, забирают все снаряжение и вещи и передают покупателю. Своего раненого они добивают, а тело почему-то утаскивают с собой.

Спустя какое-то время я лежу в темноте в закрытом кузове грузовика и слышу снаружи знакомые голоса. Приподнимаюсь, выглядываю в щелку. Кори о чем-то говорит с помощником главного работарговца. Я вижу там тебя. В тот момент мне кажется, что это последний раз, когда я вижу тебя.

Потом на меня наваливаются и прижимают к полу, чтобы не шумел.

Стая уходит. Я остаюсь один.

Мы долго едем по пустыне куда-то, пока не заезжаем по подземному тоннелю на территорию огромного поместья, прикрытого собственным Куполом. К нам выходит человек. Он говорит, что хочет, чтобы я называл его "Хозяин".

Полгода в темноте. Два месяца назад умерла Лури Илдис. Я остался последним. И я – уже давно не я.

Полгода в темноте. Я отрастил когти, собрал по крупинкам знания, разведал все что мог. Пора выбирать.

Кровь мерзавца, сотворившего со мной все это, на вкус такая же, как любая другая кровь.

Я выжил, но я не знаю, зачем жить. Я думаю о том, что могу просто идти вперед. К Красному Поясу, а лучше далекому Черному. Я буду идти, пока смертельная тьма, губительная для всего живого, не поставит точку и в моей жизни. Хотя как знать. Ни один человек не пересекал Черный Пояс, но я ведь уже не человек, так?

Но я так и не сделаю этого. Я добираюсь до окраин нового города, названного Скайглэйвом. Там живут люди, хорошие, в общем-то, люди, готовые открывать для себя новый мир. Они дают мне приют, работу и начинают называть Следопытом.

Сложно жить в этой новой шкуре. А скоро ведь и ее придется сбросить.

Когда приходит Саранча, я уже почти решил, что буду делать. Здесь очень много людей, и им нужна помощь. Но увы – с таким врагом не справиться ни обычному парню, пусть и сыну офицера полиции, ни даже мутанту Следопыту. Нужен кто-то, кого будут бояться. Нужно чудовище. Варлок.

И я становлюсь им.

Год войны, и четыре – правления Содраграской. Вся Равнина знает мое имя. Я несколько раз встречался со Слоном, который и близко не опознал своего пленника. И пару раз – с Вожаком. Кори набирает вес и влияние едва ли не быстрее меня, и да – тоже не узнаёт. А есть ли кого узнавать? Не пора ли уже решить, что тот я, прежний я, давно мертв?

Не пора. На этом чертовом Совете я сижу и жду, откуда же грянет, что приготовили для меня мои товарищи по крысиному ящику? И вдруг слышу голос, который все эти годы не рисковал вспоминать.

Шесть лет исчезают и тают, как огонь свечи на ветру.

...Так странно сознавать, что ты отчаянно ненавидишь меня. Странно – потому что все это уже было. Шейна Рэя в свое время ты встретил ничуть не теплее, чем людоеда Варлока. А я, чуть ли не впервые за эти годы, растерян и сбит с толку. Что с тобой теперь делать, с таким?

Ты сметаешь, как ураган, все планы всех фракций на том злосчастном Совете.

Потом приезжаешь ко мне, хотя этого я точно не ждал.

Кружишь вокруг, как голодный волк, пытаешься не то поддеть, не то поговорить и понять.

А я все еще не знаю, что делать.

Когда ты рядом, мне так ясно видна пропасть между тем, кем я был, и тем, кем я стал. И мне страшно сознавать это.

А ты уже тянешь меня дальше. Ближе к себе. И я ничего не понимаю. Как ты можешь хотеть меня – такого? И даже любить – такого? Я ведь знаю этот твой взгляд, знаю голос, он звучит как будто из прошлого, из того отчаянно прекрасного утра в моей квартире, когда мы впервые просыпаемся вдвоем.

Когда Наги передает мне, что ты сам вызвался меня убить... я не знаю, что со мной в тот момент. Но позже я начинаю думать, что готов ко всему. Я жду один на вышке. Приходи. Я должен знать, что это было и чем закончится.

Ты приходишь, чтобы рассказать правду. Шесть лет, Саэ. Я успел за эти годы забыть, какой же ты чудесный.

Они стояли рядом на вышке, глядя на медленно просыпающуюся Граску, и держались за руки.

– Так что там с твоими планами насчет Городов? – спросил Сайлар, зевая.

– Ну насчет полноценной войны это, конечно, была деза, – фыркает мутант. – Надо было переполошить Кори и заодно посмотреть, кто же ему сливает информацию. Но честно тебе скажу – я не совсем на пустом месте это придумал. Присматриваюсь к одной их военной базе. Не слишком хорошо, когда у других агрессивных засранцев много бомб и

прочей радости, а у меня – нет.

– Я так понимаю, на мирную старость и дом с садиком тебя уговаривать бесполезно?

– Ну почему же! – он помолчал, а потом продолжил: – Заешь, Саэ, ты же был прав. В том, что я несу Равнине, много зла. Людоед-убийца не может править здесь вечно. Я думал, что устрою здесь все, насколько смогу... Разберусь с Саранчой, ее последователями и главное – нашими друзьями из Углового, которым, похоже, и захвата двух других Городов мало. А потом уйду. Уйду к Черному Поясу, а Граской и другими Общинами пусть правят нормальные люди. У кого в прошлом нет плена у маньяка и съеденных трупов врага.

– Ну ты загнул, – проворчал Лар. – Тут же работы еще на много лет! А я, может, уже на пенсию хочу.

– Какая пенсия, а кто спасать котят из торнадо и переводить старушек через расселины будет? Впрочем... дом с садиком, говоришь?

– Да, Шайни. То есть ящерка. Дом с садиком. Когда-нибудь. Но обязательно.